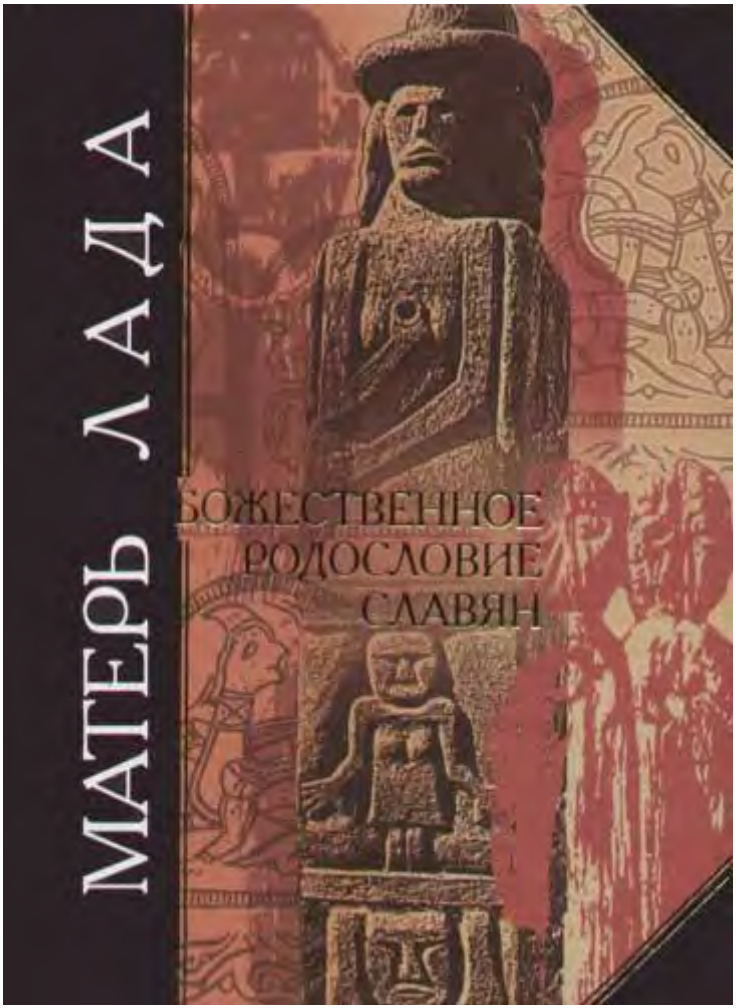
https://RodnoVery.ru



ББК 86.31 М34
Предисловие, словарные статьи, глоссарий и комментарии *Д. Дудко*
Дизайн книги *А. Пилипенко*
Серийное оформление *Е. Шамрай*
На переплете: изображение Збручского идола, отражающего целостную космогоническую систе которая сложилась у славян до IX века.

М 34 МАТЕРЬ ЛАДА. Божественное родословие славян. Языческий пантеон. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 432 с, ил. — (Антология мудрости).
i подлеском
ISBN 5-699-01625-2

Повержены в прах древние идолы, заросли густым подлеском старые капища, отошли в область предания древние боги. А ведь были времена, когда все славяне почитали как предков и дорогих родичей верховного владыку Рода и его супругу великую богиню Ладу, воеводу Перуна, волхва Велеса и страшную хозяйку леса, богиню смерти Бабу-Ягу.
Пантеон славянских божеств по своему составу и достославным деяниям нимало не уступал своим более знаменитым «коллегам» с греческого Олимпа, скандинавского Мирового Древа Иггдраснль или тем, кого почитали индоиранские народы. Дружная семья высших существ и мелких боженят одушевляла своим присутствием простой и мудрый миропорядок, каким он виделся нашим предкам-язычникам. В этой книге древние боги славян вновь собраны воедино — с них, с прародителей, и началась когда-то наша родо - словная.

© Издательство «Око». 2004 ISBN 5-699-01625-2 **© ООО «Издательство «Эксмо». 2004**

https://RodnoVery.ru

Пути в мир славянских богов

Эта книга — не просто очередной словарь славянской мифологии. В таких словарях (даже составленных на высоком научном уровне серьезными учеными) сведения о богах, духах, праздниках, обрядах оказываются разбросанными по лаконичным статьям, расположенным в алфавитном порядке. Это, конечно, удобно для справок. Но в результате вместо цельного образа славянского Олимпа получается что-то вроде бухгалтерской ведомости или справки из отдела кадров на бригаду, набранную с бору по сосенке.

А ведь славяне, жившие общинным строем, и пантеон свой представляли общиной-племенем, родом или патриархальной семьей. В этой семье-племени есть свой старейшина (Род), его супруга (Лада), свой князь-воевода (Перун), волхв-шаман (Велес) и т. д. Это — не двор небесного самодержца с придворными «чинами ангельскими» и святыми угодниками. И сами люди богам не бесправные рабы, а родичи и потомки. А вековая Правда была одинаково писана людям и богам.

У каждого племени был свой, особо чтимый, бог-покровитель. Но сам пантеон (кроме некоторых локальных божеств) был единым для всего славянского мира. (Так же, как, например, олимпийский — для мира эллинов, разделенного на множество полисов.) При этом одно и тоже божество у разных племен, в разных обрядах могло носить разные имена. А в христианские времена гонимые боги стали скрываться под именами-масками святых, а также эпических и сказочных героев. Бог солнца, например, у восточных славян звался Даждьбогом, Сварожичем и Хорсом, у полабских — Радигостом Сварожичем, у южных — Божичем; в купальских песнях он — Иван (Ян), в сказках — Иван Царевич, Иван Сучич, Зоревик, в былинах — Иван Годинович и т. д. Племенным богом он был у бодричей и лютичей в нынешних Мекленбурге и Померании.

Цель этой книги — показать семью славянских богов такой, какой ее представляли сами славяне-язычники. Задача, надо сказать, не из простых. То ли дело писать О мифологии эллинов, индийцев или иранцев. Тут к твоим услугам Гомер, Гесиод, Веды, Авеста, «Махабхарата», «Шахнаме»... Сумей только не запутаться во множестве имен и противоречивых версий. Даже кельтские и германские мифы неплохо сохранены христианскими книжниками. А славянские? Увы. Не нашлось у славян своей Ирландии или Исландии, где можно было бы записывать отечественные мифы, не рискуя попасть на костер. А книги языческих волхвов до нас не дошли — если вообще существовали. Знаменитая «Велесова книга» — талантливое и мудрое сочинение. Только не волхва IX века, а белоэмигранта Юрия Миролюбова (при участии известного коллекционера и подделывателя древнерусских рукописей А. И. Сулакадзева)[1].

О живом еще славянском язычестве писали, казалось бы, многие. Авторы древнерусских и польских антиязыческих поучений; русские летописцы; хронисты польские (Ян Длугош, Мацей Меховский, Мартин Кромер, Мартин Вельский, Мацей Стрыйковский), чешские (Козьма Пражский, Неплаха, Вацлав Гаек), немецкие (Видукинд Корвейский, Титмар Мерзебургский, Адам Бременский, Гельмольд), датские (Саксон Грамматик и автор «Саги о Книтлингах»); византийский историк Прокопий Кесарийский; ученые арабы ал-Масуди и Ибн-Фадлан. Но почти все они стремились искоренить «идолобесие», а не сохранить память о нем. Имена богов, их функции (не всегда), описания идолов, святилищ, обрядов — вот и все, что они считали нужным доверить пергаменту. Ни родословных богов, ни сюжетных мифов. При этом иностранцы (немцы, датчане, арабы), для которых славянское язычество было занятной экзотикой, писали о нем подробнее, чем сами славяне. Польские ксендзы в своем католическом усердии не называли отеческих богов по именам вплоть до XV в., а их чешские собратья — до XIV в. Козьма Пражский в XII в. упоминал чешских богов лишь под античными псевдонимами («Юпитер», «Марс» и т. п.).

Одно из немногих исключений — летописная статья 1114 г. Хитрый русский книжник поведал о Свароге и Даждьбоге, отождествив их с египетскими «царями» Гефестом и Гелиосом (читай: богами Пта и Гором) из греческой хроники Иоанна Малалы и выписав оттуда лишь то, что напоминало славянский миф. Другое исключение — бессмертное «Слово о полку Игореве». Его автор-христианин смело и без всякой враждебности упоминал языческих богов. Само восприятие мира в поэме — глубоко языческое. Вся природа одухотворена, злые ее силы вещают гибель князю и дружине, а добрые — помогают, княгиня молится трем стихиям... Одно это доказывает подлинность «Слова...»

Два века спустя автор «Задонщины» заставит Мамая призывать русских богов, путая при этом их имена.

Будем, однако, благодарны всем средневековым авторам, донесшим до нас хоть какие-то сведения о славянском Олимпе. Ведь именно из рядов гонителей язычества вышли его первые исследователи. В XII в. ученый русский паломник на борту корабля в Эгейском море переводил и комментировал антиязыческий трактат Григория Богослова, разработав при этом целую схему развития славянских верований: культ упырей и берегинь — почитание Рода и Рожаниц — поклонение Перуну. Схема эта в главном соответствует принятой ныне в науке: духи стихий уступают место божествам плодородия, а те — воинственному богу князей и дружинников. В XV в., в эпоху Ренессанса, каноник Ян Длугош описал польский пантеон, соотнося отечественных богов с античными. Ему последовали польские историки XV—XVI вв. Меховский, Кро-мер,

---

[1] Отсутствие священных книг и самой письменности — вовсе не признак «дикости» или скудоумия. Веды и Авеста долгие века существовали лишь в устной форме, а кельтские друиды принципиально не записывали своего учения.

https://RodnoVery.ru

Вельский, Стрыйковский, их чешские коллеги — Ян Дубравский (XVII в.), М. Странский (1634), Иржи Стрже-довский (1719), Г. Папанек (1780), немецкие и лужицкие историки XVI-XVIII вв. А. Кранц (1572), П. Альбин (1590), Э. Шедиус (1648), Г. Мазиус (1710), Абрахам и Михаил Френцели (конец XVII — начало XVIII вв.), Экхардт (1732).

Собственно, между письменными источниками и исследованиями по славянской мифологии нет строгой грани.

Историки эпохи Возрождения и барокко не только переписывали друг у друга сведения о славянских богах, но и дополняли их оригинальными данными. Ценны в этом плане сочинения чеха Вацлава Гаека (XVI в.), немцев Маре-шалка Турия и Конрада Бото (XV в.).

Да, авторы тех времен были склонны к «баснословию», ученым фантазиям, не отделяли строго свои догадки и «реконструкции» от фактов. Наивно выглядят их попытки представить славянских богов в виде обожествленных славянских или германских королей. Иллюстраторы этих трудов в глаза не видели славянских идолов и рисовали их на псевдоантичный лад. И все же труды эти заслуживают внимания. Хотя бы потому, что в те времена память о язычестве в народе была сильнее и полнее, чем в XIX в., когда за дело взялись профессиональные этнографы и фольклористы. А в Мекленбурге, например, где трудились Бото и Турий, славянская речь вообще перестала звучать каких-нибудь два века спустя.

На волне нараставшего интереса к славянским древностям появились даже подделки. В начале XVIII в. граф Пшибыслав Диаментовский сочинил под именем Прокоша (польского епископа X в.) «Славяне-сарматскую хронику», где изобразил почти всех польских богов древними королями, но при этом сохранил, например, ценное этнографическое свидетельство о почитании богини Живы в виде кукушки. Как видим, даже такие источники не стоит игнорировать. Другое дело — «приллвицкие идолы»: две сотни грубых, уродливых, порой непристойных фигурок с безграмотными руническими надписями, изготовленные В конце XVIII в. Г. Шпонгольцем, бронзолитейщиком и археологом-любителем. Как ни странно, эти «творения» невежественного, презиравшего славян немца и сегодня находят защитников и почитателей. А ведь автор их давно попался на том, что использовал книгу о рунах с типографскими ошибками, которые оказались и на идолах. Подлинные же славянские идолы, открытые позднее, совершенно не похожи на изделия Шпонгольца.

Восточные славяне возобновили изучение своей мифологии под влиянием западных. Начали в XVII в. украинцы — авторы Густынской летописи и «Синопсиса»[2], использовавшие как польские хроники, так и этнографические наблюдения. Им последовали россияне — великий Ми-хайло Ломоносов и три популярных автора екатерининской эпохи: Михаил Попов, Михаил Чулков и Василий Левшин. Эти трое к тому же создали русский рыцарский роман, положив начало процветающему ныне жанру славянской фэнтэзи. Их увлекательные сочинения позднее померкли в свете «Руслана и Людмилы», но без них не было бы и пушкинского шедевра.

Все же научный уровень этих исследований (и отечественных, и западных) был невысок. В перечнях богов путались божества славянские и балтские, западно- и восточнославянские, отсутствовала критика источников, а анализ ограничивался отождествлением отеческих богов с античными. Множились ошибки и «басни». В славянский пантеон, например, попала финно-угорская «Золотая Баба» (Зорни-Най), а бог Симаргл обратился в богиню весны Зимцерлу или Зимстерлу («стирающую зиму»). На том же уровне работали и авторы начала XIX в.— Андрей Кайсаров и Сергей Глинка. Последний откровенно фантазировал: сочинил даже гимн Перуну и красочно описал обряды в храме Святовита. Он, правда, не выдавал своих фантазий за подлинные факты. «Период поэтической мифологии» — так назвал один из историков это время, когда грань между научной и художественной реконструкцией славянских мифов была очень зыбкой (почти как сегодня).

Наступившая эпоха романтизма принесла новые фантазии и подделки. Великий словацкий поэт Ян Колар, например, вымыслил богиню победы Славу. Крупнейший чешский славист Вацлав Ганка сфабриковал «Крале дворе кую рукопись» с песнями будто бы языческих времен и изуродовал приписками латиис ко-немецко-чешский словарь XIII в. «Матер верборум» (Мать слов)[3]. И все, разумеется, ради поднятия национального и общеславянского духа. Появлялись все новые «славя но-рунические» памятники: микор-жинские камни, «краковская медаль» и др. В конечном счете все «славянские руны» оказались либо неславянскими, либо поддельными. Итог их поискам подвел В. Ягич в своей «Энциклопедии славянской филологии» (1912, вып. 3).

От чешских и польских братьев не отставал и обрусевший грузин А. И. Сулакадзев, изготовивший «Боянов гимн Словену», «Перуна и Велеса вещания» и, видимо, таинственные дощечки, найденные в 1919 г. А. Ф. Изенбеком. На основе их впоследствии возникла «Велесова книга» Ю. Миролюбова.

---

[2] «Синопсис», созданный в Киеве И. Гизелем (перешедшим в православие выходцем из Пруссии), был до начала XIX в. основным учебником отечественной истории в России и на Украине.

[3] Приписки выявил в 1866 г. А. Патера. Однако он был склонен к гиперкритицизму и часто не указывал, почему считает ту или иную глоссу фальшивой. Поэтому отвергать полностью «Мать слов» как источник по славянской мифологии все же нельзя.

https://RodnoVery.ru

Все же славянские мифологи--романтики относились К источникам гораздо более серьезно и критически, чем авторы времен барокко и классицизма. Главное же — они Проложили новый путь в мир славянских богов. Он лежал через народные верования, обычаи, фольклор — все то, что носители пудреных париков обычно считали «грубыми выдумками невежественной черни». Отеческое язычество теперь не подгоняли под «(непревзойденную» античность, а рассматривали на общеиндоевропейском фоне.

Один за другим выходили фольклорно-этнографические сборники И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1837—1838), И. П. Сахарова «Сказания русского народа» (1836—1837), А. Терещенко «Быт русского народа» (1848), сборники обрядовых песен и духовных стихов (11. Бессонов), сказок (А. Н. Афанасьев), заклинаний (Л. Н. Майков). И восставали из небытия культы богов, порой не известных по письменным источникам — Ярилы, Весны, Костромы; знакомые по Ригведе мифологические образы — палица громовника, солнечный конь, солнце-колесо... Этнограф Древлянский (П. М. Шпилевский) застал в Белоруссии обряды в честь Ярилы и Лели, предания о Перуне и других богах. А северные великорусы сохранили память о Мокоши и Волосе. За образами христианских святых, былинных богатырей, героев сказок обнаруживались языческие боги.

Ученых-романтиков господствовавшей тогда «мифологической школы» справедливо упрекали в поэтическом фантазировании, в произвольных поисках всюду «олицетворений» грозы или солнца (кому что больше нравилось), в сведении всей религии и мифологии к воплощениям природных сил. Но ведь славяне действительно почитали и воспевали солнце, месяц, гром, зарю, деревья, воду... только не из праздного любования красотами природы, а чтобы воздействовать на те ее силы, от которых зависели благополучие и сама жизнь земледельца. Холодная весна или засушливое лето могли привести к голоду. Вот и ублажали человеческими жертвами грозного Перуна и веселого Ярилу. А влияние на урожай и приплод скота приписывали даже месяцу и звездам.

Вершиной ученой мысли того периода был трехтомный труд А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1865—1869) — настоящая энциклопедия славянской натурмифологии, преимущественно на фольклорном материале. Можно не соглашаться с Александром Николаевичем по поводу тех или иных его интерпретаций, но без его труда нельзя узнать, что же думали славяне о солнце, грозе, земле, растениях, зверях... К неудовольствию церкви, теперь все увидели, какой «православный» русский народ. Под оболочкой насильно навязанной, казенной веры таилось почти нетронутое языческое мировоззрение. Подтвердилось сказанное Белинским Гоголю: в народе еще много «суеверия» (язычества), но религиозности (христианской) нет. «Чиновники во Христе» отплатили великому ученому: выгнанный с работы за издание «кощунственных» легенд, А. Н. Афанасьев умер в нищете.

На Западе в это время успешно трудились чешские «мифологи» — Павел Шафарик, Карел Яромир Эрбен, Иозеф Игнаций Гануш. Очень популярна была книга последнего «Наука о славянском мифе» (1846), впоследствии заслуженно раскритикованная и незаслуженно забытая. Гануш стремился отыскать индоевропейские истоки славянской мифологии, но сравнивал ее не с верованиями ведических ариев, а с современным индуизмом. Тем не менее он собрал много интересных материалов из поздних источников (XVII—XVIII вв.), потом также забытых.

Пожалуй, последним видным «мифологом» был хорват Надко Нодило. Его труд «Религия сербов и хорватов» (вышедший в 1880-х гг. и переизданный сто лет спустя) очень богат фактическим материалом, но, к сожалению, почти не известен в нашей стране.

«Мифологическая» школа надолго пережила эпоху романтизма. Но с 70—80-х годов XIX в. и в изучении славянского язычества настало иное время — прозаическое, буржуазное, гиперкритическое. Над «поэзией» теперь смеялись, реконструкций избегали. Предпочитали описывать что-нибудь бесспорно существовавшее и хорошо представленное в источниках. Например, культы русалок и за-ложных (вредоносных) покойников (Д. К. Зеленин), народные поверья о нечистой силе — леших, домовых и т. п. (СВ. Максимов).

А «великие» боги? Да что о них вообще известно достоверного? А раз их нет в источниках — значит, не было и в истории. Да какие там олимпы и пантеоны у этих отсталых славян? Мало кого из славянских богов тогда не пытались «изничтожить» — объявить вымышленным или хотя бы заимствованным (даже у христиан), «разжаловать» в низшие духи или обрядовые чучела. И занимались этим не какие-нибудь немцы-славянофобы, а поляк А. Брюкнер, серб В. Ягич, русские А. Н. Веселовский, Е. В. Аничков, Д. Шеппинг.

Не будем обвинять их в антипатриотизме, ведь это были крупнейшие знатоки славянских языков, литератур, фольклора, неутомимые труженики на ниве науки. Только вот в итоге их трудов славянское язычество стало напоминать религию каких-нибудь австралийских туземцев: одни духи-«боженята», да культ предков, да колдовские обряды. Да еще убогий, наскоро и поздно собранный пантеон богов, забытых чуть ли не на другой день после крещения.

Однако славяне накануне своего «просвещения» огнем, мечом и крестом находились на стадии не дикости, а варварства или ранней цивилизации, не уступая скандинавам эпохи викингов и далеко превосходя ведических ариев. Если же не сохранились (в «чистом» виде) славянские веды, эдды и теогонии, то это не вина славянских волхвов, а «заслуга» их гонителей.

Тем не менее в конце XIX — начале XX вв. появля-ись серьезные книги и статьи о славянских богах, сво-одные от гиперкритицизма: «Божества древних славян» .. С. Фаминцына (1884), «Старорусские

https://RodnoVery.ru

солнечные боги и богини» М. Соколова (1887), ряд работ видного языковеда А. А. Потебни. Особенно интересна статья Н. Квашнина-Самарина «Очерк славянской мифологии» (1872), впервые попытавшегося реконструировать славянский пантеон как семью богов. (Подобные «опыты» времен «поэтической мифологии» были далеки от научных.) К ней близка ценная статья А. С. Фаминцына «Богиня весны и смерти в песнях и обрядах славян» (1895), в которой был восстановлен славянский миф, аналогичный мифу об Аиде и Персефоне. Заметим, что эта группа ученых хорошо умела увязывать данные письменных и этнографических источников, чего не скажешь об их коллегах-гиперкритиках.

А тем временем прокладывался, поначалу медленно и неумело, еще один путь в мир славянских богов — через археологию. Попадались на нем и подделки, вроде описанных выше, и мнимые идолы, оказывавшиеся средневековыми подсвечниками либо игрушками. Но уже в XVII в. был описан подлинный рельеф с изображением Святовита, сохранившийся в Альтенкирхене на Рюгене (славянском Руяне). А в 1848 г. произошло настоящее языческое чудо. Из вод обмелевшей в жару реки Збруч в Галиции показалась четырехликая, увенчанная княжеской шапкой каменная голова. Идол стоял, будто свая. Вероятно, язычники сумели вкопать его основание в дно реки или обложить внизу камнями. Изваяние находилось ближе к австрийскому берегу пограничного тогда Збруча и потому оказалось в одном из музеев Кракова. (От рук нацистов его впоследствии спасла лишь выставленная работниками музея табличка «Статуя германского викинга».) О подлинности и значении Збручского идола много спорили. Ныне общепризнано, что это — статуя Рода-Святовита X в. В 1908-1914 гг. киевский археолог К. В. Болсуновский издал две работы, посвященные жертвеннику Рода (раскопанному в Киеве В. В. Хвойкой) и священному Перунову дубу, поднятому со дна Десны.

Итоги исследований XIX — начала XX вв. подвел крупнейший чешский славист Любор Нидерле в отдельном томе своих «Славянских древностей» (1916), посвященном религии славян. К тому времени три пути на славянский Олимп, проложенные историками, этнографами и археологами, часто пересекались, но не сливались в один.

А мир тем временем менялся. В революционных бурях все славянские страны стали социалистическими. На отечественное язычество начали смотреть, разумеется, по-марксистски. Первобытнообщинному строю соответствует язычество, феодальному — христианство. Сменилась формация — и прежние боги уходят на свалку истории. (Хотя что такое, например, индуизм, как не живое язычество XXI века?) Этот взгляд почему-то весьма напоминал ортодоксально-церковный: язычество — тьма, дикость и отсталость, христианство — свет, культура и духовность; первое, по воле Божьей, неминуемо сменится вторым.

Маститый польский историк Г. Ловмяньский в 1978 г. доказывал, что даже первобытные славяне были чуть ли не монотеистами, почитая лишь верховного бога неба да земных «боженят», а прочих богов заимствовали позже от скифов и... христиан. Видно, поляков даже Маркс не смог излечить от католического усердия в изничтожении языческих богов!

За период до конца XX в. круг письменных источников по славянским богам оставался прежним, зато круг источников этнографических, и особенно археологических, стремительно рос. В Сербии, например, были открыты обряды в честь Ярилы, на Украине — народные песни о Даждьбоге. Археологи раскапывали все новые славянские храмы и святилища, находили идолов. В 1921 г. К. Шуххардт раскопал Аркону — священный город Святовита на Руяне, В. В. Седов в 50-х гг. — святилище Перуна в Перыни под Новгородом, П. П. Толочко в 1975 г.— «пантеон Владимира» (святилище пяти богов во главе с Перуном, сооруженное в 980 г. будущим крестителем Руси).

Синтез всех трех источников стал неизбежным и необходимым. И его осуществили два великих русских и советских археолога — Владимир Андреевич Городцов и Борис Александрович Рыбаков. В 1921 г. В. А. Городцов посетил выставку русских народных вышивок. И вдруг узнал на деревенских полотенцах священные сцены, хорошо знакомые ему по скифо-сарматским древностям. В его статье «Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве» (1926) предстал целый мир образов: Великая Богиня, хозяйка зверей и растений, воздевающая руки к своему небесному супругу; ее спутники — воинственные «прибоги»-всадники; почитающие ее цари и жрецы. С тех пор исследователи восточнославянской вышивки находят в ней все новые следы язычества. Храмы и капища, сожженные «просветителями», воскресают под лопатой археолога и вдумчивым взглядом этнографа-искусствоведа.

Б. А. Рыбаков, академик и Герой Социалистического Труда, никогда не угодничал перед властями, почти не ссылался на классиков марксизма и партийные постановления. Но вполне по-марксистски выявлял органическую связь верований славян с их хозяйством и общественной жизнью. И это не мешало ему быть объективным исследователем и великим патриотом России. Он одинаково глубоко знал археологические памятники и летописи, былины и вышивки. И благодаря этому совершал, начиная с 60-х годов, все новые открытия. Расшифровал ритуальные календари на славянских сосудах III—IV вв.; раскрыл связь древнерусских женских украшений (браслетов и колтов) с языческими обрядами-русалиями; доказал тождество славянского Симаргла и иранского крылатого пса Симурга-Сэнмурва; обнаружил следы славянского мифа в скифском рассказе Геродота. В его книгах «Язычество древних славян» (1981) и «Язычество Древней Руси» (1987) разворачивается панорама верований славян и их предков от палеолита до эпохи Киевской Руси. И при этом Борис Александрович умел самые сложные научные вопросы излагать так, чтобы они были понятны всем.

https://RodnoVery.ru

Одновременно с Б. А. Рыбаковым развернули свои исследования лингвисты Вячеслав Всеволодович Иванов и Владимир Николаевич Топоров. Их совместные монографии, вышедшие в 1965 и 1974 гг., гораздо суше и академичнее книг Рыбакова. Но именно им принадлежат статьи по славянской мифологии в классических «Мифах народов мира». Исследователи и их ученики умело сочетают письменные, этнографические и фольклорные источники, выявляют индоевропейские истоки славянских мифов. Особое значение Иванов и Топоров придают мифу о борьбе Громовника и Змея. Их пристрастие к этому «основному мифу», однако, напоминает крайности «мифологической школы».

В 1984—1985 гг. были раскопаны городища Богит и Звенигород над Збручем. На первом из них и стоял Збручский идол. К удивлению исследователей, оказалось, что оба священных языческих городка функционировали вплоть до татарского нашествия. Только тогда, через два с половиной века после крещения Руси, и был укрыт на дне реки знаменитый идол.

Из зарубежных исследований стоит отметить книгу А. Калоянова «Болгарские мифы» (1979), где в образах героев болгарских народных песен прослеживаются языческие боги.

Общественные перемены конца 80—90-х гг. повысили интерес к отечественной старине и духовности, в частности — к славянскому язычеству. В славянских странах возникли и распространились общины неоязычников. (Их религия, впрочем, представляет собой реконструкцию-«новодел» и ограничивается узким кругом интеллигенции, преимущественно националистически настроенной.) Стали популярными всякого рода словари и энциклопедии славянских верований. Расцвел жанр славянской фэнтэзи. Появились художественные реконструкции всего свода славянских мифов о богах: «Поединок со змеем» Марии Семеновой (1996), «Русские Веды» (1992) и «Звездная книга Коляды» (1996) Александра Игоревича Асова (Ба-рашкова), «Берегиня» В. Рубана (1992). При этом М. Семеновой принадлежит также превосходная популярная энциклопедия «Мы — славяне» и цикл фэнтэзийных романов, а А. И. Асову — многочисленные издания «Велесовой книги» и работы по истории и мифологии славян. Поистине вернулись времена «поэтической мифологии»!

Увы, вернулись они не только в лучшем, но и в худшем смысле. Если одни словари и энциклопедии (академические «Славянские древности» и выборка из них — «Славянская мифология», «Русский демонологический словарь» Т. А. Новичковой, «Русские суеверия» М. Власовой, «Мы — славяне» М. Семеновой, «Краткая энциклопедия славянской мифологии» Н. С. Шапаровой, «Мифы русского народа» Е. Левкиевской) сделаны добротно, на высоком научном уровне, то уровень других вполне соответствует XVIII веку.

Печальный пример такого рода — «Энциклопедия языческих богов» А. А. Бычкова (2001). Халтурой ее не назовешь: автор трудолюбиво выбрал из редких изданий множество изображений славянских богов. Только изображения эти — поздние, нарисованные «по наитию». А подлинных славянских идолов, открытых археологами, наш «энциклопедист» явно не знает. Что и неудивительно при его поверхностных, дилетантских познаниях в истории религии. Дилетантизмом грешат и работы А. И. Асова. Его реконструкции славянских мифов совершенны в художественном, но не в научном отношении. Не будучи филологом, он судит о происхождении слов. «Ославянивает» индийские, кавказские и другие мифы, не прослеживающиеся у славян. Принимает за чистую монету «Велесову книгу», «приллвицких идолов» и другие фальшивки. И при этом ссылается на свои же реконструкции, как на исторический источник: ему-де их диктует дух волхва Буса Кресеня.

Александр Игоревич, по крайней мере, не обманывает людей и не учит их дурному. А вот омские неоязычники публикуют некие «Сантьи — веды Перуна» — «арийские» скрижали, разумеется, им одним доступные. И проповедуют в них расизм и фашизм, позоря своих близких и далеких предков.

А ведь знать, во что верили твои предки (или предки народа, среди которого ты живешь), необходимо, если не хочешь пополнить собой орду «граждан мира», не знающих и не уважающих ни одной страны, ни одного народа, и способных всюду лишь разрушать и расхищать. Не обязательно быть неоязычником или православным, но надо знать о культурных достижениях своих пращуров. И знать правду, а не невежественные домыслы, чтобы не возомнить пращуров «высшей расой» или, наоборот, тупыми дикарями, способными лишь пугаться лешего или скакать вокруг соломенного чучела.

Эта книга — не академическая монография и не фантастический роман (хотя автору ее приходилось писать и то, и другое), а попытка доступно изложить то, что мы достоверно знаем о семье славянских богов — потомков Матери Лады, Великой Богини.

Д.М.Дудко

https://RodnoVery.ru

Лада — мать богов и мира

(Кострома, Весна, Мокошь, Мать Сыра Земля, Богоматерь, Пятница, Жива, Дева, Красопани, Купала, Ванда, Талака, Цеия, Золотая Баба, Берегиня, Рожаница, Среча, Дивия, Солнце, Великая Богиня.)

Одетый в звериные шкуры скульптор верхнего палеолита высек на стене пещеры Лоссель во Франции фигуру обнаженной женщины с рогом в руке. Десятки тысяч лет спустя славянский мастер вырезал на главной, передней грани Збручского идола женщину в длинном платье, прижимающую к груди рог, а у ее ног — мать с ребенком. Эллины изображали с рогом изобилия Гею и Тюхе-Судьбу.

Первым верховным божеством человека разумного была она — Великая Богиня, Мать Мира. Люди еще не знали Верховного Бога, владыки неба (по крайней мере, нет следов его культа в палеолите), а ее уже воплощали во множестве костяных и глиняных фигурок. Эти «палеолитические Венеры» с большими грудями и животами далеки от современного идеала красоты. Что ж, тогда в женщине ценили не изящество, а способность к деторождению.

В послеледниковую эпоху у Великой Матери появилась спутница — богиня-дочь. Мезолитические охотники на оленя представляли их в виде двух небесных олених. Для матриархальных земледельцев нео- и энеолита они стали воплощением плодородной земли и урожая, будущими Деметрой и Персефоной. Мать Мира была не только Матерью Сырой Землей, но и Царицей Небесной: на сосудах трипольской культуры, изображающих Вселенную, весь верхний, небесный, ярус занимает ее огромный лик.

С бронзового века хозяином и на земле, и на небе стал мужчина — пастух, пахарь и воин. Но и теперь люди продолжали чтить всеобщую Мать, рожавшую все живое — зверей, скот, урожай, самих богов и людей, дававшую власть царям. Многоликая и многоименная, она была эллинской Реей, малоазийской Кибелой, индийской Адити-Бесконечной, египетской Изидой, месопотамской Иштар... Даже мировые религии не могли обойтись без нее — Богоматери, Мадонны, мусульманской Фатимы, буддийской Гуаньинь.

Многоликой и многоименной была она и у славян. Бога или богиню Ладу славили поляки в песнях на Троицу еще в XV в. Польские историки Меховский, Кромер, Стрый-ковский называют ее матерью богов-близнецов Леля и По-леля и отождествляют с Ледой, матерью Диоскуров — Кастора и Поллукса. «Синопсис» и Бустынская летопись добавляют к этому, что Лада была богиней брака и поминалась в свадебных песнях. «Матер верборум» видит в Ладе Венеру.

Само слово *«лада»* означало у русских мужа, жену, любимого человека, у сербов — жену, у болгар — младшую дочь. Этим словом звала Игоря Ярославна. «Ладовать» на Волыни означает «играть свадьбу», у туляков и рязан-цев — «сватать»; в русских говорах *«лады»* — «помолвка», западноукраинское *«ладкання»* — «свадебная песня». У болгар *«ладуванье»* — святочное гадание о женихе. Все эти слова родственны славянскому *«лад»* — «порядок», «согласие». То есть порядок, основанный не на страхе и насилии (даже оправданном), а на любви и согласии.

Время Лады — весна и начало лета. «Ладовые» песни исполнялись, помимо свадеб и святочных гаданий, с 9 марта (Сорок мучеников) до 29 июня (Петра и Павла)[4], а по церковной, передвижной хронологии,— с Масленой недели до Троицы и Духова дня (50-й и 51-й день после Пасхи). Следует заметить, что насильственное крещение славян внесло величайшую путаницу в их праздники. Во время постов всякое веселье преследовалось, сами же посты привязаны к подвижным праздникам — Пасхе и Троице. Потому языческий обряд встречи весны оказался вытесненным на Масленую неделю (перед Великим постом), а проводы весны — на неделю после Троицы, предшествующую Петровскому посту. (Великий пост начинается за 40 дней до Пасхи, Петровский же продолжается до 29 июня.)

«Ладовые» песни исполнялись преимущественно девушками. В Болгарии их называли «ладовицами», а их хороводы — «ладино коло (хоро)». В этих песнях «Лада», «Ладо» — обычно лишь простой припев. Но в одной русской песне говорится:

Благослови, мати,
Ой мати, Аада-мати,
Весну закликати!

Здесь Лада — богиня весны, богиня-мать. В украинских же песнях упоминается царевна Лада, в белорусских — королевна Лада. В болгарской песне «Ой, Ладо, Ладо, момиче младо» («Ой, Лада, Лада, девушка молодая»). Тут, видимо, богиня-мать сливается с юной богиней-дочерью[5].

Облик Лады — матери и жены, казалось бы, нарушают словацкие слова *«лойда»* — «распутная женщина», *«лойда-вый»* — «бесстыдный». Церковники любили изображать язычников скотами, а себя — образцами чистоты и духовности. Да, славяне-язычники не считали половую жизнь «грязью», а безбрачие

---

[4] Там, где речь идет об обрядах православных славян, все даты указываются по старому стилю.

[5] О Ладе — мужском божестве, тоже упоминаемом в песнях, будет сказано ниже, в главе о Даждьбоге.

https://RodnoVery.ru

— святостью. На некоторых праздниках (днях Ярилы, Купалы) царила сексуальная свобода. Не допускалось разве что кровосмешение. Эти праздники приходятся как раз на время Лады. А на святки, помимо гаданий — «ладуванья», устраивались и эротические обряды — «игры». Но во все остальные дни года отношение к девичьей чести и супружеской верности у славян было самое строгое.

Такие оргии (известные многим народам мира) были для язычников не развлечением и не «данью природе», а магическим обрядом, который должен был обеспечить плодородие земли-матери. Потому и справлялись они в начале года или весной. Не стоит путать язычников (и их богов) с поборниками «сексуальной революции», думающими лишь о своих удовольствиях.

Не только образ, но и имя Лады, возможно, восходит к общеиндоевропейской эпохе. Об этом говорит малоазийское (ликийское) lada — «жена», германское lapu, lapa (магическое заклятие), имя Лето (Латоны) — матери Аполлона и Артемиды.

Среди Свентокшиских гор на юге Польши поднимается Лысая гора. Такие горы, словно самой природой предназначенные для многолюдных собраний на их вершинах, у язычников считались священными или, наоборот, нечистыми. Здесь в IX—X вв. (или даже в I тыс. до н. э.) существовало святилище — обширная площадка, окруженная валом. Согласно записанной в XVI в. легенде, здесь в начале мая почитались божества Лада, Бода и Леля. Позднее на месте капища был выстроен монастырь св. Троицы. Очевидно, тут отмечались два праздника Лады: кульминация весны (1 мая) и ее конец. А польские проповедники начала XV в. проклинали тех, кто на Троицу воспевал богов Иешу, Ладу (Ладо), Лелю и Ныю.

В день 1 мая по всей Западной Европе чествовали зеленое деревцо и его воплощения — «майскую невесту» («королеву», «красавицу») и «жениха» («короля»). Учрежденный в 1889 г. Международный рабочий день хорошо вписался в эту языческую традицию. Восточные и южные славяне первомайских обрядов, однако, не знали. Но 2 мая на Руси отмечали день Бориса и Глеба (заменивших, как мы увидим, богов-всадников, детей Великой Богини, соответствующих Лелю и Полелю).

Праздником Лады была, очевидно, и Красная горка — русский праздник молодоженов, приуроченный к первому воскресенью после Пасхи. В этот день тоже пелись «ладовые» песни.

На Троицу у германских народов, чехов, словаков и венгров также чествовали «короля» и «королеву», у поляков — «краловну», у сербов и хорватов — «краля» и «кралицу». Но эта троицкая (да и майская) «королева», как будет показано, скорее богиня-дочь, славянская Леля.

В первое воскресенье после Троицы («русалкино заговенье»[6]) во Владимирской губернии справляли «похороны Лады», в Муроме — «Похороны Костромы», в нижегородских, саратовских, пензенских краях — «проводы Весны». Пензенцы и симбирцы Кострому хоронили на Троицу, а самарцы прямо отождествляли ее с Весной.

Слово «Кострома» означает в русских говорах прут, розгу, кучу соломы. Из соломы и делалось чучело Костромы-Весны, которое торжественно выносили и топили в реке. Или же выносили в лес изображавшую Кострому девушку. Или растерзывали в поле чучело лошади — «Весны». Самарцы разыгрывали целую пьесу: Кострому (одетую в белое и зеленое) убивала Смерть, затем их обеих бросали в воду. А рязанские дети изображали в игре смерть, погребение и воскресение Костромы. Саратовцы 31 декабря «встречали Кострому» — сжигали кучу соломы. Украинцы же 1 марта встречали Весну, нося чучело ласточки.

Кострома отличалась веселым нравом: в Нижнем Новгороде пели о сытном угощении у нее, а в Муроме — о том, как она умерла прямо на пиру от вина и пляски. У нее был спутник — мужчина (или она сама имела мужскую ипостась): чучело ее изображало то женщину, то мужчину, нижегородские дети водили хоровод вокруг «Костромы» и ее «сына», а рязанские девушки играли в «Костромину жену» (на Благовещенье или в Вербное воскресенье). Этот спутник-воплощение Костромы, вероятно, Ярила — разгульный бог весеннего солнца. Его проводы справлялись в тех же среднерусских землях, тоже в конце весны.

Нетрудно узнать в Ладе-Костроме-Весне великую богиню плодородия типа Иштар, Изиды, Кибелы и т. д. Эта богиня нисходила в подземный мир смерти и возвращалась оттуда (Иштар-Инанна). Ее изваяние погружали в воду (Кибела, германская Нерта). Ее супругом или сыном (иногда одновременно) был юный бог плодородия (Таммуз, Аттис, Адонис и т. д.). Сама она могла быть двуполой (Кибела-Агдатис). Великая Мать полна жизни, порождающей силы, веселья, порой разгульного, и самая смерть для нее — залог нового рождения.

Славяне не случайно праздновали конец весны, а не лета или осени. Матерь Лада впервые напоминала о себе на святки, когда старались наворожить благополучие на весь год. Затем она приходила в земной мир с началом весны, чтобы в конце ее уйти в нижний, подводно-подземный мир. Этим она обеспечивала поля и пастбища обильными дождями, а землю — плодородной силой.

В 980 г. будущий креститель Руси воздвиг в Киеве «пантеон Владимира» — святилище пяти главных богов: Перуна, Хорса-Даждьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши. Единственное женское божество здесь — Мокошь. Очевидно, это — еще одно имя Великой Богини. Оно — общеславянское: связанные с

---

[6] Неделя после Троицы, перед Петровским постом, зовется в народе Русальной. Русальной («зеленой», «гряной») называют также неделю перед Троицей.

https://RodnoVery.ru

ним местные названия есть в Северной России (Мокошево болото), Чехии (гора Мокошин Верх), Польше, на землях лужицких сербов и онемеченных полабских славян (Муукс). В словенской сказке фигурирует ведьма Мокошка. «Не ходила ли еси к Мокуше?» — спрашивали русских женщин исповедники еще в XVI в. Кто такая Лада или Кострома, в XIX в. уже не помнили даже сами исполнители песен и обрядов. Но в Мокошь на севере России верили и тогда. Считали, что Мокоша (Мокуша) — большеголовая, длиннорукая женщина. Она наказывает нерадивых и нечестивых прях: беспокоит прядущих в Великий пост, прядет ночью оставленную без молитвы кудель, крутит веретено задремавшей пряхи. О линяющих овцах говорили, что их Мокоша стрижет. В жертву ей на ножницах оставляли клок шерсти.

Северорусская Мокоша — фигура мрачноватая и несколько измельчавшая (наподобие кикиморы, тоже прядущей по ночам). А вот украинцы помнили о разгульном нраве богини. «Десь наш бог Посвистач спав. Чи не в Моконй гулял?» — говорится в изданной П. Кулишом в 1860 г. песне о русском князе (Аскольде?), тщетно молившемся богу ветра Посвистачу.

Мокошь, судя по ее имени, богиня влаги. Созвездие Водолея в Древней Руси называлось Мокрошь (Мокрешь). Моравский историк XVIII в. Стржедовский упоминает божество дождей «Макосла», подобное Нептуну. Это сближает Мокошь с Матерью Сырой Землей — величайшей святыней славян.

Землю считали святой и бесконечно доброй к людям. От нее человек происходит, ею кормится и в нее уходит. Лишь самого последнего негодяя не принимает она после смерти. Не в землю — сквозь землю, в нижний мир, проваливается нечисть. Земле исповедовались в грехах (например еретики-стригольники XIV в.). Верили, что она может прощать, исцелять, снимать порчу. Ею клялись, особенно при земельных спорах: тогда клали на голову кусок дерна и с ним шли по меже или становились на колени в яме. Считали, что до Благовещенья (25 марта) нельзя тревожить землю: она в этот день рожает. Если же посмеют до того ее пахать, копать, вбивать колья и т. д.— Земля покарает неурожаем и бездождием. То есть Земля-Мокошь распоряжается и дождем.

Землю-Матушку приравнивали к Богоматери. Верили, что бранящийся матерно оскорбляет трех матерей: свою собственную, Мать Сыру Землю и Богородицу. Мат дозволялся лишь в одном случае: чтобы отогнать нечисть. Ведь тогда оскорблялась не Матерь Лада, а Чертова Мать (то есть Яга; см. ниже, в главе о ней).

Именно Богоматерь и святая Параскева-Пятница заменили в христианское время Мокошь-Ладу. В русских духовных стихах Пятницу и Богородицу прямо отождествляли. Обе они считались покровительницами женщин, особенно рожениц, и девушек (просивших у них женихов). Обе давали плодородие земле, охраняли домашний скот. Обе связаны с водой (их иконы являются у источников, а Пятница защищает от ливней и бездождия), спасают от грома. С ними обеими связан запрет мата. В Ленинградской области и соседней Эстонии распространена легенда о преследовании Богородицы или Пятницы чертом, лешим либо пастухами. (Вот кому уподоблялись матерщинники — похотливым демонам!) Пятницу особенно почитали при молодом месяце, а полабские славяне верили, что Богоматерь прядет на месяце.

Пятница, подобно Богородице, богиня-мать. «Света Петка — Неделина майка» (Святая Пятница — мать Воскресенья),— говорили болгары. А украинцы: «Середа дівка, а П'ятниця — жінка». В украинской сказке у Пятницы 41 дочь. Об этих младших богинях, дочерях Моко-ши-Лады-Пятницы, еще будет сказано.

Пятницу и Богоматерь изображали с цветами, с ними связывали священные деревья, камни, горы, источники. Словом, вся природа, живая и неживая, была пронизана многоликим и многоименным образом Богини-Матери.

Есть у Пятницы и особые черты (не всегда привлекательные). Она исцеляет, защищает от колдовства, помогает женщинам в домашней работе, а крестьянам — в выращивании льна. В сказках она — мудрая помощница героя.

И она же запрещает в пятницу пахать и делать женскую работу (прясть, стирать и т. д.), карая за это порой жестоко (болезнью, смертью ребенка, сдиранием кожи, жабой, вцеп-ливающейся в лицо). Представляют ее молодой женщиной (или старухой), высокой и худой, простоволосой, в белой одежде и лучезарном венке, иногда с метлой.

Для православной церкви пятница — день распятия Христа. Кроме того, отмечались еще 12 пятниц, приуроченных к определенным праздникам или постам. По преданию, некогда в Болгарии две суеверные бабы упросили двух попов, дабы те записали, какие земные блага получит празднующий каждую из этих пятниц. Сей апокриф («подписанный» именем св. Климента, Папы Римского) ходил по рукам среди южных и восточных славян вопреки церковным гонениям. Как видно, отражал он представления не столько слуг Христовых, сколько жриц Мокоши-Пятницы.

Превратившись в медведя, Пятница разрывает немца, глумившегося над русскими обычаями. Этот медвежий облик Великой Богини — один из древнейших. Созвездие Большой Медведицы сейчас рисуют в виде нелепого хвостатого медведя. Однако «медвежье» имя ему давали не только греки, но и североамериканские индейцы. Созвездие действительно напоминало этого зверя — 100 тысяч лет назад, когда неандертальцы поклонялись пещерным медведям. Эллины видели в Большой и Малой Медведицах нимфу Каллисто (спутницу Артемиды), обращенную в медведицу, и ее сына Аркада.

Позднее, в мезолите, двух небесных медведиц (или медведицу с медвежонком) сменили две оленихи или лосихи. (Еще Афанасий Никитин называл Большую Медведицу Лосем.) Но в раннем железном

https://RodnoVery.ru

веке на Сленже (Соботке), священной горе силезских славян, были воздвигнуты две каменные статуи медведиц и изваяние человека (видимо, женщины) с рыбой в руках. Путь на вершину горы отмечали высеченные на скалах или особых обелисках косые кресты — знаки Солнца. А саму вершину окружал (как и на Лысой горе) каменный вал. В грозу облака не опускались ниже линии вала. Такие же валы окружали вершины двух соседних гор — Радуни и Кос-цюшко. Вероятно, на Соботке почитали Ладу-Мокошь — богиню-медведицу, хозяйку зверей и рыб, владычицу воды, солнца и грома, а на двух остальных горах — двух ее дочерей или сыновей.

Из Вавилонии к иранцам, римлянам, германцам и, очевидно, славянам пришло представление о связи семи дней недели с семью светилами. В частности, пятница — день Иштар, Анахиты, Венеры, Фрейи, богинь любви и плодородия. Словенцы же называли утреннюю звезду (планету Венеру) Живой. Жива впервые упоминается Гельмольдом (XII в.) как богиня племени полабов. В XV в. ее подробнее описали Марешалк Турий и Конрад Ботo. Согласно первому, ее изваяние, нагое, украшенное золотом и серебром, с лилией у лица и цветами на груди, стояло на холме среди цветов. Второй говорит, что волосы обнаженной богини ниспадали до колен, голову украшал венок, а в руках она держала золотое яблоко и кисть винограда. Эти описания весьма напоминают Венеру, и не так античную, как ренессансную (простоволосую). Но не мог ли античный мир повлиять здесь на славян? Тем более что сообщения о славянской Венере, как увидим ниже, не единичны. А с распущенными волосами представляли ту же Пятницу или вил-русалок.

Польские историки, начиная с Длугоша, упоминают некоего «бога жизни» Живе. У Прокоша (Диаментовско-го) этот бог напоминает античного Геракла. Но одно сообщение этого автора скорее относится к богине Живе. Согласно ему, 1 мая люди собирались на горе Живец, где Живе, «верховный владыка Вселенной» в облике кукушки, предвещал им годы жизни; потому убийство кукушки строго каралось.

О связи гор с культом Великой Богини славян уже говорилось. 1 мая — один из ее праздников. А перед Троицей (незадолго до похорон Лады-Весны-Костромы) южнорусские крестьянки в лесу обряжали в женское платье чучело птицы либо пучок травы «кукушки», «крестили» его и хоронили. При этом «кумились» с «кукушкой» и друг с дружкой, обмениваясь крестами. В это же время (в Семик — седьмой четверг после Пасхи, перед Троицей) чествовали русалок и березку. А одновременно с похоронами Костромы справляли проводы (похороны) русалки — ряженой девушки, куклы или конского чучела. Кукушку же славяне почитали как вещую птицу, предсказывающую не только время жизни или смерти, но и урожай или недород, свадьбу и даже цены на зерно. Ее считали доброй, но несчастной (вдовой, девушкой, проклятой родителями или выданной за немилого и т. п.).

За всем этим проступает величественный культ Лады-Живы. Это с ней, Весной, главной русалкой, воплощенной в весенней птице или дереве, вступали в «посестримство» женщины и девушки. Умирая в нескольких обличьях, она несла миру жизнь, возрождение, изобилие.

Помнили о Живе и южные славяне. У сербов она одна из вил. Эти крылатые девы, облачные, горные и водные, близкие к русалкам, были некогда известны всем славянам. Согласно хорватской легенде, некий благочестивый человек на своей телеге отвез раненного в битве Бога на гору к вилам. За это Жива научила возницу пахать землю и разводить скот.

В «Матер верборум» Жива истолковывается как Церера или богиня лета. На заглавном листе словаря она изображена в виде женщины с растениями в поднятых руках, что напоминает Великую Богиню на русских вышивках.

Вернемся теперь к Живе-Венере. Задолго до Турия и Ботo, в XIII в., нотарий (секретарь) венгерского короля Белы писал о том, что придунайский город Девин, в Словакии, был назван в честь богини Девы, соответствующей Венере. В чешских источниках XIV в. планета Венера носит имя Красопани. В 1719 г. Стржедовский описал изваяние Красопани, стоявшее в ее храме в Брно, столице Моравии: обнаженная богиня с распущенными волосами до колен, в венке из мирта и роз, стояла на золотой колеснице, запряженной двумя голубями и двумя лебедями. В устах она держала розу, в левой руке — глобус (с изображением солнца, неба, земли и моря), в правой — три золотых яблока. Вокруг нее вели хоровод три нагие «грации». Согласно Па-панеку (1780), по-чешски эти «грации» звались «милост-ками». Ранее о храме Венеры в Брно писал чешский историк Богуслав Бальбин.

В Магдебурге («девичьем городе») на Эльбе (Лабе), согласно местной хронике, было святилище «Дианы», разрушенное в 804—814 гг. Карлом Великим. По другим преданиям (записанным в XVIII в. М. Френцелем), здесь еще в римское время была воздвигнута статуя Венеры, разрушенная позже то ли Карлом, то ли гуннами, то ли славянами. Об этой магдебургской Венере писали в XVI в. немецкие историки П. Альбин и А. Кранц. Последний указывал, что славяне звали Магдебург Девином от богини Девы. Оба историка описывают эту статую Венеры... в точности, как Красопани у Стржедовского. А первоисточником им всем послужил немецкий же историк Л. Г. Ги-ральд (1560). Что до самого описания, то оно — насквозь античное: лебеди и голуби — птицы Афродиты, мирт и роза — ее растения, три грации (Хариты) — ее спутницы, яблоко в ее руке — дар Париса.

И все же... Вправе ли мы считать славянскую Венеру лишь фантазией книжников времен Ренессанса и барокко? Или они расписывали античными красками сохраненные народной памятью обломки язычества? Тем более что не все в описании соответствует античным канонам: колесница, факел-луч на груди, мировая сфера в руке...

https://RodnoVery.ru

Вот еще одна легенда, на этот раз из польского города Торуня на нижней Висле. Город этот будто бы основал римлянин Таранд, и он же воздвиг тут храм Венеры Пар-тении (Девы), простоявший 500 лет. Вид этой Венеры — опять-таки по Гиральду. Заметим, однако: и Брно (древний Эбуродун), и район Торуня лежали на Янтарном пути, связывавшем праславян со Средиземноморьем с бронзового века. По нему шли из Прибалтики на Делос, священный остров Аполлона и его матери Лето-Латоны (славянской Лады), в храм ее дочери Артемиды, «гиперборейские дары». На этом пути, среди иллирийцев и праславян лужицкой культуры распространились в I тыс. до н. э. бронзовые модели солнечных колесниц, запряженных лебедями. На подобной колеснице Аполлон летал в Гиперборею. Две такие модели происходят из Дупляя на Дунае. На одной стоит солнечный бог в женской одежде, на другой — богиня.

В Моравию и на Эльбу славяне пришли в конце V — начале VI вв., сменив здесь германцев, пять веков то воевавших, то торговавших с Римом, чьи легионы доходили порой до Эльбы и Моравы. А Эльба-Лаба надолго стала границей славянского и германского миров. Вполне возможно поэтому, что к славянам или германцам попадали античные изображения Венеры или хотя бы сведения о них. Или же захожие мастера делали по заказам «варваров» изваяния их богинь. Солнечная колесница, факел (солнечный луч) на груди, космическая сфера в руке — это черты уже не богини любви, а владычицы мира. А три яблока и три «грации» — не символ ли это трех миров? То есть в римской Венере славяне увидели свою Ладу-Живу, отчасти же ее дочь («Деву»).

Для сравнения: согласно житию Георгия Святогорского, еще в 1056 г. болгары на Афоне поклонялись мраморной статуе какой-то античной богини и верили, что от нее зависят жизнь и смерть, солнце и дождь, явно воспринимая ее как все ту же Ладу.

Умерев и воскреснув в конце весны, Лада вовсе не исчезала из земного мира. Она лишь меняла имя. На празднике летнего солнцеворота (в ночь на 2'4 июня) богиня звалась Купалой. Поскольку ночь эта пришлась на канун дня Рождества Иоанна Крестителя, сам праздник в христианские времена был прозван «Иван Купала (Купало)». Возможно, из-за этого под пером автора «Синопсиса» возник «идол Купало», «бог плодов земных». Под его влиянием уже в XIX в. этнограф В. Пассек записал купальскую песню в таком виде:

Ходили девочки
Коло Мариночки,
Коло того
Вудола (?!) Купала.

Между тем в сотнях украинских и белорусских купальских песен никакого идола-вудола Купала нет. Купала (Купалночка) в них (за редким исключением) — женский персонаж. Другая их героиня зовется Марена (Марина, Марьяна, Ганна, Уляна, Катерина). Мужской же персонаж именуется Иван (Ян, Ясь).

Что же известно о Купале из этих песен? Она сидит на плетне (или лежит на «шуме»-листве), а голова ее — в золоте. Зимует в перьях (то есть в снегу[7]) или колодце, а лето проводит в травах («зелье»), пшенице или на улице. Ночует на лугу, в лесу или в хлебах (жите). Она крылата (закрывает глаза крылом). У нее четыре огорода. Купала имеет одну или трех дочерей, прядет и ткет, готовясь выдать их замуж. Она — предводительница и покровительница купальских игрищ, собирает цветы для венков, просит у Бога хорошей погоды на Купальскую ночь.

Как показал А.С. Фаминцын, дочь Купалы (Весны) — Морана (Марена и т. д.), богиня весны и смерти. (В украинской песне: «Весна-весняночка, где твоя дочка Марья-ночка?») А песню, невольно искаженную Пассеком, белорусы пели так:

Ходили девочки
Коло Мариночки,
Коло тоѐ
Водила Купала.

То есть Купала водила девичий хоровод вокруг Мораны, своей дочери. Действительно, купальский хоровод водится вокруг костра, у которого стоят деревцо и женское чучело. Первое называется Купала (Купайло), второе — Марена (или наоборот). Оба они топятся, разрываются или сжигаются. Иногда появляется и мужское чучело — Иван. В обряде, отмеченном в Белоруссии (Древлянским) и на Волыни, Купалу изображает девушка, сидящая в яме и раздающая венки для гадания о замужестве.

Не зря все же авторы «Синопсиса» и Густынской летописи считали Купалу божеством плодородия, подобным Церере, и связывали купальский праздник с началом жатвы (хотя он предшествовал ей на целый месяц). Как видно из песен и обрядов, Купала — богиня земли, растительности, плодородия и в то же время — неба и солнца (крылья, золотая голова), богиня-мать, покровительница любви и брака. В Переяславле-

---

[7] Еще скифы времен Геродота уподобляли зимний снег перьям.

https://RodnoVery.ru

Залесском духовенству удалось отчасти заменить культ Купалы почитанием иконы Владимирской Богоматери — «Купальницы».

На Украине две «команды» — парней и девушек — боролись за деревце - Купалу, причем девушки дразнили парней песней:

Наше Купайло до місяца,
Пісковські хлопці повісяться.

В озорной песне, однако, заложен глубокий мифологический смысл. Великая Богиня — в то же время и Мировое Дерево, поднимающееся от земли до неба и соединяющее три мира (небесный, земной и подземный). На этом дереве вешался, чтобы обрести колдовскую мудрость, скандинавский Один. А в его Валгалле ежедневно сражались две дружины воинов, служившие ему и его супруге Фригг (Фрия), богине любви и брака.

Свой веселый нрав Лада-Купала сохраняла и в Купальскую ночь. Эта ночь особенно славилась любовным разгулом. Пляски, прыжки влюбленных парочек через костер и совместное купание перерастали в оргию, когда даже супружеская измена за грех не считалась. В заговоре, записанном в 1769 г., беса Купалолаку призывают разжечь любовную страсть огнем и ключами кипучими. Тем не менее по венкам, розданным Купалой, гадали о будущем браке, которым и кончались для многих пар купальские игрища: по Нестору-летописцу, на игрищах и умыкали себе невест лихие славянские парни. Лада и здесь оставалась богиней любви и брака, а не разврата. Не стоит возрождать иные языческие обычаи, но не стоит и путать их с «групповухой» или шабашами сатанистов.

Вспомним: 25 марта Мать Сыра Земля рожала. Следовательно, беременела она как раз в Купальскую ночь. Кого же она рождала и от кого? Быть может, молодые весенние божества — Ярилу и Лелю? Этот миф пока что полностью не прослеживается.

23 июня, накануне Купалы, поляки справляли праздник в честь легендарной княгини Ванды (легенды о ней были известны и на Рюгене-Руяне). По преданию, немецкий князь Рудигер, не сумев принудить ее к браку даже войной, бросился на меч со словами: «Да правит Ванда морем, землей и воздухом». Иначе говоря, княгиня имеет здесь черты не только водного божества (имя ее означает воду, а жизнь она окончила в водах Вислы), но и богини всех трех миров — все той же Лады.

Любвеобилие Лады и ее почитателей должно было, по их представлениям, обеспечить обилие плодов земных. Не случайно поэтому Великая Мать снова появлялась в дни окончания жатвы. В это время по всей Европе чествовали последний сноп. В частности, поляки называли его Бабой; сноп торжественно несли, а перед ним шла женщина, разукрашенная колосьями. Белорусы, по Древлянскому, чествовали Талаку — девушку в пшеничном венке и белом покрывале, с последним снопом в руках. Имя ее (рус. *«толока»)* означает совместную работу общинников.

Талаке, видимо, тождественна описанная тем же Древлянским Цеця («тетя») — богиня лета. Пожилая, дородная, но красивая, появлялась она в поле, убранная колосьями и с плодами в руках.

Чехи последний сноп оформляли в виде женского чучела и называли его Золотой Бабой. Болгары этим же именем называли предводительницу сужении, — богинь судьбы, а лужичане — богиню, покровительницу рожениц и младенцев. Русские перенесли это имя на Зорнинай — великую богиню финно-угров (коми, хантов и манси). Первые русские мифологи считали ее славянской богиней.

Украинки, окончив полоть свеклу, носили на руках и чествовали Перегиню — ряженую девушку. Древнерусское *«пръгыня»* означало «лесистый холм», «земля». Эти слова, видимо, тождественны слову «берегиня». Согласно «Слову св. Григория», славяне раньше всех богов чтили упырей и берегинь (то есть духов зла и добра). В более поздних его списках говорится о 7 или 27 сестрах-берегинях. В XIX—XX вв. в России берегинями называли изображавшихся в деревянной резьбе (обычно под окнами) женщин с рыбьими хвостами. В одном случае такая берегиня держит в руке ткацкий челнок, что заставляет вспомнить Мокошь-Пятницу. Вместе с Мокошью антиязыческие поучения упоминают 27 или 30 сестер-вил. Последних в Древней Руси изображали в виде птиц с женскими головами. (Вспомним также хорватскую вилу Живу.) Очевидно, предводительницей берегинь и вил была Берегиня-Мокошь — богиня воды, земли и плодородия, оберегавшая людей от сил зла.

8 сентября, когда для женщин полевая страда сменялась «бабьим летом» (временем чесания льна и других домашних работ), они чествовали рожаниц. Рожаницами (у хорватов и словенцев), суженицами (у сербов), орисницами (у болгар), судичками (у чехов) назывались богини судьбы. Верили, что, во-первых, у каждого человека есть своя звезда в небе и своя рожаница на земле, покровительствующие ему в жизни. (Книжники, знакомые с астрологией, называли рожаницами семь планет.) Во-вторых, что три такие богини приходят к новорожденному и назначают ему судьбу. В-третьих, древнерусские поучения упоминают рожаниц в двойственном числе и вместе с Родом — верховным богом неба, плодородия и судьбы. По мнению Б. А. Рыбакова, эти две Рожаницы столь высокого ранга — Лада и ее дочь Леля. В жертву рожаницам приносили хлеб, сыр, кашу и вино, и все это тут же ели.

Вера в личных духов-покровителей — общечеловеческая (римские гении, христианские ангелы-хранители и т. п.). Образ трех богинь судьбы (прях) — общеиндоевропейский (греческие мойры, римские

https://RodnoVery.ru

парки, германские норны), как и мифы о двух верховных богинях — матери и дочери (Де-метра и Персефона, Лето и Артемида), о боге неба и его супруге — богине Земли (Уран и Гея, индийские Дьяус и Притхви и др.)- Один русский книжник, желая блеснуть эрудицией, назвал Рода и Рожаницу «Артемидой» и «Артемидией» (греческая Артемида была также покровительницей рожениц).

Мирный культ рожаниц, однако, беспокоил церковников едва ли не больше, чем кровавый культ грозного Перуна. Никого из языческих богов они не кляли столь усердно, как Рода и Рожаниц. Шли даже на искажение Священного Писания, вставляя двух Рожаниц в то место книги Исайи (65, 11), где осуждается культ Гада, семитского бога счастья. (Еврейский пророк о славянских богинях вряд ли имел понятие.) А другие попы, «череву работные», за надлежащую мзду читали над рожаничными жертвоприношениями тропарь Рождества Богородицы (этот праздник приходится на 8 сентября).

Эти попы и их заказчики были отнюдь не тайными язычниками, а «двоеверцами», искренне полагавшими, что Богородица и ее мать Анна — это и есть Рожаницы. И в наше время священники вполне легально читают в этот день тот самый тропарь, исполняя обряд «благословения хлебов». Жертвы Роду и Рожаницам приносились и в понедельник после Рождества, то есть на Святки, когда справлялись гадания — «ладуванье» и «встреча Костромы».

В хронике немецкого монаха Альберика из монастыря Трех Источников под 1003 г. упоминается, что винделики (очевидно, славяне-венеды), соседи швабов, почитают Фортуну, держащую в правой руке рог с медовым напитком. В этой «Фортуне» нетрудно узнать богиню с рогом на главной грани Збручского идола. А болгары царицей суженицы считали Золотую Бабу.

Словом, верховной владычицей судьбы у славян была все та же многоликая и многоименная Великая Мать. Это матриархальное представление лишь начинало вытесняться і штриархальным. Сербы верили, что судьбу дает Усуд (тот же Род), а ему подчиняются Среча и Несреча, прядущие, с((ответственно, добрую и злую судьбу[8]. Эллины тоже расходились во мнениях: прядут ли мойры судьбу по воле Зевса или он сам подвластен этой судьбе.

Не случайно судьбой у славян ведали божества плодородия — Род и Рожаницы (Лада и Леля). Судьба, счастье и самая жизнь земледельца зависели от даровавшегося ими урожая. Но при этом славяне не были фаталистами, что отмечал еще Прокопий Кесарийский, близко знавший их. Судьба для них не была античным фатумом, безличным и неотвратимым. По народным представлениям славян, злую судьбу (Горе-Злочасье) можно было хитроумно избыть (заточить или передать другому). Или избежать ее, зная добрые и злые дни и часы. А ленивую («лежачую») судьбу заставить работать, хорошенько поколотив ее. Или же добиться успеха, узнав от своей судьбы, какое занятие следует избрать. (Этому поверью вполне соответствует учение народного мудреца Григория Сковороды О «сродном труде».)

К глубокой индоевропейской древности восходит еще одно имя Аады-Мокоши — Дива (Дивия). «Слово св. Григория» говорит о поклонении «Мокоши-Див-й». В другом антиязыческом поучении сказано: «Тот Дью поклоняется, а другой — Дивии». Дыем называли греческого Зевса или славянского Рода. Дивией именовали супругу или мать Зевса в микенскую эпоху. Все эти имена — Дый, Зевс, Дивия — восходят к общеиндоевропейскому названию верховного бога неба: *deiwo.* Слово это означало «дневное, светлое небо». А супругой Неба-Отца была Мать-Земля.

В украинских колядках хозяин дома уподобляется Месяцу, жена его — Солнцу, а дети — звездам. Именно так представляли себе славяне небесное семейство. На Смоленщине верили, что в Купальскую ночь Солнце едет в колеснице с тремя конями — золотым, серебряным и алмазным — навстречу своему супругу Месяцу. Солнце-женщина — образ общеиндоевропейский (известный славянам, балтам, германцам, индийцам, хеттам). Он, очевидно, древнее солнечных богов-мужчин. Славянская же Солнце-богиня — не кто иная, как златоглавая Купала, она же — Пятница-Мокошь в лучистом венце.

Существует еще один лик Матери Лады, так сказать, безымянный. Русские вышивальщицы старательно изображали его, но сами давно уже не знали, что же он означает. Помнили одно: от прабабок завещано — вышивать именно так, причем на предметах, употреблявшихся в культе или на свадьбе (полотенца, простыни, рубахи) и потому нуждавшихся в магической защите. Специалисты же не-Сколько условно именуют этот образ Великой Богиней. Его сходство со скифо-сарматскими и другими древними изображениями великого женского божества установили И. А. Городцов и Б. А. Рыбаков.

Богиня на вышивках — замужняя женщина, видимо, (редних лет, в широкой юбке, на голове — высокий кокошник или убор наподобие корзины. (В таком виде она известна и в украинской, и в русской глиняной игрушке еще с XVII в.) В ее руках, молитвенно воздетых к небу (поза «оранты»),— растения или птицы. Богиню окружают знаки светил, деревья, птицы, животные (особенно лебеди, павы, кони, олени). Сопровождают ее две младшие богини или два бога-всадника. Часто она едет на колеснице или в ладье, которую влекут кони или лебеди[9]. 11ередко фигуры богини и ее спутников стоят в храмах или под навесами. Богиня легко заменяется деревом или сливается с ним. Она — источник жизни, мать и владычица всего живого.

---

[8] Эта пара богинь — скорее не Лада и Леля, а Лада и Яга (см. главу о Бабе-Яге).

[9] Миф о солнце, днем едущем по небу на колеснице, а ночью плывущем под землей в ладье, запряженной лебедями, восходит к бронзовому веку.

https://RodnoVery.ru

Этот величественный образ — общечеловеческий и общеиндоевропейский (Кибела, Артемида, великие богини Крита, Ирана и т. д.). Но многие детали его в русских вышивках восходят к скифской эпохе, когда сами восточные праславяне были «скифами-пахарями», многое перенявшими от собственно скифов — кочевников-иранцев. Скифы изображали свою Великую Богиню (тоже многоименную — Апи, Артимпасу, Табити) крылатой, с одной или несколькими парами змей (с головами львов или грифонов) вместо ног. Надо сказать, на изделиях греко-скифских мастеров она не выглядит уродливой или страшной.

Много веков спустя, в VI—VII вв., на антских фибулах (застежках) богиня предстает окруженной птицами и животными. Ее руки и ноги как бы перерастают в тела коней, орлов, лебедей. Еще через шесть веков, в Древней Руси, на амулетах-змеевиках с одной стороны изображались христианские святые, с другой — богиня с львиноголовыми змеями вместо ног, иногда крылатая. На браслете XII в. из Киева она — змееногая и крылатая, с головой грифона и в нимбе. Такие «русальные» браслеты носили участницы русалий — языческих игрищ, исполнявшихся на Святки, Троицу и Купалу. Уже в XX в. змееногая оранта появляется на украинских писанках — пасхальных яйцах.

Словно сама бессмертная богиня являлась раз в несколько веков мастерам и мастерицам! В действительности промежуточными звеньями между вещами, доступными ныне археологам и этнографам, служили давно истлевшие предметы из ткани или дерева. На них, а главное — в народной памяти, и хранился все эти тысячелетия образ Матери Мира.

Скифское наследие проступает и в других чертах многоименной Матери Лады. Подобно скифской Апи, Мать Сыра Земля — одновременно богиня воды и земли. У лесостепных скифов богиня огня и домашнего очага Табити была и богиней плодородия, и земли. Полесские же крестьяне верили, что на Благовещенье рожает не только Земля, но и огонь в печи.

Так богат и многообразен был образ Матери Лады у славян, хотя их общество и религия давно уже не были матриархальными. Дальше мы узнаем о мужьях, сыновьях и дочерях Великой Матери, которые и составляли семью-общину славянских богов.

https://RodnoVery.ru

Велес — волхв богов

(Волос, Месяц, Жыцень, Ныя, Мерот, Власий, Никола, Поренут.)

На стене пещеры Трех Братьев (во Франции) художник палеолита изобразил странное существо: с бородатым человеческим лицом, острыми ушами, оленьими рогами, медвежьими лапами и волчьим хвостом. Вместо одежды тело покрыто шерстью. Хорошо заметны детородные органы. Пригнувшись и вытянув руки-лапы, человек-зверь пляшет. Кто это — ряженый колдун, предок-тотем, бог? Все вместе. Бог-колдун, всеобщий предок-отец, Хозяин Зверей. В небе еще не воцарился патриархальный Зевс-Дьяус, а этот бог уже делил власть над миром с Великой Матерью, Хозяйкой Зверей, супругом которой он, очевидно, и был.

Позднее, в мезолите, окончательно оформилось представление о трех вертикальных мирах и системе духовных «путешествий» по ним. Бог-колдун стал богом-шаманом, а также певцом, поэтом, музыкантом — все эти искусства были тесно связаны с шаманством. А еще — грозным судьей и палачом. Суеверного человека (не только «дикого») страх перед заклятием или магическим испытанием может убить или вынудить признаться.

Люди научились разводить скот — и Хозяин Зверей стал богом пастухов, а заодно земледельцев и купцов. Ведь раньше изобилие и богатство определялось обилием дичи. Теперь же — скота, зерна, золота. И все же древний бог плохо вписывался в мир молодых патриархальных богов новой, индоевропейской эпохи. Его боялись, но не любили. В роли супруга Великой Богини изначального бога вытеснил бог ясного неба. А на самого бога-колдуна, связанного с ночным небом и его светилами, порой смотрели как на нечистую силу. (Отношение воинов-варваров к колдунам и их богам хорошо передал Р. Говард в своем цикле о Конане.)

В Элладе он принял два обличья: «дикое» — Пана, хозяина лесов, и цивилизованное — Гермеса, бога пастухов, купцов, магов и ... воров. У индийцев стал Варуной — мрачным и суровым богом вод, луны и магии, нещадно ловящим грешников сетью или петлей. Его обычно призывали вместе с Митрой («другом») — солнечным богом, справедливым и добрым к людям. Под именем же Валы древний бог сделался демоном, спрятавшим в скале небесные стада и солнце. У балтов этот бог раздвоился на Велса, владыку мертвых, и черта — Вельняса.

Больше всего повезло изначальному богу у германцев и иранцев. У первых он слился с богом ветра и бури в грозную фигуру Одина-Водана, Дикого Охотника, воина и колдуна. Он и возглавил германский Олимп, оттеснив бога ясного неба (Тиу) на роль второстепенного (но тоже воинского!) божества. В Иране же бог, соответствующий индийскому Варуне, стал владыкой неба под именем Аху-рамазды (Владыки Мудрого). Именно его провозгласил единственным богом Заратуштра — один из первых монотеистов мира.

А славяне? У них древний бог носил имя Велес (Волос) и эпитет «скотий бог». «Скотом» в Древней Руси называли также и богатство, деньги («скотница» — «казна», «ско-толюбие» — «корыстолюбие»). В Киеве святилище княжеского Перуна стояло на горе, а капище Волоса — внизу, на Подоле, рядом с пастбищем и торгом. Тем не менее, заключая договоры с Византией, русы клялись Перуном и Волосом, призывая на себя кары обоих богов: «Да будем золотыми, как золото, и своим оружием да иссечены будем». Очевидно, Перун наказывал клятвопреступников смертью в бою, а Волос — кожной болезнью вроде золотухи или оспы.

На летописной миниатюре к статье 912 г. Перун, перед которым клянутся русские послы, изображен в виде статуи воина с копьем[10], а Волос — в виде змеи у ее подножия. Змея — распространенный символ нижнего мира, мудрости, домашнего очага. Культ домашних змей (ужей), своего рода живых домовых, возникший в энеолите, был свойствен и славянам. Не случайно Вещий Олег, дерзнувший усомниться во всеведении волхвов да еще и угрожать им, гибнет от змеи и коня. Жрецы «скотьего бога» показали князю (если не в жизни, то в сложенной ими легенде), кто в этом мире «вещий».

В «Слове о полку Игореве» Боян, «Велесов внук», выглядит настоящим волхвом-шаманом. Он летает орлом в небеса, бегает по земле волком, а по дереву (мировому) — белкой («мысию»). Древо это — «мысленное», летает певец «умом под облака». То есть оборачивается и странствует по трем мирам не тело шамана, а его душа. Звуки его музыки обращаются в стаю лебедей, преследуемых соколами. В Ирландии филидами (словом, родственным имени Велеса) называлась корпорация жрецов-прорицателей, певцов и магов.

Славой колдуна и оборотня пользовался тезка певца — болгарский князь X в. Баян. О герое «Слова...», князе полоцком Всеславе Брячиславиче, летописец сообщал, что тот был «рожден от волхвования» и носил языческий амулет — науз. В поэме же Всеслав — оборотень, ночью бегающий волком наперегонки с солнцем-Хорсом[11], и знаток гадания по птицам. Душа его — «вещая», шаманская. В былинах Всеслав (Волх Всеславич) — великий охотник и воин — оборотень, князь и шаман в одном лице. Не только он, но и его дружина может оборачиваться соколами, волками и щуками, чтобы передвигаться в

---

[10] Художник, явно не видевший славянских идолов, нарисовал нечто вроде античной статуи Марса, стоящей на колонне.

[11] Согласно мифу, восходящему к бронзовому веку, солнце ночью движется под землей с запада на восток.

https://RodnoVery.ru

трех мирах. А вражеский город они берут, пробравшись туда муравьями. Всеслав-Волх, подобно Вещему Олегу и Одину, побеждает не так оружием, как хитростью — мудростью и чарами.

Не случайно имени Волоса-Велеса родственно не только слово «волхв», но и слова, связанные с общиной и властью над ней: *«волость», «власть», «владыка»,* тохарское *wal* — «царь». На Рязанщине *«велесом»* называли самовольно присвоившего власть. Борьба военных вождей (князей, царей) со жрецами-волхвами за власть — не простую, а священную — тянулась тысячелетиями. Царь Виштаспа, покровитель гонимого жрецами Заратуштры, сам был жрецом — кави. Белый и красный цвета в одеяниях индоевропейских царей и королей означали сочетание жреческой и военной власти. В Черной могиле — кургане черниговского князя X в. — рядом с оружием лежали два священных турьих рога, окованных серебром. Западные славяне называли священника «князь» (польск. *ksiadz,* чеш. *knez).*

Принятие христианства для князей было удобным поводом покончить с волхвами. Но на смену тем приходили церковники, еще более сплоченные и при том связанные с внешними силами. В 1168 г. руянский князь фактически позволил датчанам разгромить священную Аркону и затем крестился вместе с народом. К концу XV в. на острове некому стало говорить по-славянски. На Руси князья, однако, не дали митрополитам и епископам «оседлать» себя. Владык духовных, требовавших поститься в дни языческих праздников, здесь сгоняли с кафедр.

Иван Грозный в юности справлял языческий аграрный обряд: пахал, сеял и ходил, наряженный в саван, на ходулях (этот обряд, как увидим, был связан с культом Волоса). В зрелые годы царь жестоко боролся с митрополитом Филиппом Колычевым и пародировал церковь в своем опричном «монастыре», где сам был «игуменом». По преданию, в 1570 г. царя, решившего разгромить Псков подобно Новгороду, остановил некий юродивый Микула, который имел много скота и был предсказателем. Да, удержать грозного царя от казней мог разве что бог Велес или его земное подобие! По другому преданию, Грозный узнал от волхвов день своей кончины. При вскрытии же его могилы оказалось: руки царя были не скрещены, а сложены, как у богов на Збручском идоле (правая рука на груди, левая — на животе).

Борьба русских царей с князьями церкви завершилась лишь при Петре I, который в ответ на требование духовенства сохранить патриаршество показал им кортик со словами: «Вот вам булатный патриарх!».

Волос был богом не только скотоводства, но и земледелия. По всей Европе было принято оставлять несжатым последний пучок колосьев. Считали, что в него вселяется божество урожая. У русских крестьян этот обряд назывался «оставлять волотку на бородку» или «завивать» («вертеть») бороду Волосу. *«Волоткой»* русские и украинцы именовали верхнюю часть снопа. Сербское *«власт»,* чешское, словацкое и словенское *vlat, lat,* польское *wloc* означает «колос». Волосу, очевидно, соответствует белорусский бог осени Жыцень, описанный Древлянским. Низкий, худой, сгорбленный старик, лохматый и трехглазый, он наказывает плохих хозяев неурожаем, а хороших награждает. Его напоминает галицкий «житный дед» — длиннобородый, трехглавый, с тремя огненными языками.

«Волохатый» Хозяин Зверей выступал в облике медведя — древнейшего бога человечества. Неандертальцы хранили в каменных ящиках головы и лапы пещерных медведей. А русские крестьяне называли «скотьим богом» повешенную в хлеву медвежью лапу. По местному преданию, в Медвежьем Углу возле устья Шексны было капище Волоса. Его почитатели натравили на Ярослава Мудрого медведя, но князь зарубил священного зверя топором и основал здесь город Ярославль. Отсюда и герб последнего — медведь с секирой.

Возможно, Волос — бог крестьян, купцов и волхвов — перенимал кое-что у княжеского Перуна. Святилища Волоса были не только в низинах, но и на горах (Волосова гора на Вологодщине) или у дуба — священного дерева Перуна (в селе Поклоны Ростовского уезда). В том же Медвежьем Углу в честь Волоса жгли неугасимый огонь (как в капищах Перуна) и молили его о дожде. Медведь был также священным зверем Громовника: «ведмщь пиво варить»,— говорили гуцулы о тучах, собиравшихся на вершинах гор.

На земле Велес был медведем или змеей, а на небе — Месяцем. В русских загадках месяц — рогатый пастух звездных стад. Плеяды — одно из самых ярких созвездий — русские звали Волосынями, украинцы — Волосо-жаром, черногорцы — Влашичами. В Люнебурге на Лабе (где славяне жили еще в XVIII—XIX вв.), согласно Э. Ше-диусу (1648), почитался бог «Луна» с острыми звериными ушами и золотой луной в руках. В украинских колядках и русских поверьях Месяц — муж Солнца и отец звезд. В сербских песнях звезда Денница (Венера) — то жена, то сестра, то мать Месяца. Изначальным все же, видимо, был миф о браке Месяца и Солнца (он известен также германцам, балтам и индийцам). Но, как уже сказано, и Солнце, и Денница (Жива) — астральные образы Лады. От Велеса и Лады, очевидно, и пошли все славянские боги.

Супружеской верностью Месяц-Велес, впрочем, не отличался. В украинской песне Месяц «перебирает» звезды, ища себе возлюбленную. В литовском же мифе он изменил Солнцу с Утренней звездой (Венерой), за что и был рассечен грозным Перкунасом-Перуном. Не удивительно, что Матерь Лада нашла себе, как увидим, других супругов.

Арабский путешественник Ибн-Фадлан в 922 г. видел, как купцы-русы молились об успехе в торговле идолу бога, окруженному изображениями его жены и детей. Это, очевидно, и был Велес-Месяц со своим небесным семейством.

https://RodnoVery.ru

У с. Ставчаны на среднем Днестре исследовано святилище Черняховской культуры II—V вв. В нем друг против друга стояли два каменных идола: бог в островерхой шапочке, с бородкой, с рогом в руках и изображением домашнего животного на спине и женская фигура с кругом (символом солнца?) на груди. Это напоминает белорусский обычай ставить рядом с «бородой» последний сноп — «Бабу». Велес с Ладой и на небе, и на земле нес людям изобилие и богатство.

В Новгороде в слоях X—XIII вв. часто встречаются деревянные фигурки мужичков с бородками, в островерхих шапочках. Их принято считать домовыми. Но кто такой Велес, если не главный домовой, заботящийся о скотине и вообще о достатке в доме усердного и благочестивого хозяина?

Чехи верили, что на луне сидит царь Давид и играет на арфе. В древнерусской «Повести града Иерусалима» Давид уподобляется месяцу на золотом дереве-царстве. Библейский царь — пророк и псалмопевец с чертами шамана (он скакал перед ковчегом) — напоминал славянам их бога-волхва. В XII в. на стенах церкви Покрова на Нерли и Дмитриевского собора во Владимире русские мастера, современники «Слова о полку Игореве», высекли грандиозную композицию. Вертикальной осью ее служит длинное и узкое окно. Над ним, в арке-закомаре, восседает на троне Давид с гуслями. По обе стороны окна, друг над другом,— многочисленные звери и птицы — орлы, львы, грифоны, барсы, олени, а еще — святые всадники в нимбах и герои, побеждающие чудовищ. Взоры их всех обращены к окну и к царю-пророку. Вся живая природа, дивная и прекрасная, словно поет гимн — не библейскому творцу-Саваофу (его здесь и нет), а древнему богу-шаману, Хозяину Зверей, восседающему на Мировом Дереве.

Храмы балтийских славян были, по словам очевидцев, покрыты изображениями людей и животных, столь искусно вырезанными, что они казались живыми и дышащими. Те храмы были сожжены немецкими «просветителями». Но русские мастера того же XII в. сохранили в камне языческую картину мира, лишь слегка христианизировав ее.

Видимо, в ту же эпоху сложили «Стих о Голубиной книге» — поэму о сотворении и устройстве мира, столь же поверхностно христианизированную, но восходящую к индоевропейским космогоническим мифам. Стих повествует о чудесной книге, упавшей с неба. Ее «глубинная» мудрость раскрывается в диалоге царей Давида и Волота (Волотомана).

Этот таинственный Волотоман явно принадлежит к миру волотов-велетов — мифических великанов, само имя которых родственно имени Волоса-Велеса. В славянских легендах эти могучие существа воспринимаются как предки или, скорее, предшественники людей. Курганы называли «волотовками», а на Волотовом поле под Новгородом возвышался курган Гостомысла — легендарного предшественника Рюрика. Болотов считали основателями многих селений. Былинный Святогор — это богатырь-волот, которому не осталось места в мире людей. Он может лишь лечь в гроб, передав свою силу богатырю-человеку (воплощающему в то же время нового бога — Перуна).

Диалог Давида и Волота явно напоминает такой же космологический диалог Одина с великаном Вафтрудниром в «Старшей Эдде». А также сказание «Калевалы» о певце-волшебнике Вейнеймейнене, оживившем мертвого великана-чародея Виппунена и выведавшем у него магические тайны. Подобно скандинавским великанам или греческим титанам, волоты — предшественники богов и людей, обреченные на исчезновение, уход в безвозвратное прошлое. Но они также и предки, достойные почитания. Потому Волот, признав превосходство Давида в мудрости, выдает свою дочь за его сына (премудрого Соломона).

Да и сам Велес-Месяц — бог мертвых, предков. Его индоевропейские «сородичи» — балтские божества смерти Велс и Велона, литовские *veles* — тени усопших, скандинавские валькирии и Валгалла («зал мертвых»), греческие Елисейские поля. Все эти мифологические имена, как и имя Велеса, происходят от индоевропейского корня **wel-,*— «умирать». В идущей из Месопотамии астрологической схеме понедельник — день Луны. У славян Понедельник — «божий ключник», провожающий умерших на тот свет (наподобие Гермеса-психопомпа).

Поляки еще в XV в. почитали на Троицу божество Ныя[12]. По Длугошу, этого бога, подобного Плутону, прошли «после смерти отвести в лучшие места преисподней души покойников.

Имя Ныи родственно чешскому *nau* — «загробный мир». В Древней Руси и Болгарии навьями называли птицеобразных духов умерших. Преисподняя же здесь — скорее дань христианским представлениям о том, что все язычники попадут в ад. По славянским же народным воззрениям, под землей находятся только пекло (ад) и змеиный ирий (куда уползают на зиму змеи), а соответственно, Ирий (вырий, рай), куда улетают птицы (на зиму) и души праведников, находится на небе либо где-то далеко на юге или востоке, за горами, рекой или морем. Так что Ныя, судя по всему,— тот же Велес.

Еще два славянских бога потустороннего мира — Ме-рот и Радамаш — упоминаются в чешской хронике Вацлава Гаека. Первого просили провести душу усопшего светлым путем, второго — справедливо определить его посмертную участь. Этот второй — явно античный Радо-мант, судья загробного мира. Его культ мог проникнуть к славянам с юга. Имя же первого связано со славянским обозначением смерти, умирания. Оба, вероятно, были ипостасями или помощниками Велеса.

Вспомним теперь обряд, исполнявшийся Иваном Грозным. Царь с боярами пахал и сеял, а затем, нарядившись покойником, ходил на ходулях. То есть посеянное («погребенное») зерно должно было

---

[12] Переписчики нередко искажали это имя (Tya, Ya Ya).

https://RodnoVery.ru

«воскреснуть» и вырасти. Мертвец превращался в волота и тем обеспечивал урожай. Такое сочетание мотивов естественно для культа Волоса — бога земледелия и загробного мира.

Существовала и женская ипостась Велеса-Ныи, Древнерусские поучения упоминают поклонение «Веле богине». В македонской песне фигурирует вила Вела. Вообще, вилы, эти прекрасные и своенравные птицедевы, близки к Велесу не только своим именем, но и связью с шаманством, плодородием, богатством и миром мертвых. Они любят и знают чудесные песни и мелодии, но могут увлечь человека в безумный, доводящий до смерти танец. Становятся же вилами, по словацким поверьям, души умерших невест. Вилы одаривают людей богатством, приносят урожай. Польские историки XVI в. Стрыйковский и Гваньини отождествляют Нью не с Плутоном, а с Церерой. У Прокоша (Диаментов-ского) Ныя — также женское божество. Чешская Нива — жена змееборца Крока и мать трех вещих княгинь-жриц — Либуши, Казн и Гетки. У чешского историка Странского Нива — богиня, соответствующая Прозерпине. Эта Ныя-Вела, скорее всего, та же Лада. Как увидим ниже, Ныя Прокоша соответствует скифской великой богине-змеедеве, матери богов и людей.

Школа В. В. Иванова и В. Н. Топорова считает чуть ли не аксиомой, что Велес — общеиндоевропейский змей-дракон, виновник засухи, враг Перуна-Громовника и соблазнитель его жены. Да, этимологически Велес — «родич» литовского Вельняса (черта), врага Перкунаса и ведического Валы, противника Индры. Вельняс к тому же колдун, музыкант и владеет скотом, а Вала прячет коров в пещере. Вила Вела затворяет источники воды. Велес в карпатской легенде посылает одноглазого демона Сыроеда, и от взгляда того пересыхает река Велесница. Она пробивается в другом месте, но в ней заводится змей-людоед, которого люди с трудом одолевают. Но другая легенда из тех же мест говорит о «Деде», хозяине подземных вод, не дающем им выйти наружу и затопить землю. То есть этот Дед (тот же Велес) — не враг, а защитник людей и земного мира.

Главное же, Вельняс, Вала и им подобные — не боги, а злобные чудовища, способные лишь вредить людям. Индоевропейцы не почитали их, а проклинали. Поклонялись же нечисти, по представлениям славян, лишь злые колдуны и ведьмы. И не среди бела дня в капище на Подоле, а глухой ночью на Лысой горе. А в славянских сказках и легендах о змееборцах змей никогда не зовется Белесом или похожим именем. Будь Белес кем-то вроде Сатаны и дракона, вряд ли один поэт назвал бы другого его внуком. Кокетничанье с Сатаной вошло в моду позже, в XIX—XX вв. И все же демонизация древнего бога имела место и у славян. Возможно, еще в дохристианские времена. «Волосатиком», «èлсом» в русских областных говорах называли лешего, водяного, черта, «елесихой» — бесовку, «волосом», «волосенем» — мифическое существо вроде ожившего конского волоса, будто бы проникавшее в тело и вызывавшее болезни. «Волос буду!» — божились русские крестьяне. «Какой черт, или какой Велес, или какой змей тебя против меня настроил?» — вздыхал Ткадлечек, чешский автор XIV в. «Оставим эти грехи у Велеса»,— писал в 1471 г. один чешский проповедник. А чешские же переводчики книги Сираха в XVI в. желали злой жене обратиться в дикого гуся и улететь за море к Велесу (или «дясу»-черту). В последнем случае речь явно идет о языческом ирии.

Дело здесь не только в церкви, объявившей всех языческих богов бесами. Именем Перуна или Даждьбога так не ругались. Но слишком таинственным и пугающим был древний бог, связанный с колдовством, загробным миром, ночью, бледным светом луны и звезд. Вот и представляли нечистую силу похожей на него. Привычный нам черт, скопированный с античных фавнов и сатиров, пришел в Россию с Запада в XVII в. В Древней Руси бесов изображали волосатыми, остроголовыми и часто крылатыми. Волосатым и остроголовым представляли и лешего (тоже хозяина зверей). Вспомним также островерхие шапочки ставчанского идола и новгородских «домовых».

Праздник Велеса отмечался, видимо, 6 января, в конце Святок[13]. В этот день кончались обходы и шествия ряженых. Среди них выделялись маски животных Велеса — медведя, быка, лошади и др. Ряженные, изображавшие собой толпу выходцев из потустороннего Велесова царства, заклинали богатство и изобилие в каждом доме, за что их щедро одаривали. А на скупых и неучтивых хозяев посланцы Велеса накликали несчастья. В этот же день хозяин в кожухе мехом наружу (словно в медвежьей шкуре) совершал над скотом магические обряды: бросал через стадо топор крест-накрест и т. д.

В христианские времена место Велеса заняли святые Власий и Николай (Никола, Микула). Власий Севастий-ский еще в Византии был покровителем скотоводства. А на Руси даже имя его почти совпадало с именем низвергнутого бога. Иконы Власия помещали в хлеву и величали его «коровьим богом». Считали его и защитником от змей, а на иконах рядом с ним изображали существо с головой медведя.

Еще более популярен был в народе Николай Мирли-кийский. Как увидим далее, он заменил Сварога, Стрибога, Морского Царя, но ряд черт Николы Угодника роднит его с Белесом. Николу, в отличие от грозного Ильи-пророка (языческого Перуна), считали добрым защитником народа. Юродивый, остановивший царя Грозного, звался Микулой. Никола почитался как покровитель скотоводства, земле-делия, охоты, проводник душ на тот свет, податель богатства. «Бороду» в поле завивали также и Николе. «Неразменный рубль» поляки звали «миклюзом». Верили, что Никола карает змеями. Волосов Никольский монастырь (в Ростовском крае) был поставлен на горе на месте святилища Волоса. Но затем, по преданию, икона Николая стала исчезать оттуда и появляться у подножия горы висящей на дереве, на волосах. В конце

---

[13] В Ростове на месте капища Велеса была поставлена церковь Богоявленья. Этот праздник приходится на 6 января.

https://RodnoVery.ru

концов монастырь был перенесен туда. Так монахи следовали капризам языческого бога (вернее, народным представлениям о нем), дабы сохранить паству.

Еще один монастырь (в Новгородской земле) именовался Никола Медведь, а другой (под Чигирином) — Никола Медведовский.

В Коренице на Руяне почитался загадочный бог Поренут. Он имел четыре лица, а пятое держал обеими руками на груди, как люнебургский лунный бог — изображение луны. Имя его родственно польскому *poronic* — «родить». Видимо, это был двуполый бог — андрогин, породивший другого бога или богов. И при этом — повелитель Вселенной: четыре головы (у Рода-Святовита, Брахмы и др.) означали власть над четырьмя сторонами света. В Иране таким четырехликим андрогином, отцом двух владык мира Щ Ахурамазды и Анграмайнью — был бог времени Зерван Акаран, Бесконечное Время. У славян Бог и Сатанаил, языческие Белобог и Чернобог, считались братьями. Матерью их была, очевидно, Лада: в болгарской песне Бого матерь рожает «Бела бога». А отец? Можно предположить, что им был древнейший из богов — Велес-Меся супруг Солнца. Он же, видимо, Поренут.

Такой непростой путь — от зверобога до святого и черта — прошел древнейший из богов. Он не всегда лади"? с молодыми богами (своими же потомками). Но в общине славянских богов у него было свое место — волхва-шаман" пастуха и земледельца.

https://RodnoVery.ru

Баба-Яга — владычица смерти

(Ендза, Ежибаба, Коризма, По-кладня Баба, Несреча, Кривда.)

Бабу-Ягу (польскую Енд-зу, чешскую Ежибабу) принято считать страшилищем, верить в которое пристало лишь малым детям. Но еще полтора века назад в Белоруссии в нее — страшную богиню смерти, губящую тела и души людей,— верили и взрослые. И богиня эта — одна из древнейших. Этнографы установили ее связь с первобытным обрядом инициации, справлявшимся еще в палеолите и известным у самых отсталых народов мира (австралийцев и др.).

Для посвящения в полноправные члены племени подростки должны были пройти особые, порой тяжелые, обряды-испытания. Исполнялись они в пещере или в глухом лесу близ одинокой хижины, и распоряжалась ими старая женщина-жрица. Самое страшное испытание состояло в инсценировке «пожирания» испытуемых чудовищем и их последующего «воскресения». Во всяком случае, они должны были «умереть», побывать в потустороннем мире и «воскреснуть».

Яга — это распорядительница инициации и чудовище-пожиратель в одном лице. Главное же — Хозяйка Леса, владычица потустороннего мира смерти, богиня древняя и страшная, мало похожая на добрую Мать Мира. Сам ее вид — уродливый, порой полузвериный. Старуха огромного роста, еле умещающаяся в своей избушке, косматая, мохнатая, с огромными грудями (костяными или железными), с костяной (как у скелета) ногой или одноногая. Возможно, она представлялась змеей или полузмеей. Ее имя родственно индоевропейскому названию змеи (слав, «уж», лат. anguis, иран. agi), она — мать змеев.

Все вокруг нее дышит смертью и ужасом. Засовом в ее избе служит человеческая нога, запорами — руки, замком — зубастая пасть. Тын у нее — из костей, а на них — черепа с пылающими глазницами. Она жарит и ест людей, особенно детей, при этом печь лижет языком, а угли выгребает ногами. Изба ее покрыта блином, подперта пирогом, но это — символы не изобилия, а смерти (поминальная еда).

По белорусским поверьям, Яга летает в железной ступе, с огненной метлой. Где она несется — бушует ветер, стонет земля, воют звери, прячется скот. Ее сопровождает ведьма и уродливая богиня смерти Паляндра, которая отдает души покойников на съедение Яге и ведьмам.

Яга — могущественная колдунья. Служат ей, как и ведьмам, черти, вороны, черные коты, змеи, жабы. Она оборачивается змеей, кобылой, деревом, вихрем и т.д.; не может лишь одного — принять сколько-нибудь нормальный человеческий облик.

Обитает Яга в глухом лесу или подземном мире. Она и есть хозяйка подземного ада: «Ты хочешь идти в пекло? Я — Ежи-баба»,— говорит Яга в словацкой сказке. Аес для земледельца (в отличие от охотника) — недоброе место, полное всякой нечисти, тот же потусторонний мир, а знаменитая избушка на курьих ножках — как бы проходная в этот мир. Потому и нельзя в нее войти, пока она не повернется к лесу задом. С Ягой-вахтершей трудно справиться. Героев сказки она избивает, связывает, вырезает ремни из спин, и только самый сильный и храбрый герой одолевает ее и спускается в преисподнюю.

При этом всем Яга имеет черты повелительницы Вселенной, выглядя какой-то жуткой пародией на Мать Мира. Яга — тоже богиня-мать: у нее три сына (змеи или великаны) и 3 или 12 дочерей. Возможно, она и есть поминаемая в ругательствах «чертова мать» или «бабушка». Она — домовитая хозяйка, ее атрибуты (ступа, метла, пест) — орудия женского труда. Яге служат три всадника — черный (ночь), белый (день) и красный (солнце), ежедневно проезжающие через ее «проходную». С помощью мертвой головы она повелевает дождем.

Яга — богиня общеиндоевропейская. У греков ей соответствует Геката — страшная трехликая богиня ночи, колдовства, смерти и охоты. У германцев — Перхта, Холь-да (Хель, Фрау Холле). У индийцев — не менее жуткая Кали. Перхта-Хольда обитает под землей (в колодцах), повелевает дождем, снегом и вообще погодой и носится, подобно Яге или Гекате, во главе толпы призраков и ведьм. У немцев Перхту заимствовали их славянские соседи — чехи и словенцы. На Богоявленье (6 января), когда Перхта летала со своей «дикой охотой», итальянцы сжигали чучело старой ведьмы Бефаны.

Тогда же, на Святки, славяне играли в «слепую бабу» («слепого деда»): один участник игры с завязанными глазами ловил остальных. Яга тоже бывает слепа или одноглаза. Напоминают Ягу и воплощения Великого поста — черногорская Баба Коризма и хорватская Покладня Баба. Чучело последней (в виде зубастой женщины) хоронили в первую среду поста. Так славяне воспринимали аскетические предписания новой религии. По их мнению, требовать от человека умерщвления плоти могла только богиня смерти. И к Яге, и к Пятнице близка сербская Гвоздензуба, карающая огнем плохих прях. Нерадивых прях наказывает и Перхта.

Германцы и их соседи-славяне (чехи, словаки, хорваты, словенцы), а также финны и венгры 13 декабря почитают святую Люцию. (До конца XVI в. на этот день приходилось зимнее солнцестояние.) Ее представляют то уродливой старухой, волосатой, с гусиными ногами, то прекрасной девушкой в белой одежде и короне из горящих свечей. В свой день она запрещает прясть, ходит с ряжеными и, подобно Санта-Клаусу (заменившему Водана), Перхте или Бефане, награждает или наказывает детей.

Яга иногда как бы расщепляется на трех Ягишен, пересылающих героя друг к другу. Геката изображалась с тремя лицами и тремя телами, а кельтская богиня смерти Мор-риган являлась в виде трех богинь — Махи, Бадб и Неман. Вспомним также трех прях-владычиц судьбы (парки, норны, судицы и др.).

https://RodnoVery.ru

Такая троичность богинь может быть связана с тремя вертикальными мирами, тремя фазами луны либо тремя возрастами (девушка — женщина — старуха). В одних сказках Яга сражается с героем или норовит его съесть. В других, наоборот, указывает герою путь, дает ему чудесного коня и волшебные предметы (меч-кладенец и др.) или же награждает девочку-сиротку за трудолюбие и послушание (подобно Перхте-Хольде). Может показаться, что между Матерью Ладой и Ягой вообще нет особой разницы, что они — два лика одной Великой Богини.

Скорее, однако, эти две богини изначально составляли антагонистическую пару — задолго до Ахурамазды и Анграмайнью, Белбога и Чернобога. В мифологии некоторых австралийских племен мир творят не два брата-близнеца (как у многих народов мира), а две сестры. У кетов на Енисее доброй богине Томэм противостоит злая Хосе-дэм (в частности, пожирающая души людей). У индийцев Адити-Бесконечная, мать богов, имеет сестру Дити — мать демонов-даитьев. Третья сестра, Дану — мать демонов-да-навов, в том числе дракона Вритры, главного врага Индры. Германцы различали черную («ужасную») и белую («красивую») Перхту.

У славян подобную пару составляют сербские богини доброй и злой судьбы Среча и Несреча (украинские Доля и Недоля). Первая — прекрасная девушка, прядет ровную золотую нить. Вторая — старуха с мутным взглядом, нить ее — плохая, тонкая. В «Стихе о Голубиной книге» Правда и Кривда борются в виде двух зверей, после чего Правда удаляется на небо, а Кривда остается на земле. В болгарских песнях Богоматери, восседающей на золотом троне на вершине Мирового Дерева, противостоит Юда — грабительница, выходящая из моря верхом на олене. Вполне возможно, что сестрами-соперницами были и Лада с Ягой, которые и стоят за всеми этими парами.

Не стоит, однако, думать, что славяне-язычники считали земной мир безраздельным царством Кривды-Яги. Зло царило в преисподней, Добро — на небе. В среднем же мире Добро и Правду отстаивали Правда-Лада и ее потомки — светлые боги.

«Доброта» же Яги весьма относительна. Над сироткой она жестоко издевается, задает ей непосильную работу, постоянно угрожая изжарить и съесть. «Гостеприимную» Ягу в этой роли могут заменять ведьма, ала (злая змеица), кобылья голова[14] (соответственно, в белорусской, сербской и украинской сказках). Помощь же Яги герою-воину, идущему в потусторонний мир, может объясняться какими-то счетами сварливой богини с другими хозяевами этого мира. На такую мысль наводит лубочная картинка: Яга верхом на свинье бьется с «крокодилом», имеющим человеческую голову с длинной бородой. Этот «крокодил», вероятно, змей-ящер, владыка нижнего мира, либо Чернобог.

В некоторых сказках и легендах герой, победив змея, вынужден бежать от его матери-змеихи. Усмирить ее и запрячь в плуг может лишь божественный кузнец Кузьма-Демьян (языческий Сварог). В Ригведе Индра тоже, победив дракона Вритру, бежит от его матери Дану.

В ряде сказов древняя лесная богиня вдруг становится похожей на степнячку-кочевницу. Она владеет стадами скота и табунами коней, сражается верхом на коне с кузнечным молотом в руках. У нее есть чудесные мастера — кузнецы и швеи, создающие ей воинов. При этом Яга и ее дочери (или невестки — жены змеев) остаются опасными чародейками: чтобы погубить героя, обращаются яблоней с ядовитыми плодами, криницей с отравленной водой, постелью, проваливающейся под землю.

Здесь сказались контакты славян со степняками, особенно с «женоуправляемыми» сарматами. У скифов и сарматов были популярны изображения Афины-воительницы, с которой они, видимо, отождествляли свою богиню любви и войны Артимпасу. Но Афина — также покровительница ремесел. На алтаре Артимпасы из Тускулана в Италии были изображены ремесленные орудия. Отсюда, надо полагать, и чудесные ремесленники у Яги.

Древняя лесная богиня, в отличие от своей доброй сестры, не вписалась в земледельческий пантеон славян. Подобно Чернобогу и прочей нечисти, она противостояла общине славянских богов, хоть и была с ними в родстве. Поэтому поклонялись ей разве что ведьмы, столь же отвергнутые обществом.

---

[14] В купальском костре сжигали «ведьму» — конский череп на шесте. В индийских мифах фигурирует огромная лошадиная голова, лежащая на дне моря. Огонь из ее пасти в будущем вызовет мировой пожар.

https://RodnoVery.ru

Род — старейшина богов

(Бог, Дый, Прабог, Усуд, Белбог, Белун, Дзедка, Святовит, Кирт, Сытиврат.)

Заключая договора с греками в 944 и 971 гг., русские послы клялись Богом, Перуном и Волосом. Этот «Бог» — не христианский, византийский Саваоф (ведь упомянуть его в договоре прежде своих богов — означало бы унизить Русь), а верховный небесный бог славян, стоявший выше Перуна и всех богов.

Этот бог воцарился в индоевропейском небе на грани •неолита и бронзового века, когда степные скотоводы Щолели матриархальных земледельцев Триполья. Плуг, напряженный быками, победил мотыгу — женское орудие, и хозяином в небе и на земле стал мужчина — патриарх, хозяин стад и рабов. До поры до времени старейшине-патриарху подчинялась воинственная молодежь — дружинники и военные вожди.

Бог-патриарх, олицетворявший (в отличие от ночного Вслеса) светлое дневное небо, звался у древних индоевропейцев *deiwo*. Это — индийский Дьяус, греческий Зевс, германский Тиу. (Последний, впрочем, превратился во второстепенного «бога меча».) С его именем связано и обозначение бога вообще у индийцев *(deva),* греков *(Θεός),* римлян *(deus),* германцев *(tiwaz* — «боги»).

У славян этим именам родственно слово «Дый». Им напевали то греческого Зевса *(Διός),* то какого-то славянского бога. На амулете XIV в. из Новгорода нанесено слово *«Δαηος»;* на одном обереге-змеевике — *«Δοηος».* Это записанное греческими буквами славянское имя «Дый». Беседа св. Григория Феолога» говорит о поклонении Дыю и Дивии. Эта божественная пара, очевидно, Небо (Род) и Земля (Лада).

И в то же время этот древний термин означает у сла-нян нечистую силу. «Щоб на тебе Див прийшов!» — бранились галичане еще в начале XIX в. В «Слове о полку Игореве» Див — зловещее существо. С дерева он предрекает поражение и гибель русской рати, а затем бросается наземь — и беды обрушиваются на Русь. Древнерусское «див» означает грифона. Еще в скифские времена этого льва-орла считали воплощением солнца — и в то же время смерти, подземного мира. У южных славян «дивы» — злые великаны, «самодивы» — те же вилы, существа своенравные, порой злые и жестокие.

Из всех индоевропейцев только славяне и иранцы дивами (дэвами) называли злых демонов, а бога именовали словом, восходящим к индоевропейскому *bhagos* — «счастье, удача». При этом русские еще в XVI в. употребляли слово «бог» в его древнем значении: о муже хорошей жены говорили, что у него есть «бог в кике» (кика — женский головной убор).

У иранцев такая перемена терминов была вызвана «религиозной революцией» Заратуштры, объявившего всех богов-дэвов демонами, недостойными поклонения, а единственным настоящим богом Ахурамазду. Впрочем, дэвов пророк заменил «бессмертными святыми» с теми же функциями, а его последователи вернули «с черного хода» некоторых дэвов (Митру, Анахиту и др.) в качестве «яза-тов» — «достойных поклонения».

Восприняли славяне и много других иранских религиозных и этических терминов — «вера», «святой», «ирий», «небо», «гадать», «жертва», «благо», «зло», «каяться», месть» и др. «Чистыми» зороастрийцами славяне, безусловно, не были. Но учение Заратуштры, осуждавшее грабительские войны, вполне могло найти отклик у земледельцев, страдавших от набегов кочевников,— не только н Средней Азии и Иране, но и на берегах Днепра. Не отсюда ли повышенное внимание русского народа к проблемам правды, справедливости, моральной чистоты?

У славян Бог — не просто могущественное существо, .1 носитель наивысшей доброты, справедливости, святости. В их легендах он запросто ходит по земле в виде убогого (странника, один или с несколькими святыми, помогает добрым людям, наказывает грешных. Иные из этих преданий полны юмора. Например, о том, как черти пытались яюить святых и Бога, дабы тот благословил водку — изобретение бесов. Как это не похоже на библейского Саваофа, являющегося людям не иначе как среди грома и молний, Вечно грозящего и карающего, произвольно устанавливающего и меняющего моральные нормы!

Индоевропейцы считали Небо-Отца и Землю-Мать супругами и всеобщими прародителями. Таковы индийские Дьяус и Притхви, греческие Зевс и Деметра. А вот Уран (звездное небо) и Гея ближе к Велесу и Ладе. В русских сговорах Небо зовется отцом, Земля — матерью. К небесному супругу воздеты руки богини-оранты на энеолических изображениях и русских вышивках. Верили, что он оплодотворяет Мать Сыру Землю через дожди, молнии, метеоры.

В Древней Руси Бог именовался также Родом. Именно Рода и Рожаниц чаще всего поминали и проклинали анти-языческие поучения. «Это тебе не Род, сидя на воздухе, мечет на землю груды и в том рождаются дети... Всем есть творец Бог, а не Род»,— писал автор слова «О вдохновении духа в человека». То есть Род считался творцом мира, супругом Земли, всеобщим отцом. Он — оплодотворяющая, плодородная сила, пронизывающая всю Вселенную, включая землю, источники вод («родники») и подземный огонь («родрый», «ръдяный»), цвет огня и крови, возбуждающий страсть и энергию. Не случайно этот цвет стал эмблемой воинов и революционеров.

Подобно Зевсу, Род был громовержцем. Древнерусское *«родиа»* означает молнию, притом шаровую, наиболее загадочную и опасную. (Обычные молнии-стрелы были уделом младшего громовника — Перуна.) Видимо, к Роду относятся слова Прокопия Кесарийского о том, что славяне «считают, что один из богов — создатель молнии — единый владыка Вселенной, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных». У индийцев Роду соответствует громовник Рудра. Его тело — красного цвета, в

https://RodnoVery.ru

облике быка он сходится с богиней земли Родаси. Позднее Рудра слился с доарийским богом типа Велеса (магом-йо-гином и хозяином зверей) в единый образ Рудры-Шивы («милостивого»). Символ Шивы — лингам (фаллос), а его супруги — йони (женское лоно).

Арабский историк X в. Ибн-Русте рассказывает, как славяне после жатвы поднимают к небу ковш с зерном и говорят: «Господи, ты, который даешь нам пищу, снабди теперь нас ею в полной мере!». Этот «Господь», обитающий на небе и обеспечивающий урожай на земле, очевидно, тот же Род.

Род — не монотеистический бог-самодержец, окруженный лишь слугами-ангелами да святыми угодниками, людях же видящий рабов, а старейшина рода-племени огов. По словам Гельмольда, балтийские славяне «при-нают и единого бога, господствующего над другими в не-есах, признают, что он, всемогущий, заботится лишь о де-х небесных, они (другие боги), повинуясь ему, выполня-т возложенные на них обязанности, и что они от крови го происходят и каждый из них тем важнее, чем ближе он тоит к этому богу богов».

Как праотец богов, Род именовался Прабогом. Так на-ывали Бога словаки. В соседнем Закарпатье это слово (видимо, под влиянием церкви) превратилось в ругательство, в синоним нечисти: «Иди до ста прабогов!».

Сербы называют Большую Медведицу «Возачева Кола», «Кола Родина», «Родокола». Согласно хорватскому преданию, это и есть тот воз, на котором праведный возничий доставил на гору к виле Живе раненного в бою Бога (того же Рода).

О Роде (Усуде) как боге судьбы, стоящем над Рожаницами (или Сречей и Несречей), уже говорилось. Это патриархальное представление, несомненно, более позднее, чем вера в богиню судьбы.

Рода изображает знаменитый Збручский идол, окрашенный некогда в красный цвет. Он представляет всю Вселенную: четыре грани — четыре стороны света, три яруса — три вертикальных мира. Верхний ярус — небо с фигурами четырех богов: богини с рогом (Мокошь), бога-всадника с мечом (Перун), богини с кольцом в руке (Утренняя Заря[15]) и бога с солярным знаком на груди (Даждьбог). Средний ярус — земля с хороводом людей. Под двумя богами — двое мужчин, под Зарей — женщина, под Мокошью — женщина с ребенком. Нижний ярус — подземный мир с трехликим богом, стоящим на коленях и держащим на себе землю. (Часто его считают Белесом, но, как будет показано, скорее всего это Черно-бог.) Композицию увенчивает княжеская шапка. Она придает всему изваянию фаллический облик и в то же время напоминает: это не просто модель Вселенной, а образ ее повелителя — Рода.

Четырехликость — общеиндоевропейская черта космических, всеобъемлющих богов. Таким и представлялись индийский Брахма, иранский Зерван, римский Янус (обычно двуликий), греческий Гермес, манихейский[16] Отец Величия (отождествлявшийся с Зерваном). В с. Иванковцы на среднем Днестре исследовано святилище IV—VI вв., где стояли три каменных идола — четырехликий (Род), четырехгранный, но одноликий (Сварог — см. ниже) и бородатый с мечом (Перун). IX в. датируется небольшой деревянный идол с четырьмя лицами из Волина в устье Одры и четырехликий костяной идол-подвеска из Преслава в Болгарии. Последний одновременно служил писалом (заостренным стержнем для письма). Заметим, что Брахма не только творец мира, но и бог мудрости. Быть может, славянские волхвы успели создать свою литературу и записать на бересте, например, Голубиную книгу?

Збручский идол — целый философский, теологический трактат, высеченный в камне. Задолго до Спинозы и Сковороды, отождествлявших Бога и природу, волхвы X в. видели единство мира в Боге-Роде, создавшем вселенную и пронизывавшем ее своей властью и огненной, порождающей силой. Существовал общеиндоевропейский миф о создании мира из тела космического великана. Этот гигант I Ригведе именовался Пуруша (Человек), в «Старшей Эдде» — Имир. В «Стихе о Голубиной книге» мир творится из тела Бога.

Все боги на Збручском идоле выступают как ипостаси или аспекты верховного Бога. Такое сочетание многобожия с единобожием свойственно, например, кришнаизму. Подобное учение не требует отрекаться от отеческих богов и объявлять их бесами во имя единого Бога.

Збручский идол стоял до середины XIII в. на вершине Горы Богит, окруженный кольцом из восьми священных костров (жертвенных ям), ориентированный гранями по сторонам света. Мокошь при этом, очевидно, глядела на север, в сторону входа в святилище, Заря — на восток, а Даждьбог-Солнце — на юг. Еще одно святилище Рода было раскопано в 1908 г., на территории древнейшего в Киеве городища. Здесь каменная вымостка с четырьмя выступами по углам ориентирована так же по сторонам света. На ней, вероятно, стоял идол. Рядом — жертвенник.

Власть Рода над миром не была, однако, безраздельной. Ему противостоял могущественный брат-соперник — Чернобог. По словам Гельмольда, славяне «во время пиров... пускают вкруговую жертвенную чашу, произнося при этом, не скажу благословения, а скорее заклинания от имени богов, а именно, доброго бога и злого, считая, что все преуспеяния добрым, а все несчастья злым богом направляются. Поэтому злого

---

[15] Б. А. Рыбаков считал эту богиню Ладой. Но, как установил еще в 1971 г. Л. А. Зарубин, с кольцом в руке изображалась Утренняя Заря. Лада же и Мокошь, как показано выше, тождественны.

[16] *Манихейство* — религия, созданная в III в. проповедником Мани в Месопотамии и сочетавшая элементы христианства, зороастризма и буддизма.

https://RodnoVery.ru

бога они на своем языке называют дьяволом, или Чернобогом». Добрый же бог, очевидно, звался Белбогом. Само это имя, однако, появляется в источниках лишь в XVII в. в «Истории Каменской епархии», где упоминается о строительстве в Поморье (Померании) монастыря Белбук на месте святилища Белбога.

Память о Белбоге и Чернобоге еще в начале XX в. хранили потомки поморян — кашубы. Белбога они считали «нашим богом» и помнили о гаданиях с помощью двух коней, черного и белого, воплощавших этих двух богов. Это напоминает День и Ночь — черного и белого всадников — из сказки о Бабе-Яге и авестийский миф о борьбе Тишт-рии-Сириуса (бога дождя) с дэвом засухи Апаошей в облике белого и черного коней. В той же «Авесте» Ахурамазда именуется «белым», «сияющим». Сербы называют «Белым Богом» небо, болгары — счастье. В «Матер вер-борум» Белбог приравнен к Баалу — семитическому божеству неба и плодородия.

Возле Бауцена (Будышина), столицы лужицких сербов, возвышаются две горы. Северная зовется Чернобог (*Cemy boh),* южная — Белбог *(Bely boh).* У зороастрийцев север также считался обителью Ангра-майнью. О храмах Белбога и Чернобога на двух горах у села Гловицы рассказывали кашубы. По их словам, на месте храма Белбога была поставлена церковь Христа.

В урочище Белые Боги в Подмосковье, по местному преданию, на холме была заповедная дубрава и капище. В Костромской губернии существовал также Троицко-Бел-божский монастырь. Топонимы, связанные с Белбогом, охранились также в Чехии, Польше, Галиции.

Земной ипостасью Белбога, очевидно, был белорусский Белун, описанный Древлянским. Это — белобородый старик в белой одежде, с белым посохом. Он появляется то в лесу, то во ржи, помогает жнецам и заблудившимся путникам, а тех, кто не побрезгует вытереть ему нос, наделяет деньгами. «Темно в лесу без Белуна»,— говорят белорусы. На Украине подобный персонаж именуется «Дщ». К нему близок описанный тем же автором Дзедка: странник с сумой, с огненными глазами и бородой. Он усыпляет путника и во сне советует ему, как избавиться от несчастья. Дзедка сторожит клады и может помочь деньгами попавшему в беду. Ему посвящена Дзедова (масленичная) неделя. Все эти персонажи сродни Богу-страннику народных легенд, Роду и Белбогу.

Белбог добр, но не всемогущ. Чернобог, в отличие от библейского Сатаны,— не провокатор и палач на службе у Бога, а его изначальный и могущественный соперник, но при этом — ближайший родич. Славянам удалось сберечь древний миф о двух творцах мира. У русских, украинцев, белорусов, поляков, болгар, боснийцев он сохранился в устной форме, у восточных и южных славян — также в виде письменного апокрифа (известного с XV в.). Два демиурга в нем зовутся Богом и Чертом (Сатанаилом и др.).

Согласно мифу, Бог и Черт — братья. Они плавали в виде двух уток (гоголей) по изначальному морю. Черт по велению Бога нырнул на дно моря и принес оттуда горсть песка. Из этой горсти и выросла земля. Ночью Черт попытался бросить спавшего Бога в море, но берег все уходил от него, и суша таким образом стала еще шире. Она была ровной, но Черт изрыл ее горами и оврагами. Из капель воды или искр, высеченных из кремня, Бог создал ангелов, а Черт — бесов. Бог творил все доброе и полезное (корову, собаку, пчел и т.д.), Черт — все злое и вредное (волка, козла, комаров, змей и т. д.).

Первую пару людей Бог вылепил из глины и отлучился за душами для них. Черт, подкупив собаку-сторожа, тут же оплевал и истыкал тела людей, и Богу осталось лишь вывернуть их наизнанку. Вся чертова скверна оказалась у человека внутри, и он стал болеть и грешить.

Небо создал Бог, подземное пекло — Черт. Последний поначалу тоже обитал на небе, но попытался захватить там власть и был сброшен на землю вместе со своими бесами. Упавшие в лес стали лешими, в воду — водяными и т. д. Сам же их предводитель провалился в пекло. Он, однако, унес с собой солнце (огонь, венец или одеяние Бога, молнию, меч). Громовник Илья (Михаил, Петр) хитростью похитил его у Черта: уговорил того нырнуть, а сам заморозил море и улетел на небо с солнцем. Разъяренный Черт проломил лед, погнался, но смог лишь вырвать у Громовника кусок мяса из стопы.

Когда люди перестанут праздновать Пасху и разрисовывать писанки, Черт вырвется из преисподней, нашлет потоп и огненный дождь. Илья-громовник погибнет в бою и вознесется в рай, а земля сгорит от его крови или провалится в пекло от его молний.

С ортодоксально-христианской точки зрения, этот славянский миф — сплошное кощунство. Не соответствует он и учению манихеев и их славянских последователей-богомилов о том, что весь материальный мир создан Сатаной, а духовный — Богом. Очевидно, подлинные герои мифа — языческие Белбог и Чернобог.

Действительно, мифы о двух братьях-демиургах распространены по всему миру, в том числе у индоевропейцев (Прометей и Эпиметей, Ахурамазда и Ангра-майнью). Миф о грядущей гибели-обновлении мира и богов в огне — тоже общеиндоевропейский. Однако из всех индоевропейцев лишь у иранцев и славян эти братья — не только творцы мира, но и его владыки-соперники. В то же время такая пара богов характерна для урало-алтайских народов: Ен и Омоль у коми, удмуртские Инмар и Кереметь, угорские Нуми-Торум и Куль-отыр, ненецкие Нум и Нга, алтайские Ульгень и Эрлик и др. Этим же народам свойствен миф о «ныряющем демиурге». Но славяне издавна соседствовали с иранцами, с финно-уграми же и тюрками столкнулись лишь в I тыс. н. э. Иранцы, в свою очередь, были соседями финно-угров на своей прародине в евразийских степях. Вероятно, миф о двух творцах и владыках мира проник от финно-угров к иранцам, а от тех — к славянам. Не случайно его герои у славян носят полуиранские имена (с компонентом

https://RodnoVery.ru

«бог»). Иудео-христианский же миф о Боге и Сатане сложился, скорее всего, под иранским влиянием. Сатана появляется лишь в поздней книге Иова. Так таежные шаманы оказались поистине учителями человечества!

Своеобразный вариант этого же мифа сохранился в украинских колядках. Здесь мир творят две (или три) птицы, сидящие на Мировом Дереве посреди изначального моря. Они ныряют на его дно за камешками и из них создают небо и землю. Иногда эти птицы отождествляются с Богом и святыми Петром и Павлом. В украинской же легенде мир создают Петр и Черт под руководством Христа. У кур-лов-езидов Бог и архангел Гавриил сидят в виде птиц на Дереве среди первозданного моря и спорят о первородстве. Рассудил их Шейх-Синн (эманация Бога), сидевший на розовом кусте посреди того же моря. Подобным же образом в индийском сказании Шива примиряет Брахму и Вишну: он старше их обоих, но присуждает первородство Вишну, в облике вепря спустившемуся в преисподнюю к стопам Шивы. Наконец, в Иране «третий демиург» и отец обоих владык мира — Зерван.

Как уже было показано, у славян «третьим демиургом» и отцом Белбога и Чернобога был, скорее всего, Велес-Поренут. Матерью же — Лада (Богоматерь, рождающая Белого Бога). Но супруга Неба (Рода) — Мать-Земля, ТО есть та же Лада. Следовательно, Род-Белбог был мужем собственной матери, подобно Урану, супругу Геи и праотцу всех эллинских богов. При этом у славян, как и у эллинов, подобный инцест между людьми, даже совершенный по неведению, считался тяжким грехом. Зороастрийские жрецы, наоборот, освящали и даже насаждали кровосмесительные браки.

У балтийских славян Роду соответствует Святовит тот же Гельмольд называет его «богом богов», отождествляя тем самым с богом-отцом и владыкой славянских богов. Имя Святовит означало, согласно «Житию св. Бен-но» (XVI в.), «святой свет». У восточных славян «белый свет» — вселенная, земной мир (в противоположность подземному). Древнерусские проповедники порицали язычников, почитающих Свет в виде деревянного расписного «болвана». Индоевропейский Зевс-Дьяус, напомним, был богом именно светлого, дневного неба.

Главный храм Святовита находился в Арконе на Руяне, и его разрушение датчанами в 1168 г. было концом славянского язычества как официальной религии. Поздние авторы говорят о почитании этого бога также у чехов (Ян Дуб-равский), мораван (Стржедовский), лужичан (Френцель). Гамбургская легенда XIV в. сообщает о почитании славянами за Эльбой богов Святобога, Вителюба (Светлолюба?) и Радигоста. Первые два, видимо, соответствуют Свято-виту. Культ Святовита в Арконе подробно описан (со слов разрушителей святыни) Саксоном Грамматиком.

Священный город находился на морском мысу. Высокие обрывы меловых скал и мощный вал делали его почти неприступным. Большой деревянный храм был покрыт красной крышей. Посреди его, между четырьмя колоннами с занавесами между ними, стоял искусно сделанный четырехглавый идол. Левая рука его упиралась в бок, правая прижимала к груди рог. Это внутреннее капище считалось настолько священным, что подметал его сам верховный жрец и при этом задерживал дыхание[17].

При храме содержался священный белый конь. Верили, что бог по ночам сражается верхом на нем со своими врагами. В святилище хранились седло и меч бога. Конь служил также оракулом: по тому, как он переступал через поставленные определенным образом копья, жрецы определяли волю бога. По окончании жатвы справлялся праздник. Жрец по уровню вина в роге Святовита гадал о будущем урожае, а затем, отпив из этого рога, остаток выливал перед идолом. Потом, спрятавшись за огромным пирогом-караваем, спрашивал народ, видят ли его, и желал, чтобы и на следующий год не увидели. Обряд, подобный последнему, исполнял на Рождество отец семейства у поляков (со снопом) и словаков (с хлебом). Как показали раскопки, храм, квадратный в плане, был ориентирован по сторонам света.

Сходство Святовита с Родом и Збручским идолом бросается в глаза. Арконский бог — тоже владыка Вселенной (четырех сторон света) и судьбы, податель плодородия. Его цвета — красный и белый (красная кровля, белый конь, меловые скалы). Но, в отличие от мирного Рода, Святовит — бог-воин. Его ночные скачки и битвы напоминают германского Водана, от которого эти черты им, видимо, и заимствованы. У сербов есть песни о Белом Виде, семь лет воюющем с турками и черными уграми. Вспомним и хорватское предание о Боге, раненном в битве. Южнославянские вилы — крылатые воительницы — напоминают германских валькирии, в отличие от древнерусских вил — мирных птицедев. Видимо, германские религиозные влияния проникали лишь на окраины славянского мира — в то время как иранские охватывали весь этот мир.

Збручский идол — образ Вселенной, Бога-мира, ар-конский — Бога-человека, хотя и четырехликого. В церквях в Альтенкирхене и Бергене на Рюгене сохранились каменные рельефы, изображающие Святовита. Здесь бог — с рогом в руках, но уже с одним лицом. Владыка мира мог принимать облик то грандиозно-фантастический, то вполне человеческий (подобно Белуну или Богу-страннику).

Четырехликий космический бог был владыкой не только пространства, но и времени года. Арабский географ X в. ал-Масуди описывает славянский храм на горе возле морского залива. Храм будто бы был сложен из красного мрамора и зеленого изумруда. В нем стоял идол из самоцветов четырех видов —

---

[17] Зороастрийские жрецы издавна закрывали рот повязкой, дабы не осквернить дыханием священный огонь.

https://RodnoVery.ru

зеленого хризолита, красного карбункула, желтого корналина и белого хрусталя, с головой из червонного золота. Перед ним — другой идол в виде девушки.

Столь роскошных храмов и идолов не было, конечно, даже в сказочной Индии. Однако в полуфантастическом описании нетрудно узнать Арконский храм. По остроумной догадке К. Я. Эрбена, четыре цвета идола означают времена года (зеленый — весна, красный — лето, желтый — осень, белый — зима), а золотая голова — солнце. Интересно, что в X в. Святовит еще соседствовал в храме с богиней (Ладой?).

Чешский историк Бальбин (комментатор хроники Гаека) Сообщает, что в пражском Вышеграде стоял идол Святовита, разбитый и утопленный при крещении Чехии. Сохранилась, однако, его нижняя часть, возле которой женщины и дети в Жертвенное воскресенье топили гроб с чучелом. К сожалению, не ясно, хоронили ли самого Святовита или какое-то иное божество (Ладу? Ярилу?).

Арконский храм был столь авторитетен и популярен, ■по даже датский король-христианин Свен преподнес ему драгоценный кубок. А немецкие церковники объявили Святовита... католическим святым Виттом, будто бы «при-< поенным» язычниками (почитавшими своего великого бога за много веков до рождения упомянутого святого). Есть мнение, что остров Буян русских заговоров — микологический центр мира — это Руян, последний духовный центр языческого славянства.

В «Матер верборум» отождествляется с Меркурием «Ра-пност, внук Киртов». Радигост — тот же Даждьбог Сварожич. Кто же тогда этот Кирт, отец Сварога? У словенцев и хорватов *«върт (krt)»* означает «огонь», «свет». Известны словенские выражения *«Kratova dezda»* — небо, *«wsi "icmo w Krtowo»* — «все умрем», «пе *wsi w Krtowo, mar-rikteri i w Crtowo»* — «не все попадем в рай, иные и в ад». 11 и юним *Krtow* известен в Чехии. Лингвисты связывают имя Крта со словом *«кресити»* (воскрешать). А слово *«черт»,* пи их мнению, образовалось из *«Кирт».* Имя благого бога обратилось в имя его врага. Наподобие этого немцы, по-ляки, сербы, бранясь, меняют в слове «бог» *(Gott)* одну букву, получая бессмысленное вроде бы *Tott, «Бор»* и т. д.

Итак, Кирт — бог неба, огня, света, хозяин рая, праотец богов, антипод Черта. То есть все тот же Род-Белбог. Ему же, возможно, тождествен саксонский бог Кродо. По описанию Бото, этот бог изображался стоящим босиком на рыбе, с колесом в левой руке и сосудом с цветами в правой и считался виновником зимы и подателем плодов, хранящим их от морозов. Память о нем сохранилась у немцев в ругательстве *«Krodenduwel» — «черт Кродо».* А еще в Тюрингии в песне, исполняемой весной при обряде утопления чучела смерти: «Могуществу Кродена придет конец». Возможно, Кродо — это Кирт, заимствованный у славян их соседями-германцами. Рыба под его ногами, очевидно, символизирует нижний, подводный мир. Сосуд с цветами — плодородие. А колесо в руке — солнце или гром. На иллюстрации к хронике Бото это колесо имеет 6 спиц, напоминая этим «громовой знак», оберегавший от молнии русские избы. Словом, перед нам опять космический бог плодородия. А черты бога зимы и смерти у него, возможно, появились уже на немецкой почве.

Не исключено, однако, что Кирт был связан с зимой и у славян. Рождество на Руси именовалось *«Корочун», у* галичан — *Керечун, у* болгар и словенцев — *Крачун.* Это слово переняли румыны *(Кречуну)* и венгры *(Карачонь).* В то же время оно означает внезапную смерть («хватил корочун»). Б/пулы встречали Корочун: вносили и осыпали зерном сноп, ставили на стол огромный каравай. Они верили, что Корочун наказывает негостеприимных, губя их скот. Зимнее солнцестояние — не только праздник рождения бога солнца (позже — Христа), но и самый короткий день года, начало святок — дней разгула нечисти. Н то же время, как считалось, эти дни магически влияли на весь наступающий год. Не удивительно, что на Рожде-< тво почитали бога-владыку года.

В «Матер верборум» упоминаются также бог Сытиврат, отождествляемый с Сатурном, и его сын Страчек («Сорока»). «Сытиврат» объясняют как «возвращающий сытеть» (или «возяоащающий свет»). Римский Сатурн —-бог плодородия, земледелия и в то же время смерти. Его праздник отмечался 17 декабря, незадолго до зимнего солнцестояния. Сорока же у славян и балтов — нечистая птица, и которую превращаются ведьмы. Вероятно, Сытиврат бли-юк Кирту-Кродо-Корочуну, то есть Роду в его зимней ипостаси.

Из всех славянских богов многоименный Род (Бог) наиболее близок к единому Богу монотеистических религий. Однако Род — не деспот, самодержец и рабовладелец, а старейшина рода богов, порой грозный, но мудрый, добрый и справедливый к людям.

https://RodnoVery.ru

Чернобог – владыка зла

(Черт, «Сатурн», Хладолет, Ежи-бабель, Кадук, Мужичок с ноготок, Триглав, Тржи, Троян, Зюзя, Мороз, Кощей, Колодий.)

Грань между добрыми и злыми богами определяется язычниками довольно расплывчато. Добрые боги могут требовать человеческих жертв или жестоко наказывать за непочтение к себе либо за нарушение определенных норм. А духи-«боженята» зачастую не так злы, как проказливы. Чтобы поладить с ними, достаточно весьма скромных жертв. Лишь Черно-бог-Черт и подчиненные ему бесы злы по самой своей сути. Их назначение — всячески вредить людям, губить их души и тела. Тем не менее владыка тьмы, зла и смерти занимал важное место в славянской мифологической картине мира и даже имел свои храмы.

В народе Чернобога помнили еще в XIX — начале XX вв. «Чтоб тебя Черный Бог убил!» — ругались галичане и чехи. Древане и кашубы называли Чернобогом черта. Последние, как уже сказано, говорили о Чернобоге-черном коне. В Индии черным, ездящим на быке или черном коне, представляли владыку загробного мира Яму. Черного коня имел также Шива-разрушитель. Топонимы, связанные с Чернобогом, известны в Лужицкой земле, России (Порховский уезд), Буковине и Сербии.

В Восточной Германии, на бывших славянских землях, известна легенда о том, как крестьяне, доведенные до отчаяния притеснениями феодала, решили обратиться к Чер-нобогу. И бог, и те, кто его вызывал, обратились в камни.

У Масуди описан славянский храм «Сатурна», стоявший на Черной горе. В нем находился идол в виде старика, ворошившего посохом кости мертвецов. Под его ногами были изображены грачи и другие черные птицы, муравьи и черные люди («эфиопы» и «негры»). Перед нами — бог смерти, связанный со всеми тремя мирами — небесным (птицы), земным («люди») и подземным (муравьи). Черные «люди» здесь, скорее, черти. Сатурн в астрологии — планета зловещая, смертоносная. В чешских источниках XIV в. она именуется Гладолет («голодный год»?). Посох, которым бог разгребает, будто уголья, мертвые кости, заставляет вспомнить кочергу — атрибут Черта («Ни Богу свечка, ни черту кочерга»). Черная гора, возможно, одноименный массив в Карпатах. В таком случае Чернобогов храм, в отличие от Святовитова, располагался не на богатом, густонаселенном острове, а в безлюдных горах, посещавшихся лишь пастухами да разбойниками.

Видукинд Корвейский, саксонский хронист X в., сообщает о почитании ваграми (в нынешней Голштинии) медного идола «Сатурна». Не ясно, был ли то Кирт-Сыти-врат или Чернобог.

Видному русскому слависту И. И. Срезневскому лужичане показывали на горе Чернобог места, где был «ад», «чертово окно», где приносились человеческие жертвы.

Славяне не были склонны романтизировать владыку зла. В описанном выше космогоническом мифе он выглядит не величественно, а смешно: коварно, но тщетно пакостит Богу, творит неумело. Создал, например, волка, чтобы натравить его на Бога, а зверь вместо этого покусал своего творца. В сказках черт зачастую глуповат, его легко обмануть. Однако в поверьях и былинках он зол, коварен и опасен.

По народным представлениям, повелевает чертями «чертов дед» («старый дедушка», Дьявол, Сатана). Он восседает в преисподней на железном троне (иногда — прикованный цепями). Не он ли супруг «чертовой бабушки» Яги? В лужицкой сказке выступает прекрасная дочь Чер-нобога, а в чешской — Ежибабель, муж Ежибабы. Он, таким образом, тоже праотец и старейшина богов — только черных, злых. Изображали Сатану в поверьях черным великаном-оборотнем. У белорусов, по Древлянскому, повелитель чертей именуется Кадук. Он сидит в болоте и пожирает украденных чертями детей.

Черт может обогатить, излечить, выполнить трудную работу. Но он ничего не делает бескорыстно. За его «благодеяния» платят не только загробными муками, но и земными злодействами. Ведьма, например, должна была первым делом навести порчу на собственных родителей, а затем регулярно чем-нибудь вредить людям. Не удивительно, что ведьмы и колдуны считались уже не столько людьми, сколько разновидностью нечистой силы.

Следует заметить, что ад[18] — вовсе не христианское изобретение. Уже в Ригведе выступает Нарака — преисподняя, где заточены враги богов — демоны, грешники и злые колдуны. Об их мучениях говорится в Атхарваведе. На-раке соответствуют греческий Тартар и германский Хель. Хозяин преисподней (потеснивший древнюю Ягу),— видимо, общеиндоевропейский образ: индийский Яма, греческий Аид, осетинский Барастыр, германский Локи. Последний, подобно иранскому царю-дракону Ажи-дахаке (Заххаку), скован и заточен под землей до конца света. Дракон-Сатана Апокалипсиса явно срисован с Ажи-дахаки.

Черту приписывают изобретение косы, мельницы, кузнечного дела и т. д. (не говоря уже о табаке и водке). Этим он напоминает того же Локи — злого и хитрого пакостника, создающего или похищающего всевозможные культурные блага и чудесные вещи. Иногда Локи считали братом Одина.

---

[18] Слово «ад» происходит от греческого «Аид». Слово же «пекло», как и «рай»,— общеславянское, т. е. еще языческое.

https://RodnoVery.ru

Еще один образ злого подземного хозяина — сказочный Мужичок с ноготок, борода с локоток. Этот могучий карлик, подобно Яге, одного за другим избивает и связывает героев, и только самый сильный из них одолевает «мужичка» и, преследуя его, спускается в подземный мир.

В Поморье (особенно в Щецине и Волине) и Бранден-бурге (Браниборе) почитался бог Триглав. В Польше ему соответствовал трехглавый верховный бог Тржи, отец бога Живе. Трехглавые идолы, по свидетельству П. Альбина, стояли у Мейсена еще в 1586 г., и лужичане почитали их. Подобные идолы в XX в. были найдены в Хорватии (Ва-чана) и в Брестской области.

Культ Триглава подробно описан биографами Оттона Бамбергского, крестителя Поморья. Головы идола были отлиты из серебра, а глаза прикрывала золотая повязка. По словам жрецов, три головы означали власть бога над тремя мирами, а повязка — то, что он не замечает человеческих грехов. Богу был посвящен черный конь-оракул. По тому, как он переступал разложенные на земле копья, жрецы толковали волю Триглава. Казалось бы, перед нами бог Вселенной типа Рода-Святовита. Но почему конь его чер-ый, как у Чернобога? Странно выглядит терпимость бога грехам, как и его слепота, напоминающая' игру в «сле-ую бабу» (Ягу) или «слепого деда» (Чернобога?). Трех-лавость же в индоевропейской мифологии — черта злых огов и чудовищ. Таковы трехглавый Ажи-дахака, Три-ирас (враг Индры), Герион (великан, побежденный Ге-аклом), Геката, Цербер, сказочные трехглавые змеи. Таков е индийский Шива-разрушитель. С ним и его супругой Кали связано все наиболее жестокое и безнравственное в индуизме («путь левой руки»). Трехликому Шиве противостоит четырехликий Брахма, мудрец и создатель мира. Эта ~ара напоминает Ахурамазду и Ангра-майнью, Белбога-ода и Чернобога.

Злые «триглавы» хорошо известны и славянам. Бог Тро-н упоминается в древнерусских антиязыческих поучени-х. В сербских и болгарских легендах Троян — чудовищ-ый трехликий царь, тремя ртами пожиравший людей, скот рыбу. Он имел козьи уши и скрывал их от людей (по-обно Мидасу). В его царстве было 70 водоемов, полных олота и серебра. По ночам Троян ездил к любовнице, о однажды не успел вернуться до рассвета и... растаял т солнца. Этот царь явно олицетворяет ночь и луну (три лунные фазы) подобно трехликой Гекате. В южнославянском эпосе три головы имеют Черный Арапин и воевода Балачко, стерегущий королевну и двух ее служанок в городе Ледяне. В чешских же сказках трехглавый змей стережет трех королевен в ледяной или стеклянной горе (пещере). А чешский писатель XIV в. Щитный говорит о злой жене, что она «будто имеет три головы»!

У Трояна козьи уши, а головы Триглава, согласно «Матер верборум», были козлиными. Козел с его скверным нравом и запахом считался у славян творением Черта. Головы щецинского идола были из серебра, а это — металл Луны, связанный с загробным миром. По представлениям сербов, на тот свет ведет серебряный мост, а женщины там ходят в серебряной одежде. Сербская легенда говорит о поклонении серебряному богу в городе Трояне. Немецкий историк В. фон Эйхштедт сообщал, что Триглав имел три золотые головы под одной шапкой, а в руке — полумесяц. Стржедовский упоминает подземного бога эпидемий по имени Трибик. Словом, за поморянским Триглавом явно проступает злое божество ночи, луны и смерти, претендующее на власть над тремя мирами. Оно соответствует «Сатурну» Масуди, то есть Чернобогу. Не нужно, однако, считать поморян, поляков или браниборцев какими-то сатанистами. (Будь это так, их «просветители» не преминули бы сообщить о том.) Вероятно, культы Триглава и Святовита «поднимались на щит» жрецами соперничавших племенных княжений. Официально же Триглав рассматривался как ипостась Бога Богов, равная Святовиту.

Некоторые историки XVII—XVIII вв. (3. Гарцеус, П. Альбин, Э. Шедиус и др.) описывают Триглава как богиню луны под именем «Тригла». Следует учесть, что на месте его храмов ставились церкви Богоматери. Вероятно, культ Триглава потеснил культ женского божества типа Гекаты (Яги).

Кто же тогда трехликий подземный бог на Збручском идоле? Добрый Велес или злой Чернобог? Скорее второй. Он явно не рад своей участи: с трудом, согнувшись «в три погибели», держит на себе Землю. Атлант тоже держал небо в наказание за борьбу с Зевсом. В Силезии в XVI в. при земельных спорах клянущийся становился в яме на колени с куском дерна на голове. Видимо, он тем самым накликал на себя (в случае ложной клятвы) судьбу Чернобога: провалиться сквозь Мать Сыру Землю и держать ее на себе. Бог тьмы был, вероятно, также и богом зимы. Белорусский бог зимы Зюзя, описанный Древлянским,— низенький длиннобородый старик (подобный Мужичку с ноготок), в белой одежде, босой, без шапки, с железной булавой (вспомним некрасовского Мороза-воеводу). 31 декабря он трясет землю булавой, и ему приносят в жертву кутью. Это тот же Мороз (Морозко), которого восточные славяне также представляли низеньким длиннобородым старичком (либо, наоборот, могучим мужем или старцем), который бегает по полям и стуком вызывает морозы. Он же — сильный кузнец, сковывающий реки и землю.

Накануне Рождества его зовут есть кисель или кутью (вместе с волком и «нечистыми» мертвецами) и просят не губить посевы.

Мороз, казалось бы, не столь уж зол. В сказках он испытывает и награждает (подобно Яге) пришедшего в его ледяную избушку. Зюзя порой помогает людям, предупреждает о грядущих морозах. И все же некоторые данные говорят о его родстве с подземным хозяином тьмы.

Привычный нам новогодний Дед Мороз — скорее заимствованный с Запада Санта-Клаус (св. Николай, заменивший там Водана). А Снегурочка, дочь Мороза и Весны,— плод поэтической фантазии А. Н. Островского. В фольклоре же супруга Мороза — Зима или Смерть, как в белорусской песне:

https://RodnoVery.ru

Смерть с Морозом танцювала,
Танцювала и спивала,
И за море десь погнала.

Как будет показано ниже, эта Смерть — не Яга, а Мо-рана, богиня весны и смерти, славянская Персефона. Чехи и словаки весной выносили чучела Мораны и Дедки с песней: «Дедка наш, дедка, пожрал ты у нас все». Этот всепожирающий Дедка, несомненно, олицетворяет зиму, когда люди жили только летними и осенними запасами, которых могло и не хватить до нового урожая. В другой песне говорится, что из-за Дедки и умерла Морана.

Козьма Пражский упоминает чешского бога смерти и войны, называя его «зятем Цереры». Зять Деметры-Цереры — это Аид (Плутон), похититель Персефоны. В сказке (о чем речь впереди) ему соответствует Кощей Бессмертный, похититель Марьи Моревны. Этот Кощей — владыка ада *(krolpiekelny* — в польской сказке). Имя его связано с древнерусским *«кощьное»* (преисподняя), славянским *«кость»* и тюркским *«кошчи»* (раб). Его дворец, полный сокровищ, стоит на краю света на стеклянных (ледяных?) горах. Служит ему войско чертей.

Смерть Кощея запрятана в яйце, яйцо — в утке, утка в зайце, заяц — в сундуке, сундук же — под дубом на острове среди моря. Нетрудно узнать здесь остров Буян, Мировое Дерево на нем и Мировое Яйцо. Не случайно герою, чтобы добыть это яйцо, нужна помощь животных всех трех миров — земного (волк), небесного (орел) и нижнего (щука). Здесь перед нами снова подземный бог смерти с претензией на вселенское владычество (библейский Сатана — всего лишь «князь мира сего»).

На Украине существовал обычай: на Масленицу привязывать деревяшку к ноге тому, кто не торопился вступать в брак. Эта деревяшка именовалась «колодка» или «Ко-лодий». Кроме того, женщины за 5—7 дней Масленой недели успевали отметить рождение, смерть и похороны Колодия. После похорон (сожжения) его оплакивали, а затем бурно радовались. По словам самих крестьянок, Колодий был колдун, похищавший красивых женщин, покуда его не убили. Один крестьянин сказал, что это был языческий бог, изображение которого женщины и молодежь чествовали в понедельник перед Великим постом. Этот похититель женщин, умиравший с началом весны, явно сродни Дедке и Кощею.

Автор этих строк слышал на Харьковщине (в с. Шев-ченково Сахновщинского района) рассказ о женщине, в летаргическом сне побывавшей на том свете. Сначала она попала к «скупому деду», у которого «всего было много, только все черное», затем — к «щедрой женщине». Та толкнула ее с обрыва, и заснувшая пришла в себя. «Скупой дед», очевидно, Чернобог, а «щедрая женщина», воскресившая временно умершую,— Лада.

Чернобог богат (как хозяин земных недр), но богатство его никому не приносит добра. «Чорт гроши мае, а в болоті сидить»,— говорили украинцы. Он распространяет вокруг себя не плодородие (как Род или Велес), а бесплодие, смерть, холод. Оказавшись вне общины славянских богов, Чернобог и Яга создали свою антиобщину с антиморалью. Возможно, в эзотерическом учении их жрецов утверждалось, что Чернобог — законный владыка Вселенной, лишь временно заточенный светлыми богами. Но почитатели последних были уверены: с окончанием зимы как и всякая нечисть, гибнет, покидает земной мир.

https://RodnoVery.ru

Стрибог — дед ветров

(Пантелеймон, Вий, Касьян, Буняка, Соловей-Разбойник, Погода, По-хвист, Никола.)

Отношение земледельца и скотовода к ветру неоднозначно. Ветер может принести долгожданные дождевые облака или желанную прохладу, а может обернуться страшным бедствием. Бог ветра, очевидно, был уже в общеиндоевропейской мифологии (греческий Эол, индоиранские Ваю и Вата). При этом у иранцев было два Ваю — добрый и злой. Индийский Ваю — воинственный спутник Индры, отец его дружинников-марутов. Дети Ваю — обезьяний царь Хануман и богатырь Бхима — отличаются огромной силой и буйным нравом. У германцев бог ветра и бури слился с богом-колдуном типа Велеса и в образе яростного воителя Одина-Водана занял престол главы богов. Ветер, таким образом, представлялся если и не злым, то буйным, воинственным и своенравным.

У славян богом ветра был Стрибог. В «Слове о полку Игореве» «ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы». (Заметим, что индийское «Маруты» также означает «с моря веющие».) Моравское *stri* означает «ветер, приносящий непогоду».

Имя этого бога пытались объяснять как «распространяющий блага» (Р. Якобсон), индоевропейское «отец-бог» *(Pater bkagos;* М. Вей), иранское *Sri-baga* (возвышенный бог; Р. Пирхеггер). В нем пытаются видеть небесного бога-отца (то есть Рода). Однако в славянских источниках хозяин ветров вовсе не выглядит благим небесным богом. Скорее наоборот.

В «Слове...» Стрибог враждебен русскому войску. Ярославна лишь молит Ветер-ветрилу не веять стрелами на воинов ее мужа. У с. Воронино Ростовского уезда, по преданию, находилось капище Стрибога, где гадали по внутренностям жертвенных воронов. Вороны — спутники Одина, а «черные птицы» — «Сатурна» Масуди (Черно-бога). Болгары верили, что ветер обитает в пещерах и пропастях, а стерегут его там халы (драконы), одноглазая ве-штица (ведьма) или слепой старик (вспомним игру в «слепого деда» или «слепую бабу»). По сербским представлениям, ветрами повелевает Ветряной воевода (его праздник — 29 июня), св. Стефан (2 августа) либо св. Пантелеймон (27 июля); по чешским — Яга; по македонским — Илья-пророк; по украинским — сердитый старик за морями или Ветродуй, главный из пяти ветров; по русским же — Ветровый царь, Вихревой атаман, старший из четырех (семи, восьми) братьев-ветров. В восточнославянских сказках выступают Ветрова Мать и Ветров Батька.

Как видим, хозяева ветров у славян — либо Громовник и близкие к нему персонажи[19], либо зловещие фигуры типа Чернобога и Яги. Но самое интересное поверье записано П. П. Чубинским на Западной Украине (в Грубешевском уезде). Согласно ему, ветрами повелевает некий «барин», сидящий под землей и держащий ее на себе. Тут уже впору припомнить подземного бога на Збручском идоле. А еще — гоголевского Вия, казалось бы, совсем не связанного с ветром.

Вий не вымышлен Н. В. Гоголем, хотя образ этот сохранился для науки только благодаря великому писателю (очень точно передававшему этнографический материал). В его повести Вий — подземный карлик (в черновике — великан) с огромными веками. Он почти слеп (не может открыть глаз без посторонней помощи), но взгляд его всевидящ и смертелен. Следует заметить, что обитатели потустороннего мира обычно невидимы для людей, и наоборот. Яга не видит пришедшего к ней героя, лишь чует его «русский дух». И только Вий, этот шаман мира нечисти, видит Хому, даже огражденного магическим кругом.

Видный иранист В. И. Абаев сопоставил Вия с иранским Ваю и осетинскими вайюгами. Ваю (особенно в злой ипостаси) — бог не только ветра, но и смерти, неодолимый и безжалостный. А вайюги — одноглазые великаны, стражи подземного царства мертвых. В зороастрийском рива-яте (послании) и у персидского поэта XI в. Асади-Туси богатырь Гаршасп (Кере-саспа) загоняет под землю злого дэва ветров, который с тех пор держит на себе небо и землю. Кере-саспа подобен индоевропейскому громовнику: грубоватый и буйный воитель, истребляющий палицей драконов и других чудовищ.

Славяне тоже делили ветры на добрые и злые. Считали, что в первых летают души праведных людей, а во вторых (особенно в вихре) — нечистая сила, в том числе змеи-халы. Белорусское заклинание призывает на вихрь молнию. То есть и славяне, и иранцы сближали ветер с чудовищем — врагом Громовника.

Огромными веками и губительным взглядом отличаются у славян также св. Касьян и Шелудивый Буняка. Касьян Немилостивый (29 февраля) скорее напоминает злого демона. От него, чей день отмечается лишь раз в четыре года, крестьяне ждали только несчастий. Верили, что взгляд его губит все живое и даже уничтожает города, что он обитает в пещере, лишенной света, или погребен живьем, что его, скованного, избивают ангелы или черти. Касьяна считали также привратником ада, выпускающим оттуда 12 злых ветров, разносящих эпидемии.

Половецкий хан Боняк, погулявший со своей ордой на нынешней Западной Украине, превратился в местных легендах в настоящее чудовище — великана, людоеда и колдуна Шелудивого Буняку. Стоит ему поднять громадные веки — и он видит все на 100 миль вокруг, а от его взгляда проваливается целый город,

---

[19] Св. Пантелеймон на Украине зовется Поликопа. Его праздник, как и день Ильи (20 июля), приходится на время, когда молния или раздутый ветром пожар могут сгубить уже выращенный урожай.

https://RodnoVery.ru

уходят под землю царевна, королевич с войском и дворец с сокровищами. Убившим Буняку пришлось долго преследовать его отсеченную голову. Иногда он представляется ожившим мертвецом.

Подобный персонаж есть и в ирландской мифологии: Балор, вождь одноглазых демонов-фоморов, взгляд которого сжигает все.

Индолог Г. М. Бонгард-Левин и иранист Э. А. Гран-товский в своей замечательной книге «От Скифии до Индии» сумели восстановить общеарийский (индоиранский) миф о Крайнем Севере, сохранившийся, в частности, у скифов (в передаче греческих авторов). Согласно этому мифу, далеко на севере лежат неприступные высокие горы.

Путь туда стерегут чудовища — одноглазые аримаспы (подобные вайюгам), грифоны. В пещере среди гор обитает северный ветер (Борей). И лишь могучий герой или великий шаман может, преодолев горы, попасть в блаженную страну (Гиперборея, Швета-двипа — Белый остров). Страна эта, однако, имеет черты загробного рая, порой отождествляется со Сваргой — раем Индры.

У зороастрийцев, как и у славян, север — злая, смертоносная сторона. С севера, в частности, приходит Ангра-майнью. Помнили славяне и о гнезде бога ветра в северных горах: русские называли северный ветер «горичем». Однако же главная грань Збручского идола была обращена на север.

Сродни Вию-Ваю и былинный Соловей-Разбойник. Подобно Ваю, он загораживает путь и губит всех, пытающихся пройти. Соловей восседает на трех дубах (Мировом Дереве) и издает звериный рев, змеиное шипение, птичий свист, то есть звуки представителей всех трех миров. Перед нами снова злой бог, претендующий на роль владыки Вселенной. И одолевает его (выбив стрелой глаз) не кто иной, как Илья Муромец — воплощение Громовника (его даже прямо отождествляли с Ильей-пророком). Интересно, что у Соловья, как и у греческого бога ветров Эола, все сыновья женятся на собственных сестрах.

Так что Стрибог (Вий, Соловей и др.) — тот же Чернобог? Не совсем так. Все же его почитали в главном святилище Киева, рядом с Перуном и Даждьбогом, а не на Лысой горе. Вероятно, смертоносный Вий был особой, злой ипостасью Стрибога. Благой же Стрибог представлялся грозным соратником Перуна. Об этом могут говорить сербские песни, где Илья-громовник, Огненная Мария (его супруга-громовница — см. ниже) и хозяин ветров Пантелей вместе карают грешников.

Представление о двух богах ветра сохранили и польские историки XV—XVI вв. Длугош и его последователи упоминают Погоду — бога хорошей погоды или благоприятного ветра. В польском и чешском языках слово «погода» означает благоприятное для нив время, а в русских областных говорах — наоборот, ненастье. В то же время Кромер, Вельский, Стрыйковский говорят о боге непогоды и сильного ветра Похвисте; «Синопсис» и Густынская летопись называют его Позвиздом (польск. *chwistac, gwiz-dac* — «свистеть»). Позвиздом звался один из сыновей Владимира Святого, а в уже упомянутой украинской песне русы молятся богу Посвистачу о благоприятном ветре на море, и бог этот «гуляет» с Мокошью. Следовательно, даже бог буйного ветра и ненастья не считался однозначно злым.

Стрибог и Посвистач связаны с морем. В христианские времена покровителем рыбаков и мореходов стал Никола. 15 былине он помогает Садко обуздать разгулявшегося Морского Царя. Поморы верили, что можно вызвать ветер на море, дразня лысого деда (на иконах св. Николай изображается лысым).

Бог ветров стоит как бы на грани двух общин славянских богов, почти сливаясь то с Перуном, то с его врагами и Чернобогом. Нам неизвестна родословная Стрибога. Быть может, он не был потомком Матери Лады, а существовал извечно, носясь над изначальным морем, как библейский Дух Божий. Грозного и своенравного, его не любили, но почитали, поскольку видели от ветра не только зло.

https://RodnoVery.ru

Сварог — небесный кузнец

(Кузъма-Делмъян, Соломон, Никола, Минула.)

Хитрый древнерусский книжник сохранил для нас (как уже говорилось) в летописной статье 1114 г. языческий миф о богах Свароге и его сыне Даждьбоге-Солнце. В этом мифе Сварог правит на земле как царь. Или, скорее, вождь-старейшина (платить царям дань стали только при его сыне). Люди тогда не знали ни брака (моногамного), ни металла, сражались камнями и палицами. Но при Свароге с неба упали клещи, и люди стали ковать оружие. Царь-бог учредил моногамный брак и строго карал за супружескую измену.

Имя Сварога — индоиранское, родственное санскр. *Svar* — «сиять», «небо», *Svarga* — «рай Индры». Славяне заимствовали его у скифов или древних ариев (не разделившихся еще индоиранцев). Сыном Сварога — Сварожичем — в антиязыческих поучениях называют также Огонь.

Бог-кузнец, помощник Громовника,— общеиндоевропейский персонаж: греческий Гефест (кующий молнии Зевсу), индийские Тваштар (сковавший Индре громовую па-лицу-ваджру) и Вишвакарман (сделавший небо, как кузнец или плотник), балтский Телявель (выковавший солнце).

У восточных славян этого древнего бога позднее заменил святой Кузьма-Демьян. Святые Косма и Дамиан, лекари и бессребреники, обратились на Руси в одного персонажа. При этом не только первого кузнеца, но и первого пахаря и вообще первого человека. В свадебных песнях и заклятиях он также покровитель брака, «сковывающий» свадьбу.

На Украине распространено сказание о борьбе Кузьмы-Демьяна[20] со змеем. Святой кузнец ковал первый плуг, когда к кузнице прилетел, гонясь за очередной жертвой, змей-людоед. Иногда жертва эта — богатырь, победивший одного или трех змеев, а преследует его их мать, ведьма-змеица. Глуповатое чудовище пролизало железную дверь кузницы, надеясь, что беглеца ему посадят прямо на язык.

Тут-то Кузьма-Демьян ухватил змея за язык клещами, запряг в плуг и пропахал огромную борозду. Ее отождествляют то с Днепром, то со Змиевыми валами[21], защищавшими земледельческую лесостепь от кочевников. Добравшись до моря или Днепра, измученный змей пил воду, пока не лопнул.

В болгарской песне выступает Дривин — «юнак над юнаками» (то есть главный из богатырей), сошедший с неба и научивший людей пахать плугом. На золотом наконечнике пояса, найденном в великоморавском городище Микульчице (VIII—IX вв.), изображен бог с кузнечным молотом и рогом в руках. Очевидно, это Сварог.

Сварог (Кузьма-Демьян) — не только культурный герой, но и космическое божество: отец Солнца и Огня, бог неба и годового круга. В «Матер верборум» *svor* — «зодиак». В кузнице Кузьмы-Демьяна 12 дверей, 12 молотобойцев; раскинулась она на 12 верст и т. д. (по числу месяцев).

Этот грандиозный образ всемогущего кузнеца и пахаря, поборника патриархального брака возник в энеолите и бронзовом веке. Клещи Сварога — главное орудие в металлургии меди и бронзы. Именно бронзолитейщики снабжали металлическим оружием индоевропейских и индоиранских воителей. Тогда же плуг, запряженный быками, которым нахал мужчина, вытеснил женское мотыжное земледелие.

Но общеиндоевропейский бог-кузнец, видимо, не был к тому же первочеловеком, первоцарем и первым пахарем. Это уже — черты иранской мифологии. В легендарной истории Ирана Хушенг (авест. Хаошьянгза) — первочеловек, первый царь, изобретатель земледелия, скотоводства и кузнечного дела, принесший огонь людям, борец с дэвами и драконами, отец солнечного царя Джамшида (Иимы).

У таджиков борозду через весь мир проводит Бобо-Дехкон («дед-земледелец») — первочеловек, первый пахарь, воплощение верховного бога Мухаммада-Али. Осетинский Курдалагон — небесный кузнец и создатель плуга.

Но наиболее интересные параллели мифу о Свароге и Даждьбоге имеются у скифов. Миф об их происхождении любознательные греки и римляне неоднократно записывали (в том числе Геродот — дважды), охотно отождествляя скифских богов и героев с античными. На основании пяти таких записей («скифской»[22] и «эллинской» версий Геродота, Валерия Флакка, Диодора Сицилийского и греческой надписи из Италии) скифолог Д. С. Раевский восстановил скифский миф в следующем виде.

От брака бога неба Зевса-Папая и змеедевы Апи родился первочеловек (Таргитай в «скифской» версии, Геракл — в «эллинской» и в надписи, Скиф — у Диодора). Он победил чудовище (трехглавого Гериона, Аракса) и вступил в брак с собственной матерью. У них родились три (или два) сына. Младший из них (сколотский Колаксай, Колакс у Флакка, Скиф — в «эллинской» версии и надписи) победил братьев в состязании, получил от отца священные предметы и стал родоначальником и первым царем скифов, но погиб от руки братьев.

---

[20] В текстах «святых кузнецов» то двое, то один. Иногда они именуются Борисом и Глебом.

[21] Археологи спорят, были ли эти валы насыпаны в древнерусское время или гораздо раньше.

[22] Носители первой версии, по Геродоту, сами себя называли сколотами. Д. С. Раевский считает сколотов скифами (степными, ираноязычными), Б. А. Рыбаков — лесостепными праславянами (скифами-пахарями). Так или иначе, сколоты, хотя бы частично ираноязычные, были в числе физических и духовных предков восточных славян.

https://RodnoVery.ru

И в «скифской», и в «эллинской» версиях первочеловек испытывает своих троих сыновей. Однако сколотский Таргитай — автохтон, «Геракл» же второй версии — бродящий лучник и угонщик скота, случайно попавший в пещеру змееногой богини. Дары — пояс, лук и чашу — он сам оставляет сыновьям (Агафирсу, Гелону и Скифу) и уходит дальше. Выросшие дети должны суметь натянуть лук отца и опоясаться его поясом с привешенной чашей. Это удается только Скифу.

Сыновья же Таргитая Липоксай («Гора-царь»), Арпоксай («Глубь-царь») и Колаксай («Солнце-царь») должны завладеть упавшими с неба золотыми дарами — плугом с ярмом, секирой и чашей. Но золото это — огненное, солнечное. Недостойный царствовать не может его даже коснуться: оно тут же вспыхивает огнем. Лишь Колаксай берет дары беспрепятственно.

Некоторые детали сколотского мифа (падение чудесных даров с неба, золотой плуг[23]) напоминают мифы о Свароге и Кузьме-Демьяне. Поэтому Б. А. Рыбаков считает сколотое праславянами, а Таргитая и Колаксая — Сварогом и Даждьбогом. «Эллинская» же версия принадлежит собственно скифам — кочевым степнякам. За скифской маской, таким образом, прячутся славяне, а за эллинской — скифы. «Замаскировал» их, однако, не Отец истории, а его информаторы — соответственно, скифы и греки. Создатели и пересказчики мифов легко отождествляют своих богов и героев с чужими. (Даже христиане придавали Христу черты Митры, Гермеса или Гора, Богоматери-Изиды и т. п.)

Но славянство носителей мифа вовсе не исключает его иранских корней. Не случайно все имена в «скифской» версии (включая само слово «сколоты») — иранские. Восточные, лесостепные праславяне были органической частью Скифской державы в качестве племени скифов-пахарей. Особенно сильно иранизирована была их знать — гордые воины-всадники, вооруженные по-скифски и разукрашивавшие свое оружие и сбрую изображениями в скифском «зверином стиле». Вероятно, скифы-пахари были двуязычным, полуиранским народом. Скорее всего, тогда славяне и усвоили отмеченные выше иранские религиозные верования и термины. Перенимали при этом зачастую как раз то, что иранцы-кочевники (скифы царские) высокомерно отвергали. Например, элементы учения Заратуштры.

Образ первочеловека-царя, пахаря и небесного кузнеца, как уже сказано, общеиранский. Иранское и представление об Огне и Солнце как сыновьях неба (Сварожичах). В Авесте Митра (бог солнца) и Атар (огонь) — дети Ахурамазды. Совпадает у иранцев и славян и трехчленная родословная: верховный бог неба (Папай, Род-Кирт) — первочеловек (Таргитай, Сварог) — солнечный царь (Ко-лаксай, Даждьбог-Радигост).

Сведения Прокоша-Диаментовского о Живе-кукушке, как уже сказано, скорее относятся к богине Живе. Но другие его сообщения о боге Живе, а также о богине Ные весьма напоминают скифо-славянский миф о «Геракле»-Тар-гитае-Свароге. Идол Живе в Кракове, по Прокошу, был вылит из золотистой бронзы и изображал мужа в львиной шкуре, с дубиной в руке, с быком и поросенком у ног. Нетрудно узнать в нем античную статую Геракла, которая могла попасть по Янтарному пути в Краков (древний Карродун).

Ныя у Прокоша — польская королева, которую Геркулес Ливийский, внук Озириса, спас «от ига собственных подданных». У них родились три сына, старший из которых звался Скиф. Этот «Геркулес», вероятно, тождествен Живе, сыну верховного бога Тржи. Озириса же древнерусские книжники сопоставляли с Родом. А борьба «Геркулеса» с «подданными» Ныи напоминает сохраненный Стра-боном боспорский миф о Геракле, перебившем гигантов, которые покушались на честь пещерной богини Афродиты Апатуры. Миф этот в основе, видимо, скифский, а богиня — та же Апи-змеедева. Ей соответствует подземная Ныя

|(то есть Лада). Трехступенчатая родословная: Озирис-Геркулес-Скиф, Папай-Таргитай-Колаксай. В славянской же трехступенчатой генеалогии «Озирис» и «Геркулес» (Тржи и Живе) соответствуют Кирту (Роду) и Сварогу. Тогда «Скиф» — это Даждьбог-Колаксай. Считался ли Сварог, подобно Таргитаю, мужем собственной матери-Земли? Видимо, да. В гуцульской легенде царь Соломон участвует в пахоте золотым плугом и едва не совершает инцест со своей матерью. В белорусской же легенде Кузьму-Демьяна заменяет кузнец Соломон с 12 учениками. Под именем библейского царя-мудреца, вероятно, скрывается Сварог. В таком случае, Лада дважды вступала в кровосмесительный брак — с сыном (Родом) и сыном-внуком (Сварогом). Но, как увидим, породила от них могучих светлых богов и богинь. Древние, изжитые людьми формы брака становились достоянием богов и пер-вопредков. Инцест же между людьми славяне, подобно эллинам, считали тяжким грехом.

Никола-Угодник, как уже отмечалось, отчасти заменил Велеса и Стрибога. Перенял он, видимо, и некоторые важные черты Сварога. Русские, украинцы, поляки, болгары верили, что после смерти Бога его заменит Никола. Последний, в частности, покровительствует земледелию и свадьбам (подобно Сварогу и Кузьме-Демьяну). А былинный Ми-кула Селянинович пашет золотым плугом и забрасывает его на небо. Недаром род Микулы «Мать Сыра Земля любит». И не могут превзойти могучего пахаря даже самые силь-ные богатыри-воины.

Для христианского богослова назвать Адама или св. Николая богом, сыном или наследником Бога — ересь и богохульство: человек — раб и тварь Божья, ничтожное и греховное создание. Для язычников же Человек — часть природы, и потому — тоже бог. От Неба и Земли, верхнего и нижнего миров, родился Человек. Ему для труда и подвигов предназначен средний, земной, материальный мир,» («Таргитай» —

---

[23] В легендах о Кузьме-Демьяне плуг не назван золотым, но его куют в золотой кузнице, золотыми молотами и т. д.

https://RodnoVery.ru

«владеющий земным, телесным миром»). Мир этот — не зло и не «юдоль страданий», но поле битвы Правды и Кривды. А небесный, духовный мир — для богов; человек может познать его, но не жить в нем, оставаясь живым. Таков сокровенный смысл скифского мифа. I

«Геракл» степных скифов — бродячий воин и борец с чудовищами вроде греческого Геракла, сакского Рустама (предания о нем принесены в Иран саками — степными скифами), русского Ильи Муромца. Близок он и к иранскому Траэтаоне-Феридуну, победителю Ажи-дахаки и отцу трех сыновей. Рустам также имеет трех сыновей и побеждает дракона. Геракл носит шкуру льва, Рустам — одежду из шкуры барса или тигра. Этот образ богочеловека, великого воина и охотника, вечного бродяги, видимо, сложился еще у охотников мезолита (когда распространилась индивидуальная охота с луком и стрелами). Сварог, Таргитай, Хушенг, Бобо-дехкон, однако, не «бродяги» и вообще в первую очередь культурные герои, а не воины. Кузьма-Демьян даже змея побеждает, ухватив его клещами и запрягши в плуг.

Образ Сварога — настоящий гимн труду человека-мужчины. Он не воин, не колдун, а труженик, могучий и искусный, но мирный. При всех своих небесных и космических чертах он не тождествен Роду. В семье славянских богов Сварог — не старейшина, а кузнец и пахарь. Его не боялись, а уважали.

https://RodnoVery.ru

Перун — грозный князь богов

(Иеша, «Юпитер», «Хаммон», Черноглаз, Илья-пророк, Илья Муромец, Михаил, Михаиле Потык, Добрыня.)

Со школьной скамьи у нас знают Перуна как верховного бога славян. Да, он был главным богом — для князей и знати Киевской Руси X в. Идол его стоял на холме напротив княжеского дворца, его именем клялись, заключая договоры с греками. Но в народе выше Перуна ставили Рода — не только крестьяне, но и ученые волхвы в Богите над Збручем. Бог воинов возвышался по мере того, как поднималось над обществом само их сословие.

Имя Перуна восходит к общеиндоевропейскому имени Громовника *Per(kw)unos.* Это имя сохранили также индийский Парджанья, хеттский Пирва (бог-всадник), балтекий Перкунас, германская Фьоргин (мать Тора). Ему соответствуют германский Тор-Донар, греческий Зевс, римский Юпитер, кельтский Тараннис, индийский Индра, иранский Веретрагна.

То был бог воинственный, буйный и своенравный. Он мчался на колеснице по небу и оттуда метал стрелы в демонов и чудовищ, бил их палицей или каменным топором-молотом. Главным его врагом был Змей, похищавший скот и мешавший дождю. Птицей Громовника был орел, деревом — дуб (в который часто бьет молния из-за его уходящих глубоко в землю корней). Примерным поведением великий воитель не отличался: был склонен к любовным похождениям и хмельному питью. Но именно таковы были почитавшие его военные вожди и их дружинники периода энеолита и бронзового века, погребенные в степных курганах с топорами и кинжалами из камня, меди или бронзы, с кремневыми стрелами в истлевших колчанах.

За власть над обществом древних индоевропейцев боролись сословия жрецов-правителей (шаманов и старейшин) и воинов. Боролись и их боги. Индра оттеснил древнего Дьяуса, став царем богов. В Греции Громовник вообще слился с богом неба, присвоив его имя (Зевс) и функции. У германцев их обоих отодвинул на второй план бог-шаман, слившийся с богом ветра (Один).

У славян имя Перуна понималось как «бьющий» или «очищающий», «моющий». «Сбей тебя Перун!», «Кобцябе Пярун треснув!», «Parom te zabiv!» — бранились, соответственно, псковичи, белорусы и словаки. Белорусское *«пярун»,* польское *piorun,* словацкое *perom* и поныне означает молнию, гром. Пожар от молнии не гасили, считая его божьей милостью или, наоборот, карой, которую грех отвращать. Грозный бог также мог покарать болезнью, припадком: «Схвати тебя Перуном!» — ругались в Ржевском уезде.

Идол Перуна в Киеве имел серебряную голову и золотые усы. Очевидно, бога представляли седым, но злато-усым. Белорусы (по Древлянскому) описывали Перуна несколько иначе: зрелым мужем с черными волосами и золотой бородой, с луком и колчаном. Он летает на огненной колеснице либо на жернове (жернов Индры упоминают Ригведа и Атхарваведа).

Перуна, как уже сказано, изображает бородатый идол с мечом из Иванковцев (IV—VI вв.), а также всадник с мечом на Збручском идоле. С Перуном связывают также фигурку IX в. из Старой Ладоги, вырезанную из красного дерева (тиса): бородатый старик в шлеме, со змеевидным телом, перехваченным широким поясом, ниже которого идет штриховка (символы тучи и дождя).

Немецкий путешественник XVI в. И. Вундерер видел у Пскова двух каменных идолов: одного с крестом в руке, другого — с мечом и молнией в руках, попирающего змея. Этот второй, очевидно, Перун. (Сам Вундерер окрестил идолов «Усладом» и «Хорсом» — именами, взятыми у Герберштейна[24].)

Археологи прозвали «перунчиками» распространенные в Новгородской земле в XII в. амулеты — фигурки бородатого воина в кольчуге и шлеме. Вместе с новгородскими купцами и сборщиками дани «перунчики» попадали далеко на восток, до Перми и острова Вайгач, где их находили в ненецких святилищах.

Перун воинствен. Славяне называли «громовыми», «Пе-руновыми» древние каменные топоры и стрелы, а также белемниты («чертовы пальцы»). Верили, что это и есть оружие, которое Громовник мечет с небес в нечистую силу. При этом он нещадно разит и крушит все, за чем прячутся бесы — камни, дубы, скот, людей. Человека же, помогающего ему в этой охоте, награждает. Согласно гуцульскому преданию, народный мститель Олекса Довбуш застрелил черта, прятавшегося от Бога за скалой, за что Бог сделал ружье Довбуша не знающим промаха. В белорусских поверьях, по Древлянскому, Перуна сопровождает дружина гарцуков — грозовых духов. Они летают в виде всадников или хищных птиц, вызывая ветер и бурю, и носят самого Перуна на жернове. Эти духи подобны индийским марутам.

Еще одно оружие Громовника — палица (у Индры, Геракла, Кересаспы и т. д.). По преданию, низвергнутый при крещении Новгорода идол Перуна бросил свою палицу на мост со словами: «Тешьтеся, люди новгородские, а меня поминайте!». С тех пор в определенные дни горожане устраивали здесь ритуальные побоища, используя палицы с оловянными наконечниками, хранившиеся до XVII в. в церквах. Когда же в городе одновременно собирались два веча, они выясняли отношения между собой всеобщей дракой на мосту.

---

[24] Австрийский дипломат XVI в. С. Герберштейн принял слова «а ус злат» в летописном тексте о Перуне за имя бога «Услада».

https://RodnoVery.ru

Громовержец карает, порой жестоко, не только чертей, но и грешных людей. В словацкой песне женщина, работая в поле, подтерла ребенка колосьями. Паром (Перун), не стерпев такого надругательства над хлебом, поразил ее громом, и она окаменела вместе с ребенком.

Грозного бога умилостивляли человеческими жертвами. 12 июля, за 8 дней до его праздника, по жребию отбирали для жертвоприношения отрока и девушку. В 983 г. в Киеве такой жребий пал на Иоанна, сына богатого варяга-христианина Федора. Отец отказался выдать сына, еще и принялся поносить языческих богов, тогда толпа расправилась с обоими. По представлению язычников, прогневивший громовержца накликал его месть на всю общину. Еще не так давно на мужика, посмевшего работать в поле 20 июля, набрасывались всем селом, отбирали и пропивали сбрую.

Византийский историк Лев Диакон описал страшный обряд, совершенный русами, осажденными в Доростоле на Дунае 20 июля 971 г. Ночью, как только взошла луна, воины Святослава утопили в Дунае петухов и младенцев, а затем стали сжигать своих убитых. Очевидно, Перун был связан, подобно Велесу, также с луной, ночью, смертью.

В XIX в. жители одного русского села в Бессарабии, доведенные до отчаяния засухой, хотели принести человеческую жертву: утопить первого попавшегося прохожего. Для вызова дождя существовали и менее жестокие обряды. В Болгарии еще в XVIII в. водили по селу и обливали водой парня, закутанного в листву, и величали его «краль Перун». Позднее водили и обливали додолу (пеперуду) — наряженную подобным же образом девушку.

20 июля также приносили в жертву и поедали всей общиной быка. По северно-русскому преданию, некогда в этот день жертвой служил олень или одна из двух ланей, добровольно приходивших из лесу. Это предание и обряд явно восходят к глубокой древности, когда мезолитические охотники на оленя почитали двух богинь-олених.

Топонимы, связанные с Перуном, известны по всему славянскому миру. Особенно характерны названия гор (у болгар, словенцев и др.), дубрав (у хорватов), дубов (еще В галицкой грамоте 1302 г.). Ведь молния чаще всего бьет именно в дубы и вершины гор. На нижней Десне дважды — в 1909 и 1975 гг. — поднимали со дна стволы священных дубов со вбитыми в них челюстями вепрей. В X в. византийский император Константин Багрянородный описал, как русы, пройдя днепровские пороги, приносили петухов в жертву перед вековым дубом на острове Хортица.

В Перыни у истоков Волхова раскопано святилище Перуна IX—X вв. Идол стоял на холме, на площадке, опоясанной круглым рвом с 8 выступами, в которых горели костры. (О неугасимом огне перед идолом Перуна и самоцвете, пылавшем, словно молния, в его руке, вспоминал Стрыйковский.) Этот ров напоминал цветок с лепестками, вроде цветка Iris germanica, который болгары и сербы называют перуникой.

Но подобный круглый ров с восемью углублениями — жертвенными ямами — ограждал Збручского идола. Ров в Перыни ориентирован строго по странам света. Следовательно, он символизирует не столько священный цветок, сколько власть Перуна над миром, подобную власти Рода. Слово «Перун» стало синонимом неба. «Колико есть небес? Перун есть мног»,— утверждалось в одном древнерусском сочинении XV в. Литовцы также считали, что Перкунасов много — 5,7 или 9.

Таким образом, младший громовник начал вытеснять старшего в роли владыки Вселенной. Возможно, даже существовал миф об их борьбе. Чеченцы верили в бога-громовника, Пиръона, создателя и повелителя неба и земли, строгого, но справедливого. Он уважал хлеб и стариков, любил детей. Но стал враждовать с Богом и был погублен шайтаном, женщиной или ведьмой. По мнению Л. С. Клейна, Пиръон — это славянский Перун, заимствованный вайна-хами у соседей-русов, селившихся на Тереке по крайней мере с XII в.

Полабские древане называли четверг *periindan* — днем Перуна. В астрологической системе, идущей из Месопотамии, четверг — день верховного бога-громовника (Мардука, Юпитера, Донара-Тора, Ормазда). Чехи в XIV в. именовали планету Юпитер — «Краломоц» («царская мощь»). Древнерусские книжники называли Перуном греческого Зевса. «Матер верборум» также отождествляет Перуна с Юпитером, а Козьма Пражский говорит о почитании чехами как верховного бога «Юпитера»,— очевидно, Перуна.

Перун был богом не только войны, но и магии — клятв и прорицаний. Его именем клялись при заключении договоров и предсказывали будущее. В греческих «Чудесах св. Димитрия Солунского» славянский князь VII в. перед походом на греков обращается к «оракулу Пырину». Под Ромнами находится городище VIII— IX вв. Монастырище. По преданию, здесь до начала XVIII в. стоял каменный идол Перуна, к которому жившие в лесу колдуны и ведьмы ходили за прорицаниями; 20 июля возле него справлялись игрища.

Перун напоминает не только Индру-громовника, но и Варуну — сурового и мрачного бога воды и магии, покровителя клятв и карателя грешников, связанного с воинским сословием. В качестве царя богов он предшествовал Индре. В древнерусских списках богов Перун соседствует с Даждьбогом-Хорсом, как ведический Варуна — с солнечным Митрой. Жуткая тризна воинов Святослава, совершавшаяся ночью, у воды, при свете луны, напоминает опять-таки Варуну, связанного с ночью, луной, водой. Хотя главным соответствием Варуне у славян был Волос, которым клялись вместе с Перуном.

Согласно легенде об основании Гамбурга, записанной в XIV в., местные славяне-язычники почитали бога Хам-мона, или Святобога. На иллюстрации к хронике Бото этот бог, немолодой, бородатый и

https://RodnoVery.ru

усатый, в короне, восседает на троне с мечом и скипетром в руках, попирая ногами змея. Спинка трона украшена изображениями молний и туч, на ней сидит орел.

Здесь нетрудно узнать общеиндоевропейского громов-ника-змееборца. Орел (сокол) — птица Зевса, Юпитера, Индры, Веретрагны[25]. В русских заговорах орел мечет громовые стрелы и топоры. Меч, как мы увидим далее, был атрибутом славянского громовника, но не греко-римского или германского. Так что эта деталь явно не придумана позднесредневековым художником. «Хаммоном» в античном мире называли египетского Амона-Ра и отождествляли его с Зевсом. На египетского бога солнца гамбургский бог, впрочем, мало похож. Возможно, древние германцы отождествляли своего Донара с римским Юпитером-Амоном. Затем пришедшие с востока славяне, в свою очередь, увидели в боге эльбских германцев своего Перуна или Свято-вита (Святобог в легенде упоминается вместе с Вителюбом и Радигостом).

Похоже, германцы-язычники умели ладить со славянами даже в религиозной сфере, покуда «просветители» не объяснили им, что славяне-язычники — низший и богопротивный народ, истреблять и порабощать который — дело праведное.

Главный враг индоевропейского Громовника — Змей. В основе этого персонажа — древний хозяин нижнего, подземно-подводного мира, чей образ сложился еще у рыболовов мезолита. Этот зверобог сочетал черты змеи, ящерицы, крокодила, быть может, еще каких-то пресмыкающихся, о самом существовании которых ученые до сих пор спорят. Криптозоологи, например, предполагают, что в болотах Новгородской и Псковской земель обитали или даже обитают существа типа крокодилов или варанов. По крайней мере, псковская летопись под 1582 г. вполне серьезно и буднично сообщает о нашествии «крокодилов».

Бог-ящер был хозяином не только земных вод, но и дождя. Что тучи образуются из влаги, испаряющейся из водоемов, люди поняли давно, а водяной смерч и подавно напоминал им дракона, рвущегося в небо. Дракону-ящеру придавали крылья птицы или нетопыря — и тем самым превращали его во владыку всех трех миров. Обычной жертвой хозяину водных глубин служила девушка-«невеста».

В Китае и поныне почитают драконов как хозяев рек и дождя. Но у индоевропейцев и семитов вожди и дружинники — приверженцы молодого Громовника — объявили войну древнему богу. За многочисленными мифами и сказаниями о змееборцах стоят вполне реальные набеги воителей на капища Змея. При этом воин мог и убить священное пресмыкающееся и освободить его «невесту». Побеждал он не столько большую старую змею или ящера, сколько тысячелетний страх перед богом-чудовищем. В сознании же пораженных общинников такой налет превращался в грандиозную космическую схватку Громовержца со Змеем Глубин.

Тем удивительнее то, что у славян нередко сам Перун выступал в облике змея-дракона. По Длугошу, верховным богом поляков, подобным Юпитеру, был Иеша. Имя это Б. А. Рыбаков сближает с польск. *jaze* — «змея», рус. «ящер». Русская детская игра сопровождалась песней о ящере, сидящем в ореховом кусте, грызущем золотые орехи и выбирающем себе невесту. Иешу поминали в троицких песнях вместе с Аадой, Лелей и Ныей, явно не считая его злым божеством. Силезский историк Мартин Ганка сообщал о том, что Иеша почитался на горе Соботке как податель плодов. Бог-громовник и здесь потеснил Ладу с ее дочерью.

В поздней новгородской летописи XVII в. сохранилась легенда, отождествляющая Перуна с князем-колдуном Волховом. Он якобы создал «волховной городок» в Пе-рыни, а сам в облике «крокодила» плавал в Волхове и топил всех непокорных. В конце концов бесы удавили его в воде. Когда люди стали хоронить «мерзкое тело крокодилово», оно провалилось в преисподнюю. В XIX в. похожую легенду записал в тех местах П. Якушкин. Согласно ей, «зверь-змеяка Перун» жил в Перыни, а ночами ходил в Ильмень спать с «волховской коровницей».

Легенда о Перуне-змее известна и в Днепровском Над-порожье. Здесь они связаны со скалистым островом Перун (затонувшим после сооружения Днепрогэса). В этот остров будто бы превратился идол Перуна Киевского, брошенный в Днепр при крещении Руси. Или же идол, оборотившись семиглавым змеем, поселился в пещере на острове, похищал девушек, жил с ними, а потом съедал. Некий богатырь убил его и освободил похищенную царевну.

Здесь Громовержец совершенно слился со своим извечным врагом. То же произошло и в былине «Добрыня и Змей». Ее герой убивает Змея, освобождает Забаву Пу-тятичну, после чего идет дождь. Все, как и положено в мифе о Громовнике-змееборце. Только сам герой — не кто иной, как Добрыня Малкович, дядя и наставник Владимира, сначала насаждавший, а затем искоренявший культ Перуна в Киеве и Новгороде. Забава же, вероятно, дочь боярина Путяты, вместе с Добрыней крестившего Новгород «огнем и мечом».

Грозного и сурового Громовника в народе боялись, но не любили. Поэтому превращение Перуна в официального главу пантеона популярности ему не прибавило, а падение его кровавого культа многие восприняли с удовлетворением и даже злорадством. Новгородская летопись рассказывает о гончаре из пригородного села, который оттолкнул от берега поверженного идола Перуна со словами: «Ты, Перунище, досыта пил и ел, а ныне плыви прочь».

---

[25] У иранцев-зороастрийцев арийский Индра-Вритрахан (Убийца Вритры) раздвоился на дэва Индру и бога войны Веретрагну.

https://RodnoVery.ru

Однако сила мифологического мышления и языческих традиций такова, что даже воспеть падение бога народ мог только с помощью мифов... о нем же. Вот и оказался Добрыня в роли Перуна, а Перун — в роли Змея.

Но отождествление Перуна со Змеем-Ящером началось, видимо, задолго до крещения Руси. В мифологии крайности сходятся, космические верх и низ нередко дублируют друг друга. Старого бога побеждают, отождествляя его с молодым. В южнославянских мифах известны драконы двух видов: небесные огненные змеи и водные халы (аже-даи, ламии). Первые добры и защищают людей от вторых, насылающих засуху и вихри. Новгородский же Перун-ящер — существо водное, хозяин бурного Ильменя и Волхова. Но в воде он постоянно не живет.

Княжеским богом Перун был не только на Руси. На Руяне почитался бог войны Черноглав, изображавшийся с серебряными усами. Внешность его напоминает Перуна (киевского и белорусского). Его святилище было уничтожено лишь через три года после падения Арконы, когда крестился князь руян Яромир.

Можно было проклинать низвергнутого бога, издеваться над ним в былинах и легендах, но хозяйство славянина не переставало зависеть от своевременного дождя. Поэтому одни (судя по «перунчикам» и поучениям) поклонялись Перуну тайком. Другие же заменяли его христианскими святыми и ангелами. Громовниками считались Илья, Георгий (Юрий, Егорий), архангелы Михаил и Гавриил.

Пророк Илья уже в Ветхом Завете имеет черты громовника: вызывает дождь во время засухи, низводит с неба огонь на своих врагов, возносится в небеса на огненной колеснице. Его день (20 июля) в точности совпадает у славян с языческим днем громовника. Не удивительно, что славяне перенесли на него многие черты Перуна. В Болгарии многие церкви Ильи стоят в дубравах на горах. Илья разит нечисть с неба громовыми стрелами, не жалея при этом ни человека, ни животного, ни дома, ни даже церкви. В его день резали быка и справляли общественный пир-братчину. В космогонической легенде он, как уже сказано, изгоняет бесов с неба, а затем похищает у Черта солнце (либо гром и молнию), являясь, таким образом, посредником между небом и землей, Богом и Чертом. Илья не только воин, но и кормилец людей: в украинской колядке жито вырастает там, где он махнет железной плетью.

Но при всем этом грозного Илью боялись, считали суровым и немилостивым к людям, в отличие от доброго Николы. От громовника по-прежнему ждали справедливости, строгости, но не доброты.

Русский фольклор приписывает Илье белого коня и огненный меч. Как оружие громовника меч известен лишь славянам, балтам и иранцам. Мечом вооружен авестийский Веретрагна, а скифы и сарматы вообще почитали соответствующего ему бога войны (греки звали его «Ареем скифским») в виде меча, воткнутого сверху в кучу хвороста. Осетины — потомки сарматов — видели в молнии блеск меча героя-громовника Батрадза. Персы верили, что мечом-молнией владел святой халиф Али.

Видимо, мотив грозового меча попал к славянам от иранцев. Ведь именно от киммерийцев и скифов славяне впервые познакомились с мечом (ранее, в энеолите и бронзовом веке, были лишь медные и бронзовые кинжалы). Следует заметить, что меч долгое время был оружием знати. В курганах рядовых скифов обычно находят лишь наконечники стрел.

Радугу индоиранцы считали луком Индры, Али, Рус-тама. Славяне тоже видели в ней небесный лук («Ах ты, радуга-дуга, ты убей мужика!»).

Земным подобием громовника у индоевропейцев был бродячий воин-богатырь: греческий Геракл, иранский Рустам, русский Илья Муромец[26]. Последнего белорусы и мордвины отождествляли с Ильей-пророком. Муромский богатырь разбивает стрелами дубы и маковки церквей, сбрасывает с дубов Соловья-Разбойника (злого бога ветра), побеждает Змея (в белорусской сказке). Он напоминает громовника не только своими подвигами, но и склонностью к хмельному питью: сбитые с церквей золотые маковки пропивает, щедро угощая голь кабацкую.

Нрав у Муромца гордый, независимый, порой буйный. Отчасти поэтому он терпит гонения и несправедливости от князя Владимира, как Геракл от Еврисфея, а Рустам — in Кай-Кауса. За этим конфликтом героя и царя, Громов-пика и Красного Солнышка стоит социальный конфликт, идущий из глубокой древности.

Общество древних индоевропейцев делилось на три сословия: мудрецов (шаманов и старейшин), воинов (вождей и дружинников) и простых общинников-производителей. Покровителем старейшин был бог Солнца, л ноинов — Громовник (индийские Митра и Индра). Воин защищал племя, но правил-то им старейшина. Нередки между ними вспыхивал раздор, и тогда старейшина обвинял воина в буйстве и непослушании, а тот его — в неблагодарности, несправедливости и трусости. В конечном счете восторжествовали воины: царская власть перешла от жреца-старейшины к военному вождю. Но проблема общественного долга, вынуждающего воина служить бездарной и несправедливой власти, пережила тысячелетия. Достаточно вспомнить отношения Суворова и Павла I.

Михаил, архистратиг небесного воинства, в славянских поверьях, заговорах и легендах дублирует Илью-Перуна: разит громовыми стрелами и пламенным копьем нечисть, громит и гонит с неба бесов,

---

[26] Исторический Илья Муромец, видимо, служил Владимиру Мономаху, а в конце жизни стал монахом в Киево-Печерской лавре. Здесь и поныне хранятся его мощи. Для народа он — главный богатырь, а для церкви — лишь святой аскет.

https://RodnoVery.ru

отнимает у Черта похищенное солнце (или огненный меч). В былинах ему соответствует Михайло Потык. О злоключениях этого богатыря, едва не погубленного коварной женой-ведьмой, и о весьма сходной истории Добрыни и колдуньи Маринки речь пойдет ниже, в главе о женах Перуна. Отметим лишь, что герой, подобный громовнику, становится здесь жертвой собственных недостатков — женолюбия и пристрастия ко хмелю.

Черты громовника имеют и два сербских эпических героя (юнака). Змей Огненный Волк рожден от огненного змея, в «сорочке» или с волчьей шерстью. Он дышит огнем, из глаз мечет молнии. Может, подобно Волху Всеславичу, оборачиваться волком, птицей и т. д. и оборачивать свою дружину. Он и его конь имеют позолоченные крылья, а на груди героя переплетается змея. Вилы усыпляют его вином из золотой чаши и водят вокруг него хоровод. Преданного женой, его убивает турок Джерелез-Алия. Бьется юнак-оборотень ночью, а убивают или усыпляют его днем.

Змей-Деспот-Волк (исторически — Вук Бранкович, участник Косовской битвы) тоже рожден огнедышащим, в волчьей шапке, с орлиным крылом, со «змеиным кругом» на груди. Он побеждает змея, летающего ночами к сербской царице Милице. Джерелез-Алия, усыпив героя вином из золотой чаши, похищает его невесту, но юнак убивает турка стрелой.

Оба эти юнака сочетают черты «грозового» героя и героя «одинического», «велесова», Перуна и Велеса (а также, возможно, Ярилы — волчьего пастыря; см. ниже). Народная фантазия уподобляла популярного воителя богу или даже нескольким богам.

О родословной Перуна прямых данных нет. Индра считался сыном Дьяуса или бога-ремесленника Тваштара. Илья Муромец в былине — сын пахаря, а в белорусской сказке — кузнеца. Вероятно поэтому, что Перун был, подобно Даждьбогу, сыном Сварога, кузнеца и земледельца. В святилище IV—VI вв. в Иванковцах стояли три идола: четырехликий, одноликий четырехгранный и одноликий, бородатый, с мечом. Вероятно, они изображают Рода, Сварога и Перуна — три поколения рода богов. И от поколения к поколению облик божества все более очеловечивается.

Перун — типичный воин-варвар со всеми его достоинствами и недостатками. Отважный и гневный, суровый, жестокий и вспыльчивый, любитель женщин и хмельного, он тем не менее защищал добро и карал зло. Его боялись и чтили, хотя и не любили. В общине славянских богов он был князем-воеводой и постепенно прибирал к рукам верховную власть.

https://RodnoVery.ru

Даждьбог — Солнце-Царь

(Хорс, Зоревик, Иван Сучич, Иван Быкович, Иван Попялов, Радигост, Ладо, «Марс», Иван (Ян), Иван Царевич, Иван Годинович, Дабог, Флинц, Божич, Коляда, Ютробог.)

Из всех стихий славяне больше всего любили солнце. Его называли святым, праведным, светлым, чистым. Избегали указывать на него пальцем, даже поворачиваться к нему спиной. Солнце считали добрым, справедливым, защитником слабых и угнетенных. Им клялись. Это вполне соответствует индоевропейским представлениям о боге солнца. Индоиранский Митра — бог солнца (и шире — света), покровитель договоров и клятв. Он добр к людям (само его имя означает «друг»), но при этом всегда видит несправедливость и готов ее покарать. Греческий Аполлон — покровитель всего прекрасного, гармоничного, упорядоченного. Сама постоянность ежедневного пути солнца по небу рождала представление о нем как о гаранте справедливости, равенства, социальной гармонии.

Скандинавский Бальдр — самый прекрасный и безгрешный из богов. Погубленный злым Локи, он в грядущем воскреснет и будет царствовать в новом мире, когда старый мир, преисполнившись насилием и пороком, погибнет в мировом пожаре. Об огненной гибели-возрождении мира говорят и индийские мифы. Здесь последнюю битву с силами зла возглавляет красный всадник Калкин — ава-тара солнечного Вишну. (Вспомним Солнце — красного всадника в русской сказке.) Эсхатологический красный всадник есть и в иранской традиции.

Сходство этих мифов с библейской эсхатологией не случайно. Представления о грядущем спасителе, конце света, последней битве, страшном суде, обновлении мира в иудео-христианской традиции сложились под явным влиянием Ирана. В частности, зороастрийцы верили в приход трех спасителей (саошьянтов), сыновей Заратуштры, младший и самый главный из которых — Хварачитра, «Солнце-рожденный».

Индоевропейский бог солнца — не только грядущий обновитель мира, но и правитель блаженной страны, где социального зла уже нет, отсутствуют нужда, угнетение, войны, царит благочестие, мудрость и справедливость. Это — индийские Швета-двина и Меру, греко-скифская Гиперборея, иранская Кангха (Кангдиз), центрально-азиатская Шамбала, Беловодия русских старообрядцев. Страна эта лежит далеко на севере или на востоке (Беловодия), за высокими горами и морем. Именно оттуда выведет на последнюю битву непобедимую рать спаситель мира — Калкин, Хварачитра, Гэсэр, Ригден-джапо (правитель Шамбалы). Русские крестьяне верили, что из Беловодии придет с войском царь Константин (тот самый, от имени которого выступали декабристы) и принесет народу волю.

Вот почему в европейской социальной утопии, от Пифагора до Кампанеллы и Дени Вераса, явно проступают черты солярного мифа: город Солнца, культ Митры и т. д. Пифагора считали воплощением Аполлона Гиперборейского. Не случайно и то, что германцы сближали с Христом Баль-дра, а славяне, как увидим, Даждьбога. Ведь и сама церковь уподобляла Христа Солнцу, величала его «светом миру», приурочила Рождество ко дню рождения Митры.

Однако индоевропейский бог солнца — не кроткий и покорный страдалец за правду, а ее защитник, могучий и смелый воин. Таковы, в особенности, иранский Митра, Вишну в его героических аватарах (Рама, Кришна, Парашурама, Калкин), Аполлон. К тому же Солнце приносит людям не только тепло и свет, но и бедствия — засуху, эпидемии. А по представлениям, сложившимся еще в бронзовом веке, ночью оно пребывает в подземном мире, двигаясь к месту восхода. Поэтому солнечный бог порой становится мрачным, смертоносным, даже жестоким. Но добрые, светлые черты в нем все же преобладают.

На Руси бог солнца носил два имени: Даждьбог и Хоре. Первое имя — полуиранское и означает «податель благ», «дающий бог». Второе — иранское (сарматское), родственное авест. *[hvarahsaeta]* — «солнце сияющее», «солнце-царь». Именно так — «Солнце-Царь» — назван Даждьбог в летописной статье 1114 г. То же самое означает сколотское «Колаксай». Это имя славяне перевели в скифское время, а слово «Хоре» заимствовали позднее от сарматов (осетины и теперь зовут солнце «хор», «хур»).

Даждьбог и Хоре все же не вполне тождественны друг другу. У индоевропейцев было два солнечных бога. Один — обожествленное светило: иранский Хвар Хшаета, индийский Сурья, греческий Гелиос (все эти имена родственны славянскому «солнце»). Второй — человекоподобный бог, не привязанный жестко к солнечному диску: Митра, Аполлон, Бальдр. Действительно, Даждьбог — царь и культурный герой. Хоре же — светило, которому перебегает дорогу князь-волколак. (По древнерусским представлениям, солнечные и лунные затмения вызывают волколаки, пытающиеся пожрать оба светила.) Церковные светильни-ки-хоросы на Руси, видимо, ассоциировались с Хорсом: на них изображали солярных животных (грифонов, драконов). Возможно, имени Хорса родственны слова «хоро», «хоровод», означающие «круговой танец».

Хоре был богом не только солнца, но и грома. Древнерусский апокриф «Беседа трех святителей» называет Перуна и Хорса «ангелами громными». На распространенных в Древней Руси топориках-амулетах изображались и символы молнии (зигзаг), и солярные знаки. Так же украшались и гуцульские топорики. На летописной миниатюре XVI в. солнце изображено испускающим молнии.

В свое время среди «мифологов» боролись «солярное» и «метеорологическое» направления, сводившие все мифы к олицетворению солнца или грозы. Славяне-язычники, однако, мыслили иначе.

https://RodnoVery.ru

Солнце, скрытое тучами, казалось им источником молний. Главное же — для них все огни (в светилах, молнии, домашнем очаге и т. д.) были проявлением единого вселенского огня, Огня Сварожича.

Имя Даждьбога, помимо Руси, было известно в Польше, судя по средневековым именам Дачбог, Дадзибог. А Хорса — в Болгарии: князь, едва не вернувший болгар в конце IX в. к язычеству, звался Владимир Хросате (что напоминает Владимира Красное Солнышко).

В летописи Даждьбог Сварожич — первый настоящий царь. При нем были введены дань царям и солнечный календарь из 12 месяцев вместо лунного. Устои моногамии он охранял не менее рьяно, чем отец: подкараулив одну неверную жену с любовником, велел ее носить всюду в корзине, а прелюбодея обезглавить.

В Череповецком уезде Даждьбога помнили еще в XIX в.: «Поручись (помолись) Даждьбогу, управит понемногу». Топоним «Даждьбог» известен в Мосальском уезде. А на Украине в 1960—1970-х гг. были записаны две песни о Даждьбоге. В одной он встречается с «князем» (женихом) у трех дорог. В другой — посылает из Ирия весной соловья запирать зиму и отпирать лето. Солнечный бог, таким образом,— покровитель брака (как и в летописи), бог весны и хозяин рая.

В «Слове о полку Игореве» о временах усобиц сказано: «Погибала жизнь Даждьбожьего внука». О поражении же Игоря: «Встала Обида в силах Даждьбожьего внука». В 1307 г. некий книжник, автор приписки к псковскому «Апостолу», передал первое из указанных мест поэмы так: «погибала жизнь наша». То есть Даждьбог считался предком (дедом) всего русского народа. Это сближает его с Ко-лаксаем — первым царем сколотов и предком их главного, царского племени — паралатов. Обитало это племя на берегах Роси и Тясмина — там, где позднее, в I—II вв. н. э., сарматское племя россов осело и смешалось со славянами, положив тем начало Руси.

Нужно заметить, что в славянском фольклоре Солнце представляется то юношей, то стариком («дедом»). У сербов Солнце — прекрасный юнак на злато-пурпурном престоле. Его окружают две Зари, утренняя и вечерняя, семь судей-звезд, семь вестников-комет, лысый дед-Месяц. Ездит этот царь светил на золотой колеснице, запряженной белыми конями. Украинцы же считали, что солнце — это костер, поддерживаемый Дедом. Болгары именуют Солнце «дедо Райко» или «дедо Еньо» (указывая тем самым на связь его с раем и днем Ивана Купала). В чешской сказке Дед-Всевед златовласый, видимо, воплощает всевидящее Солнце. Все же образ молодого и прекрасного солнечного бога более свойствен индоевропейцам. Именно так представляли Аполлона, Митру, Бальдра. Наоборот, Громовник (Зевс, Перун) обычно предстает зрелым мужем или старцем.

В сербских песнях отец Солнца — Царь Небесный (Род или небесный Сварог), брат — Месяц, сестра — Денница. Нередко упоминается мать Солнца. Но, как уже сказано, генеалогия богов-светил в этих песнях не отличается постоянством. Целая песня посвящена тому, как Царь Небесный женил Солнце и, собрав на свадьбу всех святых-богов, раздавал им «дары» — должности: Илье — гром и молнию и т. д.

Вернемся, однако, к Даждьбогу Сварожичу и Колак-саю, сыну Таргитая. О родстве этих персонажей свидетельствует, по мнению Б. А. Рыбакова, восточнославянская сказка «Три царства». Ее герои — три брата, родившиеся вечером, в полночь и утром. Самый сильный и храбрый из них — младший, носящий солярное имя (Световик, Зоревик, Иван Зорькин). Ведь родился он вместе с Солнцем — на рассвете.

Колаксай — тоже самый младший из трех братьев. Старшие его братья — Липоксай («Гора-царь»), предок авхатов, и Арпоксай («Глубь-царь»), предок катиаров и траспиев. Четыре племени потомков Таргитая составляли племенной союз скифов-пахарей. При этом авхаты («благие») считались племенем жрецов, паралаты («предназначенные») — воинов и царей, катиары («держащие плуг») и траспии («здравоконные») — пахарей и пастухов. Три брата-первопредка символизировали три мира и три сословия, а устройство общества уподоблялось устройству Вселенной. Три дара, добытые Колаксаем, и означают три сословия (чаша — жрецы, секира — воины, плуг с ярмом — производители). Эта система трех сословий была свойственна всем индоиранцам и индоевропейцам.

В сказке младший брат, одолев Мужичка с ноготок или Ягу, спускается в подземный мир (или поднимается на высокую гору), побеждает там трех змеев и освобождает царевен трех царств — медного, серебряного и золотого. Каждая царевна собирает свое царство в яйцо из такого же металла, и старшие братья вытаскивают их наверх, после чего бессовестно покидают младшего брата в преисподней. Тот, однако, выбирается оттуда с помощью огромной птицы. Все кончается женитьбой героя на царевне золотого царства, а его братьев — на двух остальных.

Символику сказки помогает понять индийский обряд аш-вамедхи — царского жертвоприношения коня. В этом обряде участвуют три жены царя, принадлежащие к трем сословиям и действующие тремя иглами — золотой, серебряной и медной. У индоевропейцев золото и красный цвет символизировали воинов, серебро и белый цвет — жрецов, медь и черный (синий) цвет — тружеников.

Яйца-царства еще сродни Мировому Яйцу древнейших мифов. Но символизируют они уже не так Вселенную, как общество и власть над ним. Для обретения этой власти Колаксай завладевает дарами, упавшими с неба. А Зоревик спускается в нижний мир или поднимается в верхний (на высокую гору). В осетинском эпосе солнечный герой Созырко получает на небе от бога-кузнеца Курдалагона (тот же Сварог) плуг и другие дары. Словом, для получения власти нужно приобщиться к космической вертикали: небо — земля — преисподняя.

https://RodnoVery.ru

Власть же эта имеет солярно-огненную природу. У иранцев такое огненное воплощение власти именовалось «фарн». Оно могло проявляться в виде барана, хищной птицы или сияния-нимба. Недостойный может завладеть престолом, но не фарном. В Авесте с немалым юмором описывается, как злой царь Франграсьян (Афрасиаб), сняв штаны и неистово ругаясь, тщетно нырял за фарном в море. Царство-вание же владыки, лишенного фарна, не будет ни удачным, ни законным. Колаксаевы дары — тот же фарн, и недостойный не может взять его — только руки обожжет. Точно так же братья Зоревика не могут завладеть главным, золотым яйцом-царством.

У скифов фарн воплощался не только в золотых дарах, но и в богине огня Табити, с которой вступал в брак Ко-лаксай-Скиф. (Д. С. Раевский проследил этот мотив по изображениям на скифском золоте.) Этой богине вполне соответствует золотая царевна в сказке.

Появляется в сказке и Тартигай, даже под своим именем. Это слепой богатырь Тарк Тарахович, живущий во дворце на Сиянской горе[27]. Или же старый богатырь с чертами культурного героя (он одомашнивает дикую пшеницу, разводит скот). Этот персонаж враждует с Ягой и помогает герою.

Колаксаевы дары во времена Геродота хранились в земле паралатов. Каждый год, весной, справлялся праздник. Главный его участник (воплощавший Колаксая) проводил ночь с дарами, изображая этим брак Солнце-Царя с Табити. Ему давали столько земли, сколько он мог объехать за день (подражая дневному пути Солнца). До следующего праздника он не доживал: видимо, его приносили в жертву. Потому что солнечный бог, обретя дары и супругу в день весеннего равноденствия, полгода спустя, в день равно-денствия осеннего, погибал от рук завистливых старших братьев. Гибель Колаксая-Скифа описана в «Аргонавтике» Валерия Флакка и изображена на знаменитом гребне из кургана Солоха.

К сказке «Три царства» близка сказка «Бой на Калиновом мосту». В ней царица, кухарка и собака (корова, лошадь) отведывают чудесную золотую рыбу, и от этого рождаются три богатыря: Иван Царевич, Иван Кухарчич и Иван Сучич (Быкович, Кобылий Сын). Иногда последний носит имя, связанное с золой и огнем очага: Иван Попялов, Искорка, Запечный Искр и др. На Калиновом мосту Сучич побеждает одного за другим трех змеев, пока его братья трусливо отсиживаются. Затем — поход в страну змеев, борьба с их матерью — Ягой-Змеихой, ее дочерьми и отцом змеев — стариком с огромными, как у Вия, веками.

Три брата, вероятно, и здесь символизируют три сословия: воинов (Сучич), жрецов-правителей (Царевич) и простых общинников (Кухарчич). Главным снова оказывается брат-воин. Связь его с собакой или золой — скифская черта. Лесостепные скифы-пахари ссыпали золу очагов в большие кучи — зольники, считавшиеся священными. В основании зольника у с. Пожарная Балка на Полтав-щине найден жертвенный комплекс: очаг, скелет собаки и череп лошади; рядом в земле были вырезаны фигуры лебедей — птиц Солнца. Собак в зольниках хоронили и поздние (крымские) скифы.

По Геродоту, Кира воспитали пастух Митридат («данный Митрой») и его жена Спако («собака»). Царь здесь уподобляется Митре, воспитанному пастухами. В индийском мифе братья Эката, Двита и Трита («первый», «второй» и «третий») рождаются от жертвенной золы. Трита связан с солнцем и огнем. Очевидно, миф о рождении солнечного бога от золы или собаки славяне переняли у иранцев в скифскую эпоху.

Северо-западные славяне (лютичи и бодричи) почитали Даждьбога под именем Радигоста Сварожича. Его священный город Ретра[28] находился в земле лютичей, на мысу у озера. В храме стояли идолы Радигоста и других богов и богинь в доспехах и с оружием. По другим данным, золотой идол Радигоста лежал на пурпурном ложе. При храме был священный конь, служивший (как в Арконе и Щецине) оракулом. Жрецы гадали по тому, как он переступал через копья. Верили, что в день, когда святыне будет грозить смута, из озера выйдет огромный вепрь с сияющими клыками.

Радигост, несомненно, также был богом солнца. Его золотой идол на пурпурном ложе напоминает, во-первых, злато-пурпурный трон Солнца в сербском фольклоре, во-вторых — описанную Аррианом гробницу Кира, где золотой гроб стоял на ложе, покрытом пурпуром. В таких образах представляли славяне и иранцы заходящее солнце, закату которого уподоблялась смерть Солнце-Царя.

Вепрь — также солярный образ. Славяне и германцы на Рождество (день рождения Солнца) или Новый год закалывали и торжественно ели поросенка. Солнечный Вишну в облике вепря ныряет на дно моря, чтобы поднять землю, утопленную демонами. В Стынчешти (Румыния) найден скифский золотой налобник от сбруи в виде рыбы с головой вепря. А сияющие клыки, очевидно, символизируют лучи солнца.

Все храмы северо-западных славян были объединены в своего рода языческую церковь во главе с самым авторитетным и богатым храмом. В X — первой половине XI вв. такую роль играла Ретра. В 1065 г. полабские славяне восстали, убили немца-епископа Иоанна, а голову его принесли в жертву Радигосту. Но в следующем году епископ Бурхардт Гальберштадтский взял и разрушил Ретру. Святилище еще просуществовало до 1127 г., но роль его с тех пор перешла к Арконе. Примечательно, однако, что даже в лучшие времена Ретры Радигост не считался верховным богом, отцом богов и т. д. Порядок в общине славянских богов был достаточно консервативен.

---

[27] Т. е. на Сионе — мировой горе средневековой космографии.

[28] Это святилище описано в XI—XII вв. Иттмаром Мер-зебургским, Адамом Бременским и Гельмольдом. С ним пытались отождествить городище VII—IX вв. Шлоссберг у Фель-берга. Там есть деревянный храм, но нет слоев X—XI вв.

https://RodnoVery.ru

Радигост был главным богом племени бодричей. Согласно Бото, здесь его изображали с секирой в руке, черной бычьей головой на груди и птицей на голове. Это описание напоминает герб герцогов Мекленбургских — онемеченных потомков бодрицких князей. В нем уже с XIII—XIV вв. присутствовали коронованная бычья голова (черная на золотом поле, с символами Солнца, Луны и звезд) и грифон.

Ни геральдисты, ни хронист, видимо, не фантазировали: все эти элементы действительно связаны с мифами о солнечном боге. Секира, несомненно, соответствует секире Ко-лаксая, древнерусским и гуцульским топорикам с солярными знаками. Грифон — солярное животное, спутник Аполлона Гиперборейского (скифского Гойтосира) и Митры. Бык же — главный враг бога Солнца. Митра на римских рельефах убивает быка, и из тела того вырастает пшеница. Черного быка побеждает армянский герой Мгер — воплощение Митры. Солнечное начало побеждает хтоническое, земное (воплощаемое быком), и это обеспечивает урожай. На некоторых римских фресках и рельефах Митра представлен конным охотником.

Мекленбургский герб удивительно напоминает молдавский: на обоих бычья голова окружена символами светил. По преданию, воевода Драгош, охотясь на тура, нашел прекрасную долину, где жил лишь пасечник-русин Яцко. Драгош привел туда романцев, Яцко — славян. Так было основано Молдавское княжество. Основание царства уподоблялось охоте — подвигу солнечного бога.

Следует заметить, что Митра (и очевидно, Даждьбог) был богом не только Солнца, но и света вообще, всех небесных светил. Отсюда и символы всех светил рядом с головой быка, побежденного богом.

Корона Радигоста еще в XV в. хранилась в церкви в Гадебуше, вставленная в западное окно.

Народ, на земле которого стояла Ретра, носил три гордых имени: лютичи («сыны льва»), вильцы («волки») и ве-леты («великаны»). Лев был священным животным Солнца у многих народов (иранцев, индийцев, греков и др.). Волк — зверь Аполлона и, как увидим, Ярилы. А космический великан Пуруша отождествлялся с Митрой. Вероятно, львы, волки и великаны были посвящены Радигосту.

Судя по топонимам, Радигост был известен также в Чехии, Моравии, Польше и на Руси. Стржедовский говорит о храме Радигоста на горе Радгост в Моравии и его празднике там в день летнего солнцеворота.

Радигост, как свидетельствует его имя, мог, подобно Велесу, покровительствовать купцам («гостям»). Вообще же Радигост выглядит воинственнее восточнославянского Даждьбога. То же относится к Святовиту и Роду. Постоянные войны с соседями-германцами, грозившие северозападным славянам истреблением и насильственным крещением-онемечиванием, сделали их светлых богов суровыми воинами.

В хронике Длугоша Лада — не богиня, а бог войны, соответствующий Марсу. Вряд ли это ошибка: в другой своей работе («О гербах рыцарства польского») историк упоминает о богине Ладе. Польский гусит приводит слова из языческой троицкой песни: «Alado, gardzyna jesse» — «А, Ладо, герой Иеши» (чеш. hrdina — «герой»). То есть Ладо (Лада)[29] действительно был богом-воином, подчиненным Иеше. Польский герб Лада включал в себя охотничий рог, белую подкову с крестом над ней и стрелу. (Из этого вырисовывается образ бога-всадника, возможно солярного[30], охотника и лучника.) На шлеме — коронованный лев с мечом.

Лев с мечом в лапе и солнце — эмблема последних иранских шахов из династий Каджаров и Пехлеви. У армян бог солнца Арэв скачет верхом на льве, держащем в лапе меч. В русской сказке Иван Царевич сражается верхом на льве с Кощеем. (В основе этой сказки, как мы увидим,— миф о борьбе Даждьбога с Чернобогом.)

Ладо, таким образом, солнечный бог-воитель. То есть тот же Даждьбог-Радигост. А лев с мечом в его образе — иранский элемент.

На Украине в 1920-х гг. записана купальская песня, где упоминаются Ладо, Купало и Перун:

Гей, око Ладове,
Ніч пропадав,
Бо око Лада
З води виходить,
Ладове свято
Нам приносить.
А ти, Перуне,
Отче над Ладом,
Дай дочекатися
Ладоо-Купало.

Ладо-Купало здесь явно божество солнца (мужского или среднего рода), а его око — солнечный диск. Речь идет о Купальской ночи. Участники празднества ждут на берегу реки солнечного восхода, опасаясь лишь грозы, частой в эту пору «воробьиных ночей», наполненных раскатами грома и вспышками

---

[29] Слово «Лада» могло употребляться и в мужском роде. Слово «Ладо» могло быть среднего или мужского рода.

[30] Крест был символом солнца у многих народов. В частности, солярные знаки украшали древнерусские кресты-амулеты.

https://RodnoVery.ru

молний. Примечательно, что Перун здесь назван отцом не Ладо, а «над Ладом». В Древней Руси старший в роду князь был младшим «в отца место». Можно поэтому предположить, что Перун (изображаемый старцем или зрелым мужем) был старшим среди братьев Сварожичей и предводителем их на войне.

В хорватской песне, записанной еще в XVIII в., Ладо выглядит скорее мирным и добрым богом (быть может — любви и брака):

Красивый Иво
Рвет розы
Тебе, Ладо, святой боже.
Песни наши поем тебе,
Сердца наши склоняем к тебе.
Ладо, слушай нас, Ладо!

У Прокоша Ладон (то есть Ладо)[31] — бог брака и учредитель брачных обычаев. Это вполне согласуется как с мифом о Даждьбоге — охранителе моногамного брака, так и с ролью богини Лады в свадебных песнях.

Бога Ладо славили в Купальскую ночь не только славяне, но и балты. По данным Стрыйковского, литовцы с 25 мая по 25 июня исполняли песни с припевом «Lado, Lado, didis musu dewie» («Ладо, Ладо, великий наш боже»). Отсюда, очевидно, и восточнославянские припевы «Дид-Ладо», «Диди-Ладо» (иногда «Дид со Ладой»[32]). Балт-ское didis как бы накладывалось на славянское «д1д», «дед» (о Солнце как «деде» уже сказано).

«Поучение в понедельник Св. Духа» (XVII в.) осуждает почитающих бога «орудий всякого дела речного» Лада и бога «плодов земных» Дида и прыгающих в их честь через костер. Вероятно, его автор слышал купальские песни, не дошедшие до нас, в которых у Ладо (Дида-Ладо) просили урожая и удачи в рыбной ловле. В этом же поучении говорится о боге скота и животных Коляде и водном боге Лоло. Можно лишь пожалеть, что любознательный проповедник, искавший следы культа славянских богов, не записывал песен, из которых делал свои выводы.

Козьма Пражский упоминает «Марса» — чешского бога войны и его сестру «Беллону». Вероятно, этот «Марс» — тот же Даждьбог-Ладо-Радигост, а «Беллона», как увидим ниже,— его сестра-воительница Морана.

В купальских обрядах и песнях часто выступает персонаж Иван (Ян, Ясь). Своим именем он обязан Иоанну Крестителю, с рождеством которого совпал древний пра-здник. У сербов Иован — покровитель кумовства, побратимства, клятв. (Это вполне соответствует индоевропейскому и славянскому представлению о боге солнца — защитнике справедливости.) Не зря Иована называют «золотым». Он же ведает «Иовановой стругой» — вратами рая и ада. Древнерусский проповедник обличал празднующих Купалу и тут же величал Иоанна Крестителя «пресвет-лым солнцем».

Украинцы в Купальскую ночь топили чучело Ивана, словенцы носили и сжигали чучело Яна. Поляки называли Яна «белым», «зеленым», что может указывать на его связь со светом и растительностью. У лужичан Яна изображает всадник в берестяной маске, разукрашенный цветами, которые с него срывают девушки. В белорусских песнях Ян отождествляется с Купалышем — предводителем парней в купальских обрядах (вот откуда «Аадо-Купало»). В этих же песнях он, как и Илья, стережет посевы от ведьм.

При этом купальский Ян совершенно не похож на евангельского Иоанна Предтечу — сурового аскета, обличителя распутного царя Ирода и его коварной жены. Наоборот, он весьма женолюбив («Кто у нас на девки лас? Да у нас Яночка на девки лас!»). Иван-Ян едет конями или лодкой то «за горочку по водочку», то «за речечку по девочку». Если он рискует жизнью или гибнет — то из-за любимой девушки. В довершение всего он совершает инцест со своей сестрой Марьей.

Ян, таким образом, молодой бог-воин и всадник, враг нечисти, связанный со светом и растительностью. Он, подобно Ладе-Купале, тонет, то есть уходит в нижний мир, обеспечивая в земном мире урожай. Сама его смерть несет торжество силам жизни и плодородия. По всей видимости, он тождествен Даждьбогу-Ладо, то есть Солнцу. Кони и лодка — обычные средства передвижения Солнца в мифе. Славяне скатывали на Купалу с горы пылающее колесо, и в то же время верили, что в этот день Солнце пляшет, скачет или играет. Самая короткая ночь года, после которой день убывает, в мифе оборачивается для Солнца гибелью — и торжеством.

В эту ночь Даждьбог, суровый поборник святости брака, превращается в легкомысленного женолюба и охотника за невестой, покровителя любовного разгула. Ведь этот разгул нес поражение силам тьмы, бесплодия, смерти, с которыми боролся светлый бог-воин.

О браке Даждьбога (Ивана) с Мораной (Марьей), их уходе в подземный мир и возвращении весной будет сказано в главе о Моране. Там же речь пойдет об Иване Царевиче и Иване Годиновиче — сказочной и былинной «масках» Даждьбога, столь же многоликого и многоименного, как его мать Лада.

---

[31] Здесь имя славянского бога латинизировано (Lado — род. пад. Ladonis).
[32] Здесь Дид,— возможно, Род, супруг Лады.

https://RodnoVery.ru

Пребывая в нижнем мире ночью, осенью и зимой, Даждьбог приобретал мрачные, смертоносные черты. Такими же были некоторые его ипостаси.

В сербской легенде Дабог — владыка земного мира, столь же могучий, как Бог — в мире небесном, пожирал души всех умерших, пока у Бога не родился сын. Он победил Дабога, вставил ему в пасть копье, как распорку, и проглоченные души вышли оттуда. В другой, сербской же, легенде архангел Гавриил похищает солнце у Хромого Дабо — царя чертей. В горе Дайбог, как верили сербы, обитает Серебряный царь — дух рудников. О связи серебра с миром смерти говорилось.

Даждьбог здесь как бы раздваивается на доброго Сына Божьего (Гавриила) и злого Дабога (Дабо), больше похожего на Чернобога. Здесь, конечно, повлияло и христианство, объявившее языческих богов бесами, и богомильство (манихейство), считавшее земной мир владением Сатаны. Но само это раздвоение могло начаться еще в языческие времена.

Нечто подобное произошло у индоиранцев с образом Ямы (Иимы, Джамшида) — солярного первочеловека, первоцаря, культурного героя и в то же время первого умершего. Ему соответствует скифский Колаксай. В Индии Яма превратился в повелителя загробного мира, ездящего на черном быке и петлей вытаскивающего душу из тела. А в Иране сложился миф о грехопадении Иимы. Его царство было «золотым веком», свободным от нужды, зла, насилия, пока солнечный царь не возгордился: объявил себя богом, научил людей убивать скот и приносить кровавые жертвы. Тогда он лишился фарна и был свергнут и убит царем-драконом Ажи-дахакой.

Лужичане почитали бога смерти, известного под немецким именем Флинц («кремень»). Бото описывает его как живого мертвеца в плаще, стоящего на глыбе кремня. В руке его — факел, на плече — лев, своим ревом воскрешающий покойников. По более поздним источникам, он был также богом лесов и обитал под большой липой. Есть легенда о его золотом идоле (или золотом быке), сброшенном в Шпрее. В пещере под разрушенным капищем, у села Эна под Бауценом, вход в которую затоплен, будто бы и поныне лежит этот идол среди множества сокровищ. Флинц, при всей его мрачности, бог не только смерти, но и воскресения, бессмертия (подобно Яме). Лев — солнечный зверь, а факел — знак огненного начала. Видимо, перед нами — Даждьбог в его смертельной ипостаси.

Вторник и планета Марс в Месопотамии посвящены богу смерти и войны Нергалу, у других народов — богам войны (римский Марс, германский Тюр, иранский Бах-рам-Веретрагна). Чехи называли эту планету Смертонош. Возможно, это еще одна мрачная ипостась Даждьбога-Ладо, отождествлявшегося с Марсом.

Чешский хронист XIV в. Неплаха впервые упомянул бога Зелу *(Zelu,* в немецком переводе хроники — *Zely).* Это имя пытались объяснить из чеш. *zele* — «зелень», *zelw* — «черепаха», *zly* — «злой, черт», zeleli — «оплакивать». Зелоном или Добропаном чехи называли планету Меркурий. (Вспомним: в «Матер верборум» с Меркурием отождествляется Радигост.) Гаек рассказывает, что княгиня Либуша велела отлить из золота идола Зелу в виде человека, восседающего на троне (или в седле), и установить его во дворце. В жертву ему приносили человеческие волосы и ногти. Именно ему Либуша принесла жертву перед смертью. Позже ее мужу Пржемыслу Зелу и богиня Дирцея помогли победить предводительницу амазонок Власту. Произошло это весной, 14 мая.

К Зелу, видимо, относится и рассказ Гаека о князе Не-клане, умершем от страха, когда стоявший в дворцовом святилище золотой идол вдруг сверкнул на него глазами и оскалил зубы.

Этот загадочный бог скорее всего связан с солнцем и растительностью («зелье», «зелень») и тождествен Ра-дигосту-Даждьбогу. Но он также связан и со смертью. Его культ напоминает суеверный русский обычай собирать и хранить (хотя бы символически) срезанные волосы и ногти: на том свете придется-де давать отчет за каждый волос; а добираться туда надо будет, карабкаясь по стеклянной горе — тут ногти и пригодятся. (Литовцы с той же целью клали в могилу медвежьи и рысьи когти.) Божество вроде бы доброе (Добропан) и в то же время мрачное, пугающее, смертоносное. Но разве не в земле лежали умершие предки, которых живые молили об урожае? Естественно, что бог Солнца, нисходя под землю, становился богом смерти, но оставался богом плодородия.

И все же среди ликов солнечного бога преобладали светлые, добрые. В день зимнего солнцеворота язычники праздновали рождение Непобедимого Солнца — Митры. Христиане превратили его в Рождество своего бога. Южные славяне называют этот праздник «Божич» и славят в песнях «старого Бадняка» и «молодого Божича». Это не просто воплощения старого и нового года. Бадняк — обрубок дерева, который жгут, осыпают зерном, поливают водой и бьют палкой, веря: чем больше искр, тем больше урожай и приплод. О Божиче поют, что он ездит на коне, золотит ворота, открывает пир. Или же представляют его добрым белобородым стариком в кожухе, верхом на кривом (или хромом) осле.

Очевидно, Бадняк — это Сварог, огненный бог и покровитель земледелия, а Божич — его сын Даждьбог, солнечный всадник, иногда представляемый «Дедом». В одной сербской песне Божич прямо назван Сварожичем. А хромой осел заставляет вспомнить и хромого Дабо, и Христа, едущего на осле. Так переплетались светлая и темная ипостаси солнечного бога.

В болгарской песне Богоматерь рождает златорогого оленя. Здесь отразились древнейшие, идущие от мезолитических охотников на оленя, мифы о Великой Богине-оленихе, рождающей оленей, и о солнце — крылатом олене с золотыми рогами. Мифы эти сохраншшсь у саамов и других народов севера, а также в скифо-сибирских украшениях «звериного стиля».

https://RodnoVery.ru

Другое название Рождества у славян — Коляда (от лат. *cale.nd.ae* — «начало месяца»; этот праздник почти сливается с Новым годом). Южные славяне (кроме словенцев и болгар) носили в этот день изображение звезды и чучело Коледы. Поляки называли Дзядом или Колендой рождественский сноп. Автор «Поучения в понедельник Св. Духа» считает Коляду богом скота и животных (не путает ли он его с Белесом?). А белорусы в конце Святок, 6 января, рисовали на дверях Коляду — всадника на белом коне. Очевидно, Коляда, подобно Божичу, солнечный всадник, дарующий плодородие и изобилие земледельцам и скотоводам, и предок — «Дед». Вспомним: русичи — Даждьбожьи внуки. Да и само слово «Русь» происходит от сарматского «роке» (осетинское «рухс») — «светлый», «сияющий». Русы — народ Солнца!

Восточные славяне на Святки носили плуг, кликали Коляду и «Плугу» (еще в XVII в.) и пели колядки о том, как Бог и святые пахали плугом, запряженным зверями и птицами. В польской же колядке Христос, Ян и Степан (св. Стефан — 27 декабря) пашут золотым плугом. Видимо, здесь сразу в трех обличьях предстает Колаксай-Даждьбог, овладевший плугом из небесного золота. Или же имеются в виду Зоревик и два его брата.

Болгары в рождественских песнях воспевают юнака Дан-Богдана. У него на груди солнце, на плечах — месяц, на коленях — звезды. Его оружие — золотой буздуган (палица) и щит. Он побеждает Старую Юду (вилу, ездящую на олене, взнузданном змеями) и трехглавую ламию (водяного змея). Из тела ламии текут три реки — пшеничная, молочная и винная. Дан-Богдан гонится за златорогим оленем, словно огненный змей — за ламией. Он воюет не только верхом, но и в ладье, преследуя злого змея.

Этот юнак — не только воин, но и священник. На Рождество его ждут, открыв ворота, чтобы он крестил, венчал, прощал. Своим кумам он дарит золотые чаши. Он — предводитель колядников. Но он же и бог смерти: забирает души людей (даже своих родственников), чтобы строить рай.

Дан-Богдан, очевидно, тот же Даждьбог. Многое сближает его с иранским Митрой. На римских рельефах Митру окружают символы солнца, луны и созвездий. То есть Он бог не только Солнца, но и всех светил, света вообще. Оружие Митры в Авесте — вазра, то есть ваджра, грозовая палица Индры. На фресках и рельефах Митра верхом охотится на оленей и других зверей. Небесная охота Громовника на солнечного оленя — миф, распространенный по всей северной Евразии (у саамов, эвенков и др.). Но только у иранцев и славян небесным охотником оказывается бог Солнца (не чуждый, впрочем, и черт громовника).

Немецкие и лужицкие историки XVI—XVIII вв. (П. Альбин, И. Кнаут, Ганнеман, Экхардт) выводили название города Ютербок (Ютербог) от имени славянского бога утренней зари Ютробога (по-лужицки [/и/го] — «заря», *jutry* — «Пасха»). Экхардт описал его идола — с лучами вокруг головы и огненным кругом на груди. А Ганнеман — храм: четырехугольный, с дверью в западной стене и зарешеченным окном — в восточной. Лучи восходящего солнца, таким образом, озаряли все святилище. По преданию, на месте храма был поставлен крест, но его разрушил неведомо откуда взявшийся белый бык, а потом ночами там раздавался шум и появлялась белая собака. Рядом с храмом находилось круглое возвышение с липовым крестом на нем. Здесь славяне плясали языческие танцы. (Вспомним Ивана Быковича-Сучича и священную липу Флинца.) Ютробог, надо полагать, тот же Даждьбог-Зоревик, рождающийся на заре.

На золотых диадемах из Преслава в Болгарии (X в.) и Сахновки на Роси (XII в.), а также на рельефе Дмитриевского собора во Владимире (XII в.) изображен Александр Македонский, летящий в корзине (или на колеснице), несомой двумя грифонами. Эта сцена лишь формально иллюстрирует легенду о полете Александра на небо из «Александрии» — романа, созданного в начале нашей эры и весьма популярного в Византии и среди православных славян. Но в православной традиции этот полет — символ греховного стремления сравняться с Богом. А на диадемах и рельефе он занимает центральное место, бросая вызов всем христианским понятиям о смирении.

В романе Александр летит на больших птицах. Грифоны заменили их здесь (в византийской литературе и искусстве) с X в. Но в изображениях на диадемах есть и славянские языческие элементы. На болгарской диадеме царя окружают симарглы (крылатые псы), грифоны и крылатый барс. На древнерусской — в его руках жезлы с растительными символами, напоминающие тояги — жезлы болгарских ру-сальцев, в навершиях которых скрывались чародейные травы.

На колеснице, запряженной грифонами, изображались греческий Аполлон Гиперборейский (скифский Гойтосир) и иранский Митра. В восточнославянских сказках герой (Зоревик, Иван Царевич, Иван Купеческий сын) летит в «тридесятое царство» (то есть в иной, потусторонний мир) либо из подземного мира в земной на огромной птице, иногда именуемой Могуль или Гриб, что напоминает древнерусские названия грифона — «ног», «ногуй», «грипп». Видимо, за молодым эллинским царем-полубогом у славян скрывается языческий Даждьбог.

Солнце-Царь Даждьбог — один из самых светлых образов славянского Олимпа. Он справедлив, даже суров, но не жесток. Добр, но чужд всепрощению и непротивлению. Это — рыцарь Света и Правды, защищающий их в земном мире, не дающий ему обратиться в вотчину Чернобога.

Даждьбог — царь и предок-дед, не богов, а людей. А в общине богов он — самый младший брат, воин под рукой старшего — Перуна. Братья-боги порой поступают с ним коварно и несправедливо, но праведный солнечный бог не посягает на их долю в мироздании и обществе: каждый брат получает свою царевну-богиню с царством.

https://RodnoVery.ru

Славяне, подобно иранцам, считали царя земным подобием Солнце-Царя небесного, правителем милостью божьей, но не богом. На Руси чтили царя не «доброго» (мягкотелого) и не жестокого, а праведного - законного и справедливого. Когда Лжедмитрий вступал в Москву, народ величал его «солнышком праведным». Но вскоре, увидев подлинное лицо авантюриста, сверг и убил его, а труп уничтожил огнем. Столь же бесславный конец ждал не одного самодержца, ставшего в глазах народа царем неправедным. Такое отношение к главе государства в нашей стране пережило и саму монархию.

https://RodnoVery.ru

Огонь Сварожич

Славяне глубоко уважали и ценили огонь, особенно огонь домашнего очага. Грехом считалось плевать в огонь, даже ругаться при нем. Огонь использовали при всевозможных обрядах. Особенной же святостью и магической силой наделяли «живой огонь», добытый древнейшим способом — трением.

Огонь все очищал и освящал, соединял земной мир с небесным. Покойника сжигали, веря, что его душа тут же вознесется на небо, так же, как жертва, сожженная в огне святилища. Огнем обезвреживали вредоносных мертвецов («залож-ных», «упырей») там, где преобладало трупоположение. В огонь же бросали живых или мертвых колдунов и ведьм. Церковь лишь переняла этот обычай у язычников.

При этом Огонь (Царь-Огонь русских заговоров) был не просто почитаемой стихией, а богом, сыном Сварога. Согласно антиязыческим поучениям, Огню Сварожичу молились под овином, в обширном помещении, где разводился огонь для просушки снопов. В болгарских песнях упоминается Огнян — брат Солнца (то есть Даждьбога Сварожича). Представление об огне как сыне Сварога-Неба славяне переняли у индоиранцев. В Авесте Огонь-Атар всегда именуется сыном Ахурамазды. В Ригведе же Агни — сын Неба.

У белорусов, по данным Древлянского, почитался бог огня Жыж. Он ходит под землей и греет ее либо вызывает пожары. В белорусских болотах торфяные пожары — частое и опасное явление. Но был ли этот подземный огонь тождествен Огню Сварожичу?

Огонь в славянской мифологии занимает довольно скромное место. Его не представляли в человеческом облике. Не сохранилось и сюжетных мифов о нем. Тем не менее он был одной из самых почитаемых стихий.

https://RodnoVery.ru

Ярила — веселое солнце

(Коструб, Джурило, Яровит, Юлий, Припегала, Герман, Калоян, Тур, Георгий, Юрий, Егорий, Жубрило, Еруслан.)

Одни из древнейших земледельцев планеты — носители культуры Ча-тал-Гююк в Малой Азии — изображали Великую Богиню с человеческим ребенком или детенышем леопарда на коленях. Впоследствии леопард был священным зверем Диониса. Этот ребенок-звереныш — спутник Матери Мира, ее сын, супруг или возлюбленный (иногда одновременно). Дионис и Семела у греков и фракийцев, малоазийские Аттис и Кибела, египетские Озирис и Изида, месопотамские Думу-зи-Таммуз и Инанна-Иштар, финикийские Адонис и Ас-тарта-Афродита — эта многоликая пара повсюду одаряла земледельцев урожаем, проходя для этого через трагедию любви и смерти.

Юный, прекрасный, полный сил бог погибал, нисходил в подземный мир, а богиня (порой приводившая его к гибели) оплакивала возлюбленного, собирала его останки или спускалась за ним в царство мертвых. И он воскресал, и вместе с ним оживала растительность, расцветали сады, засуха сменялась порой урожая. Обычно он выступал беззащитной и безвинной жертвой темных сил (отсюда и вырос библейский образ Спасителя). Иногда же — воином-колдуном, победителем чудовищ, насылающим на врагов хмельное безумие. Бог преимущественно земледельческий, он порой предстает то охотником, то зверем-оборотнем, то источником шаманского экстаза.

Жизненная сила бьет у юного бога плодородия через край. Он крайне любвеобилен. Веселье, хмельной разгул, оргия, неистовые пляски — его стихия. Обряды его зачастую непристойны и кровавы. Но это не «забавы» извращенцев-маньяков, а магия плодородия! Силой крови и любви, «смертию смерть поправ», бог оживал сам и оживлял природу, обеспечивал урожай. А значит, спасал людей от бедствия — голода.

В Италии этому богу соответствовал Марс — бог не только войны, но и плодородия. В Скандинавии — бог солнца и плодородия Фрейр. В иранском мире — герой-мученик Сиявуш. В Индии многие его черты перенял Шива, в котором греки узнавали своего неистового Диониса. Они же называли «Дионисом Гелонским» бога, почитавшегося на Ворскле ираноязычными гелонами — ближайшими соседями праславян (скифов-пахарей).

Веселый бог, казалось бы, во всем противостоит богу солнца. Один сеет разгул и хаос, другой — утверждает порядок, гармонию, справедливость. Но оба они — боги света и жизни, противостоящие тьме, разрушению и смерти. Недаром греки считали Аполлона небесным Солнцем, а Диониса — подземным.

У славян веселый бог звался Ярила. Имя это, известное русским, белорусам и сербам, в письменных источниках появляется поздно — в 1765 г. («Житие Тихона Задонского»), это, конечно, не значит, что самого культа до XVIII в. не было: соответствующий Яриле западнославянский Яровит известен в источниках XII в. Просто церковь воевала в первую очередь с бывшими государственными культами (Перуна, Даждьбога и т. д.). Культ же Ярилы был преимущественно простонародным. Корень «яр-» у славян означает весну, хлеб, молодых животных, страсть, половую силу, гнев.

В середине весны, когда земля и деревья одевались в зеленый наряд, славяне праздновали встречу Ярилы. А в конце весны и в начале лета — его проводы-похороны. Первый обряд сохранился у белорусов во времена Древлянского и справлялся 27 апреля. Второй же отмечался в Средней России (от Твери и Костромы до Воронежа и Тамбова) с большим разбросом во времени: от Троицы до первого воскресенья или понедельника после Петрова дня (29 июня). Древний праздник старались отметить до Петровского поста или после него. Местами день Ярилы слился с Купалой, или же отмечали «молодого» и «старого» Ярилу (16 и 22 июня). Напомним, что тогда же, в начале лета, справлялись проводы Весны-Лады-Костромы. Обряды же, связанные с чествованием березы, совершались в Семик — четверг седьмой недели после Пасхи (за три дня до Троицы).

Б. А. Рыбакову удалось, однако, установить языческий срок дня Ярилы (Семика). В расшифрованном ученым календаре IV в. на кувшине из Ромашек знаком молодого деревца отмечен день 4 июня. Именно в этот день, по свидетельству А. М. Горького, в Нижнем Новгороде провожали Ярилу, скатывая с горы огненное колесо. В тот же день справляли праздник Яровита поморяне. Тогда же, вероятно, провожали и Ладу.

Белорусы, по Древлянскому, представляли Ярилу прекрасным молодым всадником на белом коне, в белом плаще, с венком на голове. В левой руке его — снопик ржи, в правой — человеческая голова. (Очевидно, ему, как и Ради-госту, приносились человеческие жертвы.) 27 апреля в поле встречали девушку-всадницу, наряженную Ярилой, и пели песню:

Волочился Ярила Да по всему свету: Полю жито родил, Людям детей плодил. А где ж он ногою, Там жито копною, Где он ни взглянет, Там колос зацветет.

Интересно, что существует подобная песня о Козе или Козле («Где козел ходит/Там жито родит»). В Греции козел — обычный спутник Диониса, а девушка-Ярила напоминает Диониса, изображавшегося в женской одежде.

Если встреча Ярилы проходила вполне пристойно, то проводы-похороны его по части разгула немногим уступали Купальской ночи. «Он (Ярила) любовь очень одобрял»,— объясняли сами праздновавшие. К пляскам, попойкам и любовным вольностям добавлялись кулачные бои, порой

https://RodnoVery.ru

кончавшиеся смертоубийством. Ярилу изображал человек (в Воронеже) в бумажном колпаке, увешанный бубенчиками.

В то же время уходящего Ярилу представляли стариком. Место игрищ называли «Ярилиной плешью». Чучело Ярилы хоронил старик, или же водили хоровод вокруг старика. Либо по полю катали парня в вывороченной шубе, что напоминает русский обычай катать священника по полю со словами: «уродился сноп, толстый, как поп». Молодой или старый, Ярила сообщал земле свою неистощимую плодородную силу.

Суздальский летописец Ананий Федоров (1754 г.) сообщал о почитании в его городе богов Яруна, Пиная и Облупы. Первый, несомненно, Ярила, а остальные два, видимо, покровительствовали пьянству («пияный») и обжорству («облопаться»). По свидетельству Саксона Грамматика, у славян считалось делом благочестия наесться и напиться на празднике сверх меры: верили, что тогда через год будет такое же изобилие. На Украине Яриле соответствовал Коструб (Кострубонько). Имя его, видимо, родственно имени Костромы. Чучело Коструба с подчеркнутыми мужскими половыми органами хоронили (сжигали или топили) в первый понедельник Петрова поста. При этом женщины оплакивали усопшего, в откровенных выражениях восхваляя его сексуальные достоинства, а мужчины отпускали непристойные шутки. Оплакивание сменялось веселыми песнями и хороводами и сопровождалось молитвами Земле и Солнцу об урожае. Память о веселом боге сохранилась у украинцев и в песнях о Джуриле (Журиле).

Шел Джурило ледом,
Нес горилку с медом.
Сын, Джурило, сын,
Не топчи моего ячменя.
Куда Журило шел,
Там ячменек взошел,
А куда Ксеня пошла,
Там пшеничка взошла.

Русские иногда изготовляли глиняные фигуры Ярилы и Ярилихи, которые затем разбивали и бросали в воду. А на Семик чествовали ряженых Семика и Семичиху. Кто же эта спутница Ярилы? Судя по имени, его супруга. Скорее всего это не Лада, а Леля — юная богиня весны, о которой речь впереди.

В русском охотничьем заговоре белый муж Жубрило на белом коне загоняет дичь. С охотничьими функциями Ярилы (Георгия) мы еще встретимся.

У западных славян Яриле, как уже сказано, соответствует Яровит, почитавшийся в Вольгасте (Волегоще) в Поморье и у гаволян на нижней Шпрее. Имя его означает «весенний (ярый) свет». Он был богом войны, и в его храме висел священный золотой щит. «Житие Оттона Бамберг-ского» описывает, как жрец в Вольгасте выдал себя за бога (очевидно, Яровита). Одевшись в белое, он предстал перед крестьянином и сказал: «Я — твой бог. Я покрываю всходами поля и листьями леса. Плоды полей и деревьев, приплод скота и все, что служит нуждам людей, в моей власти. Это я даю только моим почитателям...». Услышав от «бога» приказ убить немецких миссионеров, крестьянин тут же прибежал в город, и «просветители» еле унесли ноги от язычников, уверенных, что бог покарает их неурожаем за измену отеческой вере. Веселый и разгульный праздник Яровита справлялся гаволянами 4 июня.

В одной из церквей Вольгаста сохранилась плита с фигурой человека с копьем. Считают, что это изображение Яровита. В соседнем городе Волине (Юлине) почиталось старое копье, прикрепленное к деревянной колонне и принадлежавшее будто бы... Юлию Цезарю. Епископ Оттон приказал волинцам не почитать «ни самого Юлия, ни копье Юлия». «Апостол Померании» был не книжником, а практиком. Что же это за «Юлия» почитали поморяне? Быть может, какой-нибудь оборотистый римлянин на Янтарном пути сбыл их легковерным предкам копье, якобы принадлежавшее божественному императору. Возможно также, что они как-то соотносили Юлия и его копье с Яровитом. По крайней мере, копье — обычный атрибут св. Георгия, заменившего, как увидим, Ярилу-Яровита.

Обряды, подобные встрече и проводам Ярилы, известны и другим славянам. 23 апреля, в день св. Георгия, хорваты и словенцы встречали Зеленого Юрия — ряженого, покрытого зеленью. Он ходил со свитой, прыгал, раздавал зеленые ветки. Верили, что это принесет хороший урожай. В Лазареву субботу (перед Вербным воскресеньем) у сербов и македонцев ходили девушки-«лазарицы» во главе с Лазарем и Лазарицей и плясали с саблями. У западных славян на Троицу ходили «король» и «королева» со свитой (у мораван — из всадников в женской одежде). У чехов и словаков этот обычай зовется «Летницы», у словаков также «Турицы» и «Русадла». Чехи при этом разыгрывали осуждение и казнь «короля». У сербов и хорватов также ходили «краль» и «кралица» со свитой, вооруженной саблями.

Отметим особую роль в этих обрядах «амазонок», что напоминает всадницу-«Ярилу».

Австрийцы 23 апреля водили «Зеленого Георга», а затем «охотились» на него, «убивали» и «хоронили». Другие германские и романские народы, а также венгры справляли близкие обряды 1 мая: чествовали майских «короля» и «королеву», водили «Джека в зелени», охотились на «дикого человека». На Троицу тоже встречали «короля» и «королеву» («жениха» и «невесту»), «зеленого короля». Немцы топили

https://RodnoVery.ru

чучело Пфингстля (Троицы). Из всех этих весенних персонажей Ярила, пожалуй, наиболее сохранил облик языческого бога.

Столь же язычески выглядит почитаемый у болгар, восточных сербов и румын Герман (Калоян, Скалоян). Обряд в его честь справлялся 23 апреля, 9 мая, 12 мая (день св. Германа), 24 июня, чаще всего — в случае засухи или затянувшихся ливней. Изготовляли глиняное чучело мужчины с огромным половым органом, в шапке из красного пасхального яйца, в красной или алой одежде. Клали его в гроб, оплакивали и погребали на берегу, а на 3-й, 9-й или 40-й день выкапывали и бросали в воду. Участвовали в обряде преимущественно женщины. Если хотели вызвать дождь, пели: «Умер Герман от засухи ради дождя». Если же надо было прекратить ливни — то наоборот: «Умер Герман от дождя ради засухи». Иногда делали и второе — женское — чучело. В «похоронах» участвовала «мать», «сестра» или «вдова» Германа. Сам он в песнях изображается мальчиком-сиротой или неженатым парнем (реже — женатым мужчиной), крестьянином (пахарем, пастухом, виноградарем).

Культ Германа распространен на землях древних фракийских племен (гетов, даков и др.). Поэтому исследователи видят в нем фракийское божество. Иногда его именуют Иван, Иванчо, а обряд приурочивают к 24 июня. Следовательно, славяне отождествляли фракийского бога с купальским Иваном (то есть Даждьбогом). Но больше всего сходства у Германа с Ярилой.

Ярила-Яровит-Герман — бог не только плодородия и растительности, но и солнца, света. Белый конь был посвящен Солнцу у иранцев и славян: на колеснице с белыми конями ездит Митра в Авесте и Солнце в сербских песнях. Скатывание горящего колеса с горы (в частности на Купалу) символизировало уход солнца в подземный мир. Золотой щит, видимо, также символ солнца: св. Георгий на древнерусских иконах изображался с солнцем на щите.

У веселого бога было несколько древних звериных обликов. Один из них — Тур. Русские на Семик исполняли песню о «Туре, молодце удалом», который вызывал девицу «на зеленой травке поборотися», но сам был ею побежден. При этом две девушки изображали Тура и его победительницу. Эротический смысл песни-игры ясен, как и связь ее с магией плодородия. Не было ли у славян чего-то подобного критским играм с быком? У словаков, как уже сказано, Турицами именовалось чествование троицкого «короля» с «королевой», а галичане называли Турицами Семик. Игра в «тура» известна и украинцам. В сопровождающей ее песне Тур считает своих жен, ловит одну из них и сдирает с нее кожу. В культе веселого бога любовь соседствовала с кровью.

На горе над озером у Галича (костромского), по преданию, находилось Турово капище. А церковь Бориса и Глеба на киевском Подоле именовалась в XII в. Туровой божницей.

В XVI—XVII вв. церковники кляли справляющих «игры туры» и поминающих в святочных песнях «некоего Тура-сатану». Украинцы водили по дворам на Святки «тура» — бычка, и хозяева радостно встречали его как гостя, несущего дому изобилие. В Дубровнике носили «турицу» — маску в виде кобыльей головы со щелкающей челюстью. Поляки на Святки и Масленицу водили «туро-ня» — быка (его изображали двое ряженых) и разыгрывали его убийство и воскресение. А украинские и польские колядки воспевали «дивного зверя тура-оленя» с сияющими золотыми рогами.

Этот святочно-масленичный Тур мог быть связан не с весенним Ярилой, а с Даждьбогом — златорогим оленем и победителем быка. Но и здесь дикий бык, могучий и плодовитый, воплощает изобилие, солнце и победу жизни над смертью.

Священными животными эллинского Диониса были бык и леопард. В святилище Диониса Гелонского найдены глиняные фигурки быка и рыси. А в Древней Руси были распространены «коньки смоленского типа» — амулеты в виде своеобразного животного с ушами рыси, головой волка (или коня), лапами и хвостом кошачьего хищника и конскими копытами. Шкура его покрыта пятнами в виде солярных знаков. Столь же своеобразен зверь на владимиро-суздальских рельефах, прозванный исследователями «парду-сом» (гепардом): с волчьей головой, гривой, длинным хвостом и пятнистой шкурой. Волки, как мы увидим, подчинялись св. Георгию. Звери, посвященные одному и тому же богу, легко сливались в одно диковинное существо.

В христианские времена Ярилу заменил св. Георгий (Егорий Храбрый, Юрий). Этот воин-мученик, пострадавший при Диоклетиане, получил огромную популярность в христианском мире, видимо, потому, что к его образу привязали древний змееборческий миф. Георгий, подобно Персею, убивает дракона и спасает царевну, обреченную в жертву чудовищу. У славян к тому же его праздник (23 апреля) почти совпал с днем Ярилы (27 апреля).

Лужичане величают Георгия «богом с небес». В русских заговорах он — на белом коне, в белой одежде, с белой бородой, в золотом венце; сходит с неба по золотой лестнице, неся 300 золотых стрел и луков, разит нечисть пламенным копьем и стрелами, сгоняет дичь шелковой плетью. Белорусы считали его коня золотым. В хорватских же песнях Зеленый Юрий едет на зеленом коне и приносит урожай. А в русских духовных стихах «Егорий светло-храбрый» предстает космическим божеством света: руки его по локоть в золоте, ноги по колена в серебре, во лбу солнце, на затылке месяц, в косах звезды. В болгарской же песне его шапка — солнце, плащ — месяц, перстень — звезда. На русских иконах его изображают, подобно Яриле, на белом коне. На одной иконе XV в. у него щит с ликом Солнца.

Георгия почитали как покровителя земледелия, скотоводства (особенно коней), охоты. Девушки просили у него женихов. Верили, что весной он отпирает небесным ключом землю, росу, небесный свет, или

https://RodnoVery.ru

рай. Русские говорили, будто есть царство, где люди умирают на зиму и воскресают в Юрьев день. Змееборство его несет крестьянам изобилие: в сербской песне из убитого змея текут три реки — пшеничная, винная и молочная.

Русские и македонцы считали Георгия громовником, наравне с Ильей и Михаилом. В украинских поверьях он управляет фазами луны с помощью заслонки, в польских — играет на скрипке, сидя на месяце. Георгий (Ярила), воин и труженик, легко перенимал, таким образом, функции и Перуна, и Велеса.

Подобно Велесу, Георгий был хозяином зверей, особенно змей и волков. Верили, что волки — «хорты» (псы) Егория, что они вымаливают себе воем у него пропитание и могут съесть только «обреченную» им скотину. Водит же волчьи стаи его помощник — «волчий пастырь».

В русских духовных стихах сохранился миф о Егории, практически не связанный с его житием и лишь слегка христианизированный. «Царище Демьянище» (Диоклетиан) живьем хоронит Егория в погребе-могиле и уводит в неволю его трех сестер. Через 30 лет святой выходит наружу и едет на поиски их. По одному его слову останавливаются «толкучие» горы, расступаются дремучие леса, расходятся бурные реки. Наконец, он находит сестер — обросших шерстью и древесной корой, пасущих стадо звериное и змеиное. Егорий возвращает сестрам человеческий облик, а зверей и змей рассылает по лесам. Наконец, он сражает в бою Демьянище.

Все эти подвиги Егорий вершит вроде бы во имя Христовой веры. Только что же в них христианского? «Воину Христову» положено терпеть мучения и молиться за своих мучителей. А здесь молодой бог-воин, бог земледельцев и скотоводов, воскресает из мертвых и преобразует дикую природу. И разворачиваются его подвиги не на Ближнем Востоке, а на земле Свято-Русской. Такие мифы слагали те, кто не только охотился в лесах Восточной Европы, но и расчищал их под пашню, расселяясь на север и восток и раздвигая тем самым границы славяно-русского мира. А мир леса здесь — мир хаоса и дикости, повелитель же его Демьянище, скорее всего, не древний Велес, а Чернобог. Он еще может бесчинствовать зимой в своем лесном царстве, но весной наступает время воскресшего Ярилы. Скотину выгоняют на пастбище, лес вырубают под посевы и — держитесь, древние, темные боги! Словенцы, водя Зеленого Юрия, пели:

Зеленого Юрия водим,
Масло и яйца просим,
Ежи-Бабу прогоняем,
Весну рассыпаем!

Вполне возможно, что у славян существовал миф, подобный мифу о Персее, и героем его был именно Ярила. Во всяком случае, этот сюжет присутствует в восточнославянской сказке о двух братьях (см. следующую главу) и в популярной в XVII—XVIII вв. лубочной повести о Еруслане Лазаревиче. Этого богатыря литературоведы считают заимствованным из Ирана Рустамом, сыном Заля (Заль-зера). Между тем далеко не все эпизоды повести находят соответствие в «Шахнаме».

Так, Еруслан, помимо подвигов, усердно ищет по свету царевну, краше которой нет. Переспав для начала по очереди с тремя царевнами-кочевницами, он приезжает в Индийское царство за царевной Анастасией Вахрамеевной. Спасает ее от трехглавого змея, женится на ней и... бросает в первую же брачную ночь, узнав, что царевна Солнечного града еще краше ее. Добыв эту царевну, живет в том граде, пока под стены его не приходит выросший сын Еруслана и Анастасии. В бою отец узнает сына по перстню и возвращается к его матери (в «Шахнаме» и былинах об Илье Муромце бой отца с сыном завершается трагически — гибелью сына).

Немецкий епископ Адельгот в 1108 г. описывал полаб-ский культ бога Припегалы, которого он отождествлял с Приапом и «бесстыдным» Белфегором. Почитатели этого бога приносили ему в жертву головы пленных христиан, восклицая: «Побежден Христос, победил Прилегала по-бедоноснейший!». Этот «Прилегала», очевидно, Припекала, то есть бог жаркого солнца. Приап — римский бог плодородия, изображавшийся с огромным половым органом. Белфегор (Баал горы Фегор) — также божество плодородия (семитическое). Человеческие головы приносились в жертву Радигосту и Яриле. Таким образом, в этом боге солнца, плодородия и войны нетрудно узнать Ярилу.

На полотенце из Сибирской губернии изображены всадник на коне, отмеченном солярными знаками, и обезглавленный крылатый дракон. Между ними — женская фигура. Перед нами явная иллюстрация к мифу о змееборце типа Персея. Только на коне сидит... крылатая женщина. Но это-то и доказывает, что речь идет о Яриле: вспомним изображающую его девушку в белорусском обряде!

По некоторым данным можно восстановить родословную Ярилы. В сербской песне Юрий и Илья — братья Огненной Марии. Но если Ярила — брат Перуна (сына Сварога — см. выше), то они оба, подобно Даждьбогу,— Сварожичи. Тогда, быть может, эти три Сварожича и есть три брата из сказок «Три царства» и «Бой на Калиновом мосту»? А мать Егория в духовных стихах носит имя Софии Премудрой. В православной традиции София-Премудрость Божия — сближается с Богоматерью как ее земным воплощением. В Софии Киевской на самом видном месте находится изображение Богоматери-оранты, у всякого язычника вызывавшее ассоциацию с Ладой. Очевидно, Лада и была матерью Ярилы (как и остальных Сварожичей).

https://RodnoVery.ru

Ярила, в отличие от Перуна и Даждьбога, далеко не образец добродетели и не суровый каратель грешников. (К разгулу, впрочем, склонны все трое, хотя и в разной степени.) Но он не жесток и не зол, хотя и требует порой человеческих жертв. Когда надо, веселый бог готов сразиться с силами тьмы и даже отдать жизнь — чтобы потом непременно воскреснуть. В общине славянских богов он — воин и труженик (земледелец, пастух и охотник). Ярила не претендует на верховную власть земную или небесную. Но обязанности свои исполняет добросовестно, легко и весело.

https://RodnoVery.ru

Близнецы – всадники

(Лель и Полель, Перун и Даждъбог, Даждьбог и Ярила, Борис и Глеб, Флор и Лавр.)

По всему миру распространены мифы о двух братьях-близнецах. Индоевропейцы, первыми в мире приручившие коня, представляли их в виде двух молодых всадников. Это — индийские Ашви-ны, греческие Диоскуры, германские Хенгест и Хорса, балт-ские Сыновья Бога, иранские Хаурватат и Амеретат. Сестрой (часто и супругой) их была солнечная дева — индийская Сурья (или Заря-Ушас), греческая Елена, германская Ровена, балтская Дочь Солнца, иранская Анахита. Братья и сестра обычно связаны со светом — солнцем, звездами, зарей. Подобно Солнцу, они передвигаются то на конях, то в лодке, связаны с лебедями и другими птицами.

Братья близки и добры к людям, всегда готовы помочь в беде. Они — герои и воины, но также целители и божества плодородия.

Между близнецами есть и различия. Один более связан с днем, другой — с ночью и смертью. (Например, Полидевк (Поллукс) бессмертен, Кастор — смертен.) Один — преимущественно воин, второй — мирный труженик.

У славян (поляков) эти боги звались Лель и Полель. Впервые их упоминает Мартин Кромер и отождествляет с Кастором и Поллуксом. Меховский добавляет, что их мать — Лада, и усматривает в ней Леду, мать Диоскуров. Это же повторяют Вельский и Стрыйковский. Меховский говорит также о трех разбитых каменных идолах, лежавших в церкви Троицы в Кракове, но, к сожалению, не называет их имен.

Между тем польские проповедники XV в. говорят о божествах Ладе и Леле, Длугош же отождествляет Ладу (Ладо) с Марсом, а Дзидзилелю (Лелю) — с Венерой. В лысогорской легенде фигурируют божества Ладо, Вода и Лели (Леля?). Ни о каком Полеле речи нет. Однако всем этим авторам источником служили обрядовые троицкие и майские песни. Кромер же и Стрыйковский говорят, что Леля с Полелем поминали в застольных песнях. Вероятно, на весенних праздниках поляки славили Ладу (Великую Богиню), а на пирах — Леля и Полеля.

А. Брюкнер иронически замечает, что Лель с Полелем пришли на славянский Олимп прямо из корчмы. Что ж, выпить и погулять языческие боги и их почитатели действительно любили. В песнях (не только пьяных) у поляков известен припев «лелюм-полелюм», «лели-полели», у русских — «люли-полюли», у сербов —- «полялом-ля-лом». У польских писателей XVII в. выражение «лели-полели» означает беззаботное отношение к жизни. Его употребляют, например, говоря о шляхтиче, пропивающем имение; или о тех, кто надеется без труда получить царство небесное. В словацкой песне беспутного брата порицают словом «лало», а подобную ему сестру — «лойда». (Об этом уже говорилось в связи с Ладой.)

Не без влияния церкви образ веселых богов стал демо-низироваться. В книге «Порядок права чертовского» (1570) черт Кофель («Кубок»), напившись, зовет чертей Леля и Полеля. У галичан черт зовется «дщько», «Лелек». По-чешски *lelkovac* — «оглядываться», *lelka* — «слепая птица», *dedkovac* — «оглядываться», «беситься». Возможно, Лель, подобно Дионису, мог насылать хмельное безумие.

Все же, как будет показано в главе о богине Леле, имена ее и Леля, родственны главным образом словам, связанным с семейными отношениями и материнской лаской. «Полель» же означает просто «после Леля», то есть младший брат Леля.

Оригинальные сведения о братьях-богах есть у Про-коша-Диаментовского. Он сообщает, что белокаменные идолы Леля и Полеля стояли в Кародуне (Кракове), и им приносили в жертву поросят. При этом Леля почитала только знать как защитника свободы, посланного богами Тржи и Живе, а Полеля — весь народ как хранителя Родины. Действительно, связь богов-близнецов со знатными воинами и простым народом — общеиндоевропейская черта. Так, в испанской легенде крестьянка рожает одного близнеца от рыцаря, другого — от своего мужа. Первый становится героем Сидом, второй — простым землепашцем.

Прокош говорит также, что Лель, подобно своему предку Скифу, имел герб в виде полумесяца рогами кверху. В Польше существовал герб Лелива: золотая звезда над полумесяцем рогами вверх, в нашлемнике — то же на фоне павлиньего хвоста. Эта эмблема — древний символ солнца и луны, восходящий к ахеменидскому Ирану. А хвост павлина — древнегреческий символ звездного неба («глаза Аргуса»). Лель, таким образом, подобно Радигосту, Дан-Богдану, Яриле, Митре, бог света и всех небесных светил.

На знаменитом скифском гребне из Солохи два воина, конный и пеший, бьются с третьим. Он уже потерял коня и с трудом отбивается, прикрываясь щитом в виде полумесяца рогами кверху. Как обоснованно считает Д. С. Раевский, это — Колаксай-Скиф, гибнущий в бою с братьями.

Российские авторы XVIII в., рассматривая Ладу (вслед за «Синопсисом») как богиню брака и любви, видели в ней Венеру, а в ее сыне Леле — Амура (Эрота). Отсюда и Лель — легкомысленный и любвеобильный пастушок в драме А. Н. Островского «Снегурочка».

Впрочем, подобный юный бог любви у славян, похоже, был. У Древлянского описан Любмел — персонаж белорусской свадьбы. Это мальчик в белой рубашке, красном венке и красных сапожках. Он танцует с молодыми, дает им еду и деньги. Литовцы почитали богиню любви Мильду и ее сына Кауниса — крылатого человечка. По сути, это тот же юный и веселый бог, сын Великой Матери, подобный Яриле.

https://RodnoVery.ru

Восточным славянам Лель и Полель неизвестны. Но близнецов-всадников почитали и здесь. Об этом говорят, во-первых, народные вышивки, во-вторых, очень популярные на Руси культы святых всадников — Бориса и Глеба, Флора и Лавра.

На вышивках богиня стоит между двух приветствующих ее всадников. В скифском, боспорском и дако-сарматском[33] искусстве такая сцена (чаще с одним всадником) означала получение царем власти от богини. Царь при этом уподоблялся богу (Колаксаю-Скифу). Сам обряд инвеституры состоял в питье из рога в честь богини и как бы совместно с ней.

Славяне, однако, переработали по-своему древний сюжет. Б. А. Рыбаков выделяет два типа вышивок. На одних вышивках богиня в высоком головном уборе замужней женщины, с воздетыми руками. Всадники — женщины, кони их иногда запряжены в сохи или бороны. На других — богиня без головного убора, с опущенными руками. Всадники — мужчины, у обоих кони отмечены солярными знаками. Первая композиция связана со встречей весны («Приехала Весна на сошечке, на боронечке»), в то-рая — с солярным праздником Купалы. Первая, видимо, представляет Ладу-Весну и двух ее дочерей. Вторая близка к общеиндоевропейской: солнечные братья-всадники и их сестра-супруга.

В обоих случаях всадники совершенно одинаковы. Другое дело — иконы с парными святыми-всадниками. Если Борис и Глеб — святые чисто русские, то Флор и Лавр в Византии на конях никогда не изображались, и такие их иконы в России даже осуждались церковью.

Святые-всадники на иконах либо едут рядом, либо (Флор и Лавр) стоят по бокам архангела Михаила, напоминая этим богиню с «прибогами» на вышивках. Левый всадник (Борис, Флор), как правило, бородат. Правый (Глеб, Лавр) — безбород. Кони у святых почти всегда разной масти, а одежда (плащи) разного цвета. У левого плащ чаще красный, конь зеленый или темный (черный, синий, сине-черный, темно-гнедой), изредка белый. У правого плащ чаще темный или зеленый, конь — красный или белый.

Иногда всадники различаются как воин и священник. На иконе XV в. из Третьяковской галереи Флор держит копье, Лавр — крест. На другой иконе рядом с Флором стоит святой воин (Георгий), рядом с Лавром — св. мученик Кирилл с Евангелием в руках. Иконописный «подлинник» XVII в. предписывал изображать Бориса вооруженным, а Глеба — безоружным.

Какие же языческие боги скрываются за братьями-святыми? Не Белбог и Чернобог, хотя им и были посвящены белый и черный кони. Этим владыкам мира соответствуют не святые, а Бог и Сатана. Значит, кто-то из младших богов (Сварожичей)? Перун бородат и немолод, Даждьбог (Зо-ревик, Божич) и Ярила чаще представляются молодыми. Конь Ильи Муромца — темной (бурой) масти, конь Ильи-пророка (в духовных стихах) — белый. Конь же левого всадника преимущественно цвета грозовых туч, редко — белый. Кони Солнца в славянском фольклоре — красные или белые, кони Ярилы и Георгия — белые. Ладожская фигурка Перуна — из красного дерева. Юрий (то есть. Ярила) у хорватов — «зеленый», на зеленом коне.

Можно, следовательно, предположить, что левый всадник — Перун, а правый — Даждьбог или Ярила. Что такая пара богов на Руси действительно существовала — тому есть прямые подтверждения. На Збручском идоле справа от Великой Богини стоит бог-всадник с мечом (Перун), слева — богиня зари и безоружный солнечный бог. Уже говорилось о псковских идолах «Корса» (громовника-змееборца с мечом) и «Услада» (безоружного с крестом). Крест у русских язычников был связан с солнцем (судя по крестам-амулетам с солярными знаками)[34].

Однако на иконах старший всадник (предполагаемый Перун) стоит слева от Михаила, а младший (предполагаемый Даждьбог) — справа. Но ведь Михаил, по народным представлениям,— громовник. Не случайно он одет, подобно старшему всаднику, в красный плащ. Вероятно, здесь он заменяет не богиню, даже не Перуна, а старшего громовержца — Рода (красный цвет — «родрый», «ръдя-ный»). Слева, то есть по правую руку, «одесную» центрального персонажа, оказывается бог, более близкий ему по духу; по левую же руку, «ошую»,— менее близкий. Естественно, владыке грома ближе воинственный Перун, Великой Матери — более мирный Даждьбог.

На ряде икон Борис и Глеб стоят пешие по бокам своего отца Владимира либо св. Николая. В «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора-летописца сохранена легенда, в которой Борис, Глеб и Николай являются в виде трех всадников, причем братья называют святого своим отцом. Николай, «наследник» Бога, как показано выше, заменил языческого Сварога.

Итак, божественные братья-всадники — это Перун и Даждьбог (или Ярила)[35], в языческом «чине» сопровождающие Ладу, Рода или Сварога. На вышивках же выступают две дочери Лады в «весенней» композиции или два солнечных бога (видимо, Даждьбог и Ярила) — в «летней».

---

[33] В римских крепостях на Дунае были распространены языческие иконки-таблички. Среди их почитателей могли быть даки, сарматы и другие «варвары» (не исключая славян). В этой же среде процветал митраизм.

[34] Примечательно, что болгарские русальцы носят на одежде знаки креста, но во все время Русалии не крестятся по-христиански и не молятся.

[35] *Солнечный бог-жрец* — скорее Даждьбог, строгий и праведный, чем непутевый Ярила. Среди даров Колаксая — чаша, атрибут жреца.

https://RodnoVery.ru

Был ли прав В. А. Городцов, усматривавший в славянском «чине» иранское (скифо-сарматское) влияние? Или же дело здесь в общем индоевропейском наследии (Ашвины и Сурья, Диоскуры и Елена и т. д.)?

На скифских изображениях (от Крыма до Алтая) всадник, обычно вооруженный, стоит «ошую» богини — точно так же, как на Збручском идоле. На пластине от головного убора скифской жрицы из кургана Карагодеуашх «ошую» богини сидит воин с луком у пояса и рогом в руке, «одесную» — женоподобный жрец с ритуальным сосудом. Богиня вручала власть царю-воину, но ближе ей все-таки был мирный жрец.

На диадеме из Сахновки на Роси, в земле скифов-пахарей, справа от богини — бородатый воин с секирой и рогом и слуги, готовящие еду и питье, слева — безбородый и безоружный персонаж с факелом (жрец?), два побратима (пьющие вино из одного сосуда) и жрец (приносящий в жертву барана и человека). Здесь представлено все скифское общество — жрецы, воины, простые труженики. При этом жрецы стоят «одесную» богини, воин и слуги — «ошую». И на украинских иконах XVII в. справа от Богоматери стоят цари, гетманы, казаки, слева — духовенство.

На Збручском идоле рог в руках богини украшен изображением ромба. Именно такая накладка в виде «ромба с крючками» — древнейшего символа плодоносящей земли и ее богини — есть на священном роге из Черной Могилы. Вспомним обряд с рогом в Арконе. Вероятно, черниговский князь-жрец тоже «пил на брудершафт» с Великой Богиней (как арконский жрец — со Святовитом), но вкладывал в этот обряд смысл получения власти от богини.

У осетин старший всегда едет справа от младшего — так же, как на иконах со всадниками.

На изображениях в митраистских храмах Митру сопровождают два юноши — Каут (с поднятым факелом) и Каутопат (с опущенным). На фресках Митра в красном плаще, «одесную» его — Каут в красной одежде, «ошую» — Каутопат в зеленой. (Все — как на иконах с Михаилом, Флором и Лавром.) На древнерусской миниатюре из Хлудовской псалтыри слева стоит вечерняя Заря (в зеленом), справа — утренняя (в красном с поднятым факелом); между ними — солнце. Каут — это солнце, огонь, бесплодный (сухой и холодный) сезон, дух; Каутопат — луна, вода, земля, вегетативный сезон, материя. Первый более воинствен: он и Солнце смотрят прямо на Митру, убивающего быка, а Каутопат и Луна отворачиваются.

В Авесте Митру сопровождают его братья: Рашну — справедливый судья и Сраоша — воин-жрец, крушащий палицей драконов и дэвов наподобие громовника. Рашну идет «одесную» Митры. У могучего змееборца Кересаспы тоже есть брат — мудрец и законодатель Урвахшая.

Вся эта система восходит к общеиндоиранским временам. Во II тыс. до н. э. царями и воинами-колесничими в царстве Митанни на севере Месопотамии были индоарии. На печати миттанийского царя Шаушшатара (XV в. до н. э.) изображена богиня со зверями. Слева от нее — бог, убивающий быка (Митра), справа — бог, с рук которого стекает река (Варуна). Ниже богов — два героя, борющиеся со львами (видимо, соответствующие Кауту и Каутопату). Рядом с левым героем — звезда. Митра и Варуна — братья, сыновья Адити. Первый связан с солнцем, днем, жреческим сословием. Второй — с луной, ночью, водой, сословием воинов. Варуну сближали и даже отождествляли с громовником Индрой. Митра добрый и дружественный к людям, Варуна — мрачный, гневный, карающий. У славян этой паре соответствуют Даждьбог и Перун (хотя Варуна во многом близок к Велесу).

Славяне, таким образом, охотно перенимали у своих иранских соседей то, что освящало царскую власть и сословный строй. Но перенятое у скифов, сарматов или дунайских митраистов накладывалось на общеиндоевропейские представления о близнецах-всадниках и трех сословиях.

Вернемся теперь к Лелю и Полелю. Иранских черт у этой пары почти нет (только Аель напоминает Скифа-Колаксая), она больше сохранила древний индоевропейский облик. Это скорее не Даждьбог и Перун, а Даждь-бог и Ярила — два солнечных бога, княжеский и простонародный. Правда, из того, что мы уже знаем о трех Сва-рожичах, вытекает, что самый младший из них — Даждьбог, а самый старший — Перун, средний — Ярила. По-лель же (Ярила?) — младший брат Леля (близкого Даждьбогу). Но у славян, так же как у греков или индийцев, вполне могли бытовать разные варианты генеалогии богов. Даже в Библии соседствуют разные родословные Иисуса.

Когда Перун и Даждьбог выступают в паре, то первый из них воин, второй — жрец. В сюжетах же с тремя братьями Даждьбог (Зоревик, Сучич) — воин, Перун (Вечерник, Царевич) — царь-жрец, Ярила (Полуночник, Кухарчич) — труженик. Такие расхождения (связанные с борьбой сословий за власть) нетерпимы для рационального, научного мышления. Но не для мифологического, основанного на вере, традиции и эмоциях, а не на строгой и холодной логике.

Обратимся, наконец, к восточнославянской сказке «Два брата», явно сохранившей древний миф о богах-близнецах. В ней один из братьев, в духе Персея или Георгия, спасает царевну от змея и женится на ней. Ведьма (мать змея) превращает в камни змееборца и его помощников-зверей. Второй брат, узнав об этом, побеждает ведьму и оживляет брата. Тот, однако, вместо благодарности убивает своего спасителя, приревновав его к своей жене (принявшей за мужа его близнеца). Ошибка выясняется, и теперь уже змееборец воскрешает брата.

Два близнеца и их, фактически, общая жена — триада общеиндоевропейская (Ашвины и Сурья, Сыновья Бога и Дочь Солнца). Возможно, змееборец и спаситель царевны — Ярила, а его брат — Даждьбог.

https://RodnoVery.ru

Замечательна способность братьев воскрешать друг друга. Ведьма же, околдовавшая змееборца и его зверей, очевидно, зима-Яга.

Особенно интересен вариант, сохраненный А. Н. Афанасьевым (№ 155 в его собрании русских сказок) под названием «Два Ивана — солдатских сына». Один брат победил трех змеев и женился на спасенной от них царевне. Второй женился на царевне Настасье Прекрасной и звался с тех пор Иваном Царевичем. Охотясь на оленя и уток, он столкнулся с ведьмой (сестрой тех змеев). Она, оборотившись львицей, проглотила его. Брат-змееборец одолел ведьму и воскресил Ивана Царевича. Позже ведьма, оборотившись вом, растерзала братьев: одного в поле, другого в саду.

На скифской чаше из кургана Солоха изображен бой ух молодых конных скифов со львом и с чудовищной рогатой львицей. А Лукиан сохранил скифское сказание о побратимах Белите и Баете, одолевших льва, но павших в бою с ним. У скифов лев — символ не только солнца, но также смерти и нижнего мира. Очевидно, этот мотив борьбы со львами заимствован славянами от скифов.

Иван Царевич, муж Настасьи, как будет показано ниже (в главе о Моране),— тот же Даждьбог. А его брат-змееборец, видимо, Ярила. Гибель братьев напоминает растерзание и разбрасывание по полю чучела божества плодородия. Боги-близнецы должны были своей смертью обеспечить плодородие земли. Флор и Лавр, согласно их житию, были погребены в колодце. В мусульманских же легендах в колодце погребены были ангелы Харут, Марут— зороастрийские Хаурватат и Амеретат, божества здоровья и бессмертия, сменившие древних богов-близнецов. Очевидно, захоронение их в колодце тоже должно было принести земле плодородие.

Что мир устроен диалектически, первобытные люди знали задолго до Гераклита и Гегеля, но воспринимали его диалектику по-своему, по-первобытному. Всякое племя делилось на два рода или фратрии, предками которых обычно и считались божественные близнецы. Вот доисторические философы и распределяли все явления природы и общества по двум «родам», связанным с двумя богами. В развитой мифологии таких пар богов могло быть и несколько.

У славян на первом плане — роды Белбога и Черно-бога. Здесь сказалось влияние иранцев и урало-алтайиев. Но сохранилась и общеиндоевропейская пара младших бс гов, близнецов-всадников, близких людям. Они не стой однозначно добры или злы, как два владыки мира (хотя те тоже близнецы-всадники). Но именно эти младцше боги защищают в земном мире добро и правду, не дают Черно богу действительно стать владыкой Вселенной (завладеть землей и небом). Они порой далеки от морального совершенства. Однако именно от них, а не от всеправедного, но далекого Бога в первую очередь ждал народ помощи или наказания.

Близнецы-всадники (иначе говоря, три Сварожича) были тесно связаны с системой трех сословий. Надо заметить, что эта система изначально не освящала социального паразитизма. Она выросла из системы возрастных классов, согласно которой общество делилось на юношей-воинов, зрелых мужей-тружеников и стариков-мудрецов. Позднее эти занятия стали пожизненными и наследственными для определенных родов. Но все равно предполагалось каждый должен исполнять определенные обязанное! ред обществом; права же на безделье и тунеядство не никто — как не имеют его и сами боги.

https://RodnoVery.ru

Морана – богиня весны и смерти

(Маржана, Масленица, Марья Моревна, Настасья, Коляда, “Беллона”, Дирцея.)

Длугош впервые описал, как поляки выносили и топили чучела Маржа-ны и Дзеваны. Маржана — богиня плодородия, подобная Церере. Справляли этот обряд в четвертое (Смертное) воскресенье Великого поста, но хронист считал его воспоминанием о том, как при крещении Польши топили языческих идолов, что якобы происходило в день 7 марта. Видимо, здесь Длугош сохранил память о языческой дате праздника, ставшего в христианские времена подвижным. Именно 7 марта в Индии носили с факелами изображение богини смерти Кали и бросали его на берегу Ганга (этот важный факт приводит И. Га-нуш). Возможно, сам этот обряд и даже дата его (7-й день весны) — общеиндоевропейские.

Впоследствии данный обряд был не раз описан историками и этнографами. Длугош не упомянул лишь о том, что Маржану считали воплощением смерти. Чучело, звавшееся у поляков Маржаной, у чехов — Мареной (Марженой, Морженой, Мораной), у словаков — Мореной (Марму-реной, Киселицей), торжественно выносили, топили, сжигали или погребали. Нередко его звали просто Смертью (например у лужичан). «Матер верборум» отождествляет Морану с Гекатой. Словаки, помимо Мораны, носили еще и мужское чучело — Маржака (Смертяка); его несли парни, а Морану — девушки.

Кроме западных славян, выносили (изгоняли) Смерть только немцы, среди которых было немало онемеченных славян. В Лейпциге еще в XVIII в. публичные женщины выносили и топили чучела Маржаны и Дзеваны, считая, что это предохранит город от мора, а горожанок — от бесплодия. Что немаловажно, немцы понимали изгнание Смерти как борьбу Зимы и Лета.

У Гѐрлица (Горлицы) в Лужицах на горе Тодтенштейн (Камень Смерти) в начале XVIII в. сохранялся камень с углублением. Горожане шли сюда с факелами, втыкали их полукругом в особые лунки на камне. Некогда углубление служило столбовой ямой идолу, и пламя факелов озаряло его сзади и с боков. Участники обряда пели о том, что они вынесли Смерть и вернули Лето.

Словенцы в этот день топили или разрезали чучело Бабы, что напоминает обычай романских народов распиливать чучело старухи — воплощения поста.

Иногда обряд совершался в Вербное воскресенье, за неделю до Пасхи. В Силезии же «Маженку» выносили в масленичный понедельник, что сближает западнославянский обряд с русской Масленицей.

Морана, подобно Пятнице и Перхте, была, возможно, связана и с прядением. По окончании зимних посиделок-спрядок моравские девушки выносили и вешали на дереве чучело Пржадленки (Киселки). Словаки называли Мо-рану, в частности, Киселицей.

Казалось бы, все ясно: весной изгоняли злую богиню зимы и смерти (Ягу?). Почему же тогда Длугош считал ее Цереро́й? Лужичане, вынеся и растерзав чучело Смерти, тут же одевали снятую с него рубашку на деревце и торжественно вносили это новое чучело — «Лето» — в село. Мораване несли «Маичек» — деревце в лентах, снятых с Мораны, чехи — «Новое Лето» — сосну или ель с женским чучелом на ней. Мораване пели песню о том, как Смерть отдала ключи Юрию, и о молодой Краловне, «ободравшей» Смерть. Девушку-«краловну» здесь чествовали не только на Троицу, но и в Смертное воскресенье. А чехи пели о Смерти, отдавшей ключи от неба Юрию и Яну. Мрачная, смертоносная богиня на глазах превращалась в светлую, добрую богиню весны и плодородия.

Немцы также чествовали деревце-«Лето» или изображение Госпожи Солнца — воплощение лета. У шотландцев же зиму воплощала Кайлеах («старая женщина»), а лето — Бригита. 1 февраля, по одной легенде, отважный рыцарь освобождает Бригиту, заточенную Кайлеах; по другой — Кайлеах омывается в волшебном ручье и превращается в Бригиту.

В античном мире весной омывали изображения Кибелы (25 марта), Венеры (1 апреля), Геры. А германцы раз в год погружали в воду колесницу богини плодородия Нерты. Эти обряды вполне родственны *утоплению* Мораны.

У восточных славян обряд вынесения Смерти неизвестен. Но ему во многом соответствует разудалая Масленица. На неделе, предшествовавшей Великому посту, гуляли, ели и пили не меньше, чем на Купалу или Ярилу. (Зато сексуальных вольностей не было: зачем возбуждать плодородие земли, когда и зерно-то еще не посеяно.) Важное место занимали воинские игрища (кулачные бои, взятие «снежного городка»), символизировавшие борьбу лета с зимой.

В центре же всего празднества было чучело Масленицы. Его возили на санях, чествовали, а затем «хоронили»: разрывали и сжигали. При этом «похороны» старались сделать как можно нелепее и смешнее. Наряд чучела, одежда возницы, сани, сбруя — все было старое, негодное, рваное. Правил санями «чудный» старик, всячески потешавший добрых людей. А те вовсю шумели, плясали, глумились, часто непристойно, над «рваной старухой» Масленицей. Насмехаясь над воплощением смерти и зимы, славяне магически преодолевали ее губительную силу.

И в то же время на сани водружали столб, увенчанный колесом — символом солнца. Иногда этот столб служил мачтой поставленной на сани лодке, и тогда все сооружение напоминало солнечную ладью, как ее изображали, например, на скалах Скандинавии в бронзовом веке. Главным масленичным угощением были блины — также солярные символы. Известны глиняные славянские сковороды I тыс. н. э., отмеченные

https://RodnoVery.ru

косым крестом — знаком солнца. На них когда-то пеклись «солнечные» блины. Это все при том, что и кони, и ладья, и сани, и блины были у славян атрибутами похорон или поминок.

Масленица была праздником молодоженов. Они приезжали к теще на блины — а там их встречали куклы-чучела Масленицы и Масленика — не уродливые, как главное чучело, а забавные. Молодых катали на санях, заставляли целоваться при всех, а потом зарывали в снег и чуть погодя выкапывали, как бы изображая их смерть и воскресение. В Индии весной разыгрывали свадьбу Шивы и Парвати, затем топили и оплакивали их изображения. Парвати — это добрая ипостась смертоносной Кали.

Солнце и тьма, смерть и жизнь сливались в этом истинно русском празднике и в образах его божеств — Масленицы и ее супруга (вспомним Маржака и Маржану). При этом они мало похожи на Ягу с Чернобогом — злобных, вызывающих лишь отвращение.

Масленица вполне сродни западноевропейскому карнавалу. На Западе, в том числе и у славян-католиков, накануне Великого поста вовсю ели, пили и гуляли, а под конец сжигали, топили, судили, казнили олицетворение праздника. Только это олицетворение (Карнавал, польский За-пуст, чешский Масопуст, хорватский и словенский Пуст) — мужской персонаж типа Ярилы, обжора и гуляка. Часто его (в частности у поляков и чехов) отождествляли с античным Бахусом-Дионисом. Изредка рядом с ним появляется женский персонаж («подруга Бахуса» в Польше).

В Болгарии на Масленицу выступали дружины ряже-ных-кукеров: ярко и причудливо одетые, с оружием и деревянными фалами. Они изображали пахоту, разыгрывали бийство «царя» и воскрешение его «молодухой». Весь этот бряд должен был принести плодородие земле. Кукерские игры, по мнению этнографов, восходят к фракийскому культу Диониса.

И только у русских главную роль играет женское божество — Масленица, «сударыня», «честная», «широкая». Хотя рядом с ней — спутник-мужчина (Масленик). Кто же он? Общеславянский Ярила приходил в мир гораздо позже — в середине весны, а уходил в конце ее. Этим он отличался от захожего Бахуса (Запуста, Пуста и т. д.). Присмотримся, однако, внимательнее к польскому Запусту-ря-женому. Он — в высокой шляпе с лентами, вывернутом кожухе, с топором, увешанным колокольчиками, иногда — верхом на деревянном коне; величается «князем» и осыпает всех пеплом. Топор — атрибут Даждьбога-Колак-сая-Радигоста. С пеплом связан один из его сказочных ликов (Иван Попялов). Не Даждьбог ли был спутником Мораны-Масленицы?

Более уверенно судить об этом позволяют украинские и белорусские купальные обряды и песни. В них выступает пара: Иван (Ян, Ясь) и Марья (Марена, Марина, Ганна, У\яна, Катерина). Иван, как мы уже видели, соответствует Даждьбогу. А Марена? Изображающее ее чучело или деревце топят или сжигают. При этом поют, например, песню о Ганне (Анне), которая утонула, а тело ее превратилось в траву, калину, воду и рыб. Об этом объявляет людям мать Ганны. Имя это напоминает римскую богиню Анну Перен-ну — по преданию, карфагенскую царевну, утонувшую в реке и ставшую нимфой и женой речного бога. Ее праздник отмечали весной, 15 марта. А накануне, 14 марта, изгоняли Ветурия Мамурия, «старого Марса», воплощение зимы.

В представлении язычников подземный и подводный миры тождественны. Поэтому утонуть было то же, что уйти под землю. Но если тонула-уходила богиня плодородия — ее смерть оборачивалась на земле урожаем, обилием всего, что давали людям земля и вода.

Морана — дочь Весны-Купалы («Весна-весняночка, где твоя дочка Марьяночка?»). В ряде песен дочь Купал -ночки (Купалы) или Весны вьет венки, шьет в саду, гонит быков на пастбище, работает в огороде или саду, собирает ягоды.

А. С. Фаминцын предположил, что славянские Купала-Весна и Морана соответствуют греческим Деметре и Персефоне. Богиня-дочь, похищенная злым подземным богом, уходит в преисподнюю и возвращается лишь весной. Миф, аналогичный греческому, был у балтов. В нем Деметре (Церере), Персефоне (Прозерпине) и Аиду (Плутону) соответствовали богини Крумине и Ниола и хозяин преисподней Поклус. Пребывая в нижнем мире, богиня-дочь становится мрачной, смертоносной, старой. (Анну Пе-ренну тоже считали старухой, но при этом соблазнившей Марса.) Однако весной она снова становится молодой и прекрасной и несет земному миру радость и изобилие.

Но в купальских песнях нет подземного владыки. Зато есть герой, в греческом и балтском мифе отсутствующий — Иван (Даждьбог). Он и Марья в этих песнях — брат и сестра, совершившие инцест и превратившиеся в желто-синие цветы иван-да-марья. Иван — желтый цвет, Марья — синий. Здесь проглядывает мифологическая система, подобная китайской инь-ян. Мужское, солнечно-огненное начало противостоит женскому — водно-земному. Ни одно из них при этом не является злым.

Здесь, кстати, истоки нынешнего украинского (первоначально галицкого) флага, в основе которого — герб Львова: золотой лев на голубом щите. Лев, как уже сказано,— зверь Солнца. Украинские националисты, плохо зная отечественную мифологию, объясняют свой флаг как солнце (или пшеницу) и небо. При этом они, вопреки языческой системе, поместили голубую (водную) полосу выше желтой (солнечной).

Среди греческих олимпийцев брак сестры и брата — довольно обычная вещь (Зевс и Гера, Зевс и Деметра). В Ригведе инцест совершают близнецы Яма и Ями. Яма (иранский Иима) — солярный первочеловек и первоцарь, хозяин загробного мира — соответствует Колаксаю-Даждь-богу. Заметим, что на

https://RodnoVery.ru

древнерусских миниатюрах зодиакальные близнецы изображаются не двумя юношами, как обычно, а мужчиной и женщиной.

Но если Даждьбог и Морана — близнецы, то родились они вместе, на Рождество. О Коляде-мужчине, соответствующем Даждьбогу, уже говорилось. Однако в Подмосковье Коляду изображала девушка в белой одежде, с распущенными волосами. А в белорусских колядках Коляда-женщина прилетает свысока, приезжает в расписном возу или на вороном коне. Василий (или Иван) дарит ей девочку. Василий — воплощение Нового года (1 января — день Василия Кесарийского). А Иван, несомненно, Даждьбог. В песнях Иван уходит в нижний мир вместе с Марьей.

Иван да Марья на горе купались:
Где Иван купался,
Берег колыхался,
Где Марья купалась,
Трава расстилалась.

Но он, в отличие от нее,— не пассивная жертва. В словацкой купальской песне Анна тонет и зовет на помощь Ивана. В белорусской песне ветер уносит венок дочери Ку-палночки на море, его добывают три парня; за одного из них она выходит замуж. Эти парни уподобляются трем месяцам (третий — Иван), а три девушки — трем звездам (третья — Маринка). В латышских дайнах (священных песнях) похитители увозят Дочь Солнца на чужбину (в Германию) в самый теплый день года. Или же Дочь Солнца тонет, а Сыновья Бога ее спасают. Они же сватаются к ней.

Чехи сжигали в Купальскую (Святоянскую) ночь ель, а словаки — липу. Хорваты пели тогда же песню о невесте, что сидит под горящей липой и горюет о матери. Слово «Марена» у украинцев означает «черноклен». На Пол-тавщине Маринку считали русалкой, в Купянском уезде Харьковской губернии — старшей русалкой. Морана, таким образом, и дерево, и водяная богиня. Как, впрочем, и ее мать. Купалу в обряде обычно изображало деревце. На вышивках богиня и дерево легко заменяют друг друга. Вспомним также о виле Живе.

Супруга солнечного бога, связанная с водой, выступает и в болгарском обряде «Еньова буля» (Иванова жена). Женщины ходят 12 июня или на Новый год с ряженой девочкой по источникам и гадают (в частности об урожае). Болгары называют Солнце «дедо Еньо». В их песнях царица Домна ходит за прекрасным Еньо, гоняя облака, или же просит у Солнца зелья для деторождения, обещая ему свою дочь Марину. Эта небесная царица, несомненно, Лада.

В Самаре записана поэтичная легенда о Марине-русалке. Девушка, утопившись от несчастной любви к красавцу музыканту Ивану Курчавому, стала русалкой. Ночами она выходила из воды и звала его к себе. И не выдержал Иван: оставил разлучницу и ушел за Мариной на дно речное — развлекать игрой водяного царя. А тот обещал потом отпустить их обоих на землю.

Заметим, что в воду бросали или сжигали не только Марену, но и Купалу (деревце или чучело). Видимо, богиня-мать тоже уходила в нижний мир на поиски дочери. Но выходила оттуда не позже времени жатвы, когда, как уже показано, чествовали именно богиню-мать. Она возвращалась к людям вместе с выросшим и собранным урожаем, а ее дочь и сын-зять — только весной.

В песнях и обрядах миф о Даждьбоге и Моране прослеживается лишь контурно, отрывочно. Зато весь сюжет сохранился в сказке «Марья Моревна» и былине об Иване Годиновиче.

Главный герой сказки — Иван Царевич. В тех сказках, де он (в отличие от трусливого брата Ивана Сучича) — динственный или младший сын царя, этот царевич наде-ен не только положительными, но и космическими чертами: <на лбу — месяц, а по краям — звезды», «по локти зо-отые руки и по колени золотые ноги, на голове золотые убы». Это в точности напоминает антские фигурки VI— II вв. из знаменитого Мартыновского клада: пляшущий ог, у которого позолочены волосы, руки до локтей и но-и до колен. (По общеславянскому поверью, на Купалу олнце пляшет.) В тот же клад входят фигурки златогри-ых коней. Словом, в этом Иване Царевиче можно узнать аждьбога. Он женится на царевне-амазонке Марье Моревне, енившей самого Кощея. По доброте и излишней довер-ивости Иван помогает Кощею освободиться, и тот уно-ит Марью в свое царство. Добыв у Яги чудесного коня, аревич побеждает Кощея и освобождает жену. В ряде казок Иван бежит с Марьей от Кощея. Тот спрашивает воего вещего коня, далеко ли беглецы, и получает ответ: ожно посеять пшеницу (или ячмень), убрать ее и испечь еб (или наварить пива), и все равно успеть. То есть Марья (Морана) отсутствует в Кощеевом преисподнем царстве с весны до осени, от сева до обжинок. Кощей дважды догоняет Ивана и отбивает Марью, и лишь на третий раз погибает сам.

Очевидно, временем похищения Мораны могли считать как Купальскую ночь, после которой день начинает убывать, так и конец лета (после обжинок) или даже осеннее равноденствие. (По народным представлениям, на Воздвиженье, 14 сентября, змеи уходят в подземный мир и возвращаются лишь *25* марта, на Благовещенье.) Мифологическое мышление с такими противоречиями мало считается. Само действие мифа разворачивается некогда, в начале времен,— и в то же время повторяется ежегодно, в определенные дни, отмеченные праздничными ритуалами. Не отпразднуешь как следует Купалу или Масленицу — и не вернется богиня из преисподней, не будет урожая, настанет голод.

https://RodnoVery.ru

Не случайно имена Иван и Марья настолько популярны в русском народе, что стали синонимами русского человека и русской женщины. Ведь за этими христианскими именами скрывается божественная чета, воплощающая природные силы, без которых невозможна сама жизнь земледельца,— солнце, землю и воду.

О соответствии Кощея Бессмертного Чернобогу уже говорилось. В сказке его труп, подобно ритуальному чучелу, сжигают, а пепел разметают по земле. В Сибири на Масленицу появляется ряженый — старик в мохнатой одежде, увешанный мертвыми зайцами, воронами и воробьями. Из особого лука с воронкой он стрелял в людей снегом. Не сам ли это Чернобог-Мороз? (Зима у земледельцев — главный охотничий сезон.) Рядом с ним шла старуха» с ребенком в руках (Морана?).

В белорусской обрядовой песне Смерть, пляшущую Морозом, отсылают прочь, в леса, за море. Да, зимняя "орана все же супруга Чернобога, грозная и страшная. В сказке Ивану Царевичу помогает Булат-молодец. Спасая Царевича, он превращается в камень. И тогда Иван, чтобы оживить друга, приносит в жертву своих детей, мальчика и девочку. Воскрешенный их кровью, Булат оживляет их самих. Это напоминает принесение в жертву Громовнику 20 июля отрока и девицы. Быть может, Булат — это Перун? Весной воскресает не только земля, но и гром, молчавший всю зиму.

Марья Моревна в сказке стойко хранит верность Ивану. Иначе обстоит дело в былине об Иване Годиновиче[36]. Сцена из этой былины (точнее, из мифа, легшего в ее основу) изображена на серебряной оковке священного турьего рога из Черной Могилы. Героиня ее носит имя Настасья Дмитриевна, казалось бы, не напоминающее Морану. Но «Анастасия» означает «воскресшая». В украинской сказке Солнце влюблено в прекрасную морскую царевну Анастасию. А «Дмитриевна», по мнению Б. А. Рыбакова,— «дочь Деметры» (то есть Персефона).

Иван Годинович добывает на охоте оленя, вепря и лютого зверя (льва). Потом он преследует и побеждает царя Афромея (Кощея), похитившего его невесту Настасью и оборачивающегося туром. В митреумах — святилищах Митры в Дура Эвропос и Сузах на фресках изображен Митра-всадник, преследующий двух оленей, льва, вепря и змею. Главный же подвиг Митры — убийство быка, олицетворяющего землю, хтонические силы. Миф о небесной охоте, как уже сказано, распространен по всей северной Евразии. Но лишь у славян и иранцев герой его — не Гро-мовник, а солнечный бог.

В схватке между Иваном и Кощеем Настасья приходит на помощь последнему. Привязав Годиновича к дубу, Кощей хочет расстрелять его из лука. Но тут на дуб садится вещая птица — ворон. Стрела, посланная в него, поражает самого Кощея. Иван жестоко мстит Настасье — рассекает ее на части (что напоминает растерзание чучела Мо-раны или Масленицы).

На роге изображены Кощей и Настасья с луками и стрела, летящая в затылок Кощею. Но вместо ворона здесь — орел (птица Перуна и Зевса). Ворон, впрочем, тоже грозовая птица (по русскому поверью, он купается в ночь на Чистый четверг — день Громовника). А герб Чернигова — черный орел. Очевидно, и тут Перун приходит на помощь Даждьбогу. Странно лишь отсутствие самого Годино-вича-Даждьбога. С ним, возможно, связаны изображенные здесь же два грифона (животные Аполлона-Гойтосира) и поющий петух (символ зари). А фигуры еще одного орла, волка и двух зайцев напоминают сказку, где Кощеева смерть скрыта в утке и зайце, добыть которых Ивану Царевичу помогают орел и волк. Два сцепившихся волка символизируют, видимо, борьбу зимы и лета, тьмы и солнца. Из их тел, а также из тел грифонов и крыльев петуха вырастают ростки хмеля, тем самым показывая суть всей борьбы мировых сил: победу жизни над смертью, плодородия над бесплодием и голодом.

В греческом мифе, как уже сказано, нет фигуры освободителя богини (если не считать сказания о попытке Тезея и Пирифоя похитить Персефону и об освобождении Гераклом Тезея, скованного в Аиде, что несколько напоминает спасение Ивана Годиновича грозовой птицей). Зато удивительно близка славянскому мифу индийская «Рамаяна». Равана, царь демонов-ракшасов, похищает Ситу — дочь Земли и жену царевича Рамы (воплощения солнечного Вишну). С войском из обезьян и медведей, собранным Ха-нуманом, царем обезьян, Рама вторгается в царство Раваны, побеждает его и освобождает Ситу. Дальнейшая их жизнь, однако, омрачается подозрениями Рамы, что супруга изменяла ему с Раваной. И Сита уходит под землю, оставив мужу двух сыновей.

Не случайно героиня былины носит имя Настасья, св. Анастасия (Неделя) — воплощение воскресенья, так же, как св. Параскева — пятницы. В верованиях и фольклоре славян эти две святые часто выступают вместе. Обе они карают за работу в их дни, особенно за женские работы (прядение и др.). В сербских и болгарских песнях Илья-Громовник и другие святые наказывают трудящихся в эти дни нечестивых жителей Троянова (Индийского) царства. Воскресенье — день Солнца. В галицкой песне Солнце жалуется на людей, работающих в воскресенье и пятницу. В словацкой сказке св. Неделя помогает герою победить змея. Русские и болгары представляли себе Неделю прекрасной высокой женщиной.

---

[36] Не означает ли это отчество «сын Одина»? Даждьбогу соответствует германский Бальдр, сын Одина, прекрасный и праведный бог солнца. Перенимать элементы германской мифологии славяне могли не только в древнерусские времена, но и значительно раньше.

https://RodnoVery.ru

Болгары говорят: «Св. Пятница — мать Недели» («Света Петка — Неделина Майка»). В болгарской песне Неделя спит на коленях у Пятницы и видит во сне дерево от земли до неба. Очевидно, Пятница и Неделя — это богиня-мать и богиня-дочь, Лада и Морана.

Еще одна сказка, явно связанная с Даждьбогом и Мо-раной,— «Царь-Девица». Иван Царевич с двумя братьями отправляются за молодильными яблоками и живой и мертвой водой для старого отца. Все это есть далеко на юге, за огненным морем, в Подсолнечном (Девичьем) царстве. Правит им амазонка — Царь-Девица (Настасья-Прекрасная, Белая Лебедь). Царевич пробирается в шатер, овладевает ею и уезжает. Воительница рождает двоих детей, идет походом в землю старого царя, и легкомысленному царевичу приходится жениться на ней.

Царь-Девица (несомненно Морана) здесь не только воительница, но и богиня солнца, подательница здоровья и бессмертия, владеющая животворными силами воды и растений.

Козьма Пражский упоминает чешскую богиню войны — «Беллону», сестру «Марса». Если «Марс» — это Ладо-Даждьбог (см. выше), то «Беллона», очевидно, его сестра-супруга Морана, она же Царь-Девица и амазонка Марья Моревна. Римская Беллона, богиня войны и подземного мира, чаще считалась не сестрой, а матерью Марса.

У чехов легенды об амазонках, упорно воевавших с мужчинами, связаны с пражским Вышеградом. У словаков — с крепостью Девин (где почиталась богиня Дева). Греческим амазонкам покровительствовали Артемида и Арес. Согласно Гаеку, князь Пржемысл победил амазонок, когда от них отступились бог Зелу и богиня Дирцея. Не они ли скрываются под именами «Марса» и «Беллоны» у Козьмы? Если Зелу — Даждьбог (см. выше), то Дирцея, очевидно, Морана.

У лужичан Мара — богиня, являющаяся в полдень на горе Катмарберг. Она заботится о росте трав и приплоде скота. Ее величают «матерью» и приносят ей жертвы. Она явно сродни полудницам — полевым духам, охраняющим посевы, но при этом губящим солнечным ударом тех, кто работает в полдень.

Морана, принадлежащая обоим родам-общинам славянских богов, одновременно светла и мрачна, благодетельна и смертоносна, любима и презираема. Но не зла. Просто ее долг — отбирать у людей жизнь. Она буквально разрывается между двумя своими мужьями — Даждьбогом и Чернобогом — и двумя мирами. И тем не менее обеспечивает единство всего «большого» мира богов и людей.

https://RodnoVery.ru

Леля — богиня весны и жизни

(Дзидзилеля, Кралица, Лазарица, Краловна.)

Длугош описывает польскую богиню любви и красоты, подобную Венере, по имени Дзидзилеля. В польских антиязыческих поучениях ей соответствует божество Leli, почитавшееся на Троицу вместе с Иешей, Ладой и Ныей. Очевидно, она именовалась Диди-Леля, «великая Леля», подобно Диди-Ладо, «великому Ладо».

Имя ее тесно связано с семьей и заботой о детях: рус «лѐля» — «крестная мать», «игрушка», «детская рубашка» старослав. и болг. «леля», укр. «лелжа» — «тетка», укр «лел1 (лелько, лельо)» — «отец», болг. «леляк» — «дядя» серб.-хорв. «льелна» — «старшая сестра»; укр. «лялька» польск. lala, lalka, словен. Ша — «кукла». Родственные слова есть и в балтских (лит. lele — «кукла», «младенец», латыш, lelle, lellis — «кукла»), и в индийском (lila — «игра», «шутка») языках. Такие слова свойственны многим народам, ибо происходят они (так же, как и «мама», «папа», «баба» и т. д.) от детского лепета. Но имя Лели близко и словам, обозначающим свет: «лелеть», укр. «лел1ти» — «сверкать», лит. lelis — «светлый».

У историков XVI—XVIII вв. Леля как бы затерялась в тени Леля и Полеля. Но в белорусской и волынской глуши о ней помнил народ. Древлянский описал «ляльник» — праздник, справлявшийся 22 апреля (накануне Юрьева дня и за 5 дней до прихода Ярилы). На дерновой скамье восседала Ляля — девушка в длинной белой одежде и венке, разукрашенная зеленью. Ее окружали простые яства — сметана, сыр, масло, яйца, творог, хлеб; у ног лежали венки. Все это она раздавала девушкам, а те чествовали ее песней:

Дай нам жито да пшеницу,
Ляля, Ляля, наша Ляля!
В огороде, сеножати,
Ляля, Ляля, наша Ляля!
Ровны гряды, ровны зряды,
Ляля, Ляля, наша Ляля!

Лялю белорусы представляют молодой, красивой и высокой девушкой. Такой же обряд описан на Волыни, в Кре-менецком уезде. Б. А. Рыбаков наблюдал во время раскопок в Курской области в июле 1939 г., как женщины «играли Лелю», ведя хоровод с воздетыми руками.

Леля явно сродни майским и троицким «королевам» и «невестам», известным, в частности, западным и южным славянам. Похожие фигуры появляются у них также на Юрьев день, Пасху и в Лазареву субботу (перед Вербным воскресеньем, за неделю до Пасхи).

В Юрьев день у сербов шествуют девушки во главе с Кралицей. В Лазареву субботу у македонцев и сербов ходят Лазарь и Лазарица со свитой из девушек-лазариц. У болгар в Лазареву субботу, Вербное воскресенье и на Пасху во главе девичьего хоровода пляшут Буенек («жених») и Булка («жена»). Первого изображает девушка в мужской одежде, с венком на шапке и саблей или топориком в руке. Вторую — девочка в свадебном платке. Верят, что этот танец принесет плодородие и здоровье, так же как шествие по дворам девушек-лазариц.

На Троицу у поляков обходит поля Крулевна со свитой из девушек- «маршалок». У чехов и словаков в этот день шествуют «король» с «королевой». Ранее девочки-«краловнички» носят «май» (деревце). А у сербов и хорватов на Троицу ходят Краль и Кралица с вооруженной свитой. При этом сербы называют Кралицу также Русалкой, Ру-салией, а хорваты — Лелей (Lelje). Наконец, у хорватов и словенцев 24 июня шествуют девушки-ладарицы.

Евангельский Лазарь, восставший из могилы, явно ассоциировался у славян с Ярилой. Но вот две его сестры, Мария и Марфа, в народном обряде не выступают. Вместо них — одна Лазарица, отчасти ассоциирующаяся с Ладой (воспеваемой в весенних песнях), но, несомненно, соответствующая Леле.

Леля приходила в мир почти одновременно с Ярилой, в середине весны, и вместе с ним исчезала в конце ее (хотя Лелю не хоронили, как Весну или Ярилу). Лишь иногда она появляется летом. Такая тесная связь Лели с Ярилой и Ладой-Весной (которую тоже провожали в начале лета) заставляет думать об их близком родстве. Б. А. Рыбаков считает Лелю дочерью Лады, видя в них древнюю пару богинь — мать и дочь. Это вполне вероятно, учитывая, что Великую Богиню на вышивках сопровождают две всадницы, тянущие за собой сохи и бороны. Видимо, Леля и Морана, две юные весенние богини, светлая и темная, и их мать Лада.

У земледельцев нео- и энеолита на Дунае известны керамические изображения двуглавой богини. Такая же богиня, только не глиняная, а деревянная, найдена на поселении Фишеринзель (Рыбачий Остров) в земле лютичей, в слоях XII в. Б. А. Рыбаков видит здесь двух рожаниц, мать и дочь, Ладу и Лелю. В принципе, считаться двумя Рожаницами и изображаться подобным образом могли также Лада с Мораной или Морана с Лелей.

Вполне возможно, что Ярила и Леля были, подобно Даждьбогу и Моране, братом и сестрой и в то же время супругами. В таком случае некоторые мифы о них можно восстановить по сказке о двух братьях и повести о Ерус-лане Лазаревиче. Вероятно, именно Лелю Ярила спасает от змея и женится на ней. Из-за нее

https://RodnoVery.ru

убивает брата Даждь-бога, но воскрешает его. И все же покидает Лелю ради солнечной царевны Мораны-Недели («Неделя» — воскресенье, день Солнца). Но, едва не погубив в поединке сына от Лели, в конце концов возвращается к ней.

Леля — едва ли не самый светлый образ среди славянских богинь. У нее нет никаких темных ипостасей, она не склонна ни к жестокости, ни к разгулу, никогда не изменяет своему непутевому супругу. Но ее праведность — не бесплотная чистота ангела или святой монахини. Она богиня весны, любви и жизни, и потому щедро дарит мир изобилие, плодородие, красоту.

https://RodnoVery.ru

Летница-громовница

(Огненная Мария, Додола, Пеперуда, Царица-Молния.)

У грозного Перуна есть спутница жизни, владеющая, подобно ему, громом и молниями. Данные о ней скупы и отрывочны, но по ним прослеживается яркий и могучий образ.

В «Матер верборум» слова «Диана, дочь Латоны и Юпитера» переводятся: «Д.евана, дочь Летницы и Перуна». Летницами (женскими Летницами) чехи и словаки называют 1 марта - первый день весны, а также троицкие обряды. Греческая Лето (Лато, римская Латона), возлюбленная Зевса и мать Аполлона и Артемиды,— персонаж, скорее, ночной, хтони-ческии: она зовется «черноодежной», ее имя сродни названию Леты — подземной реки забвения; ее мать — Феба-луна, а сестра — звезда-Астерия. Как уже сказано, и своим именем, и как богиня-мать она родственная славянской Ладе. Не тождественна ли Летница-Ладе - тоже богине весны? Скорее, однако, это дочь Лады.

У южных славян распространен обряд вызывания дождя (заимствованный у них также восточными романцами, греками и албанцами). Обнаженная девушка, чье тело прикрыто лишь листвой и зеленью, пляшет, вымаливая у Бога Дождь, а люди обливают ее водой. Девушку эту именуют «додола», «пеперуда» («пеперуна», «препеpуна», «пепе-руга»). В болгарской песне, записанной в XIX в. революционером и русским разведчиком Г. Раковским, «золотая пеперуда» летает перед Перуном, прося его о дожде. В подобной албанской песне имя Перуна заменено родственным словом «Перенди», означающим «Бог», «Небо». Изображения додол в одежде из травы, пляшущих среди струй дождя, известны еще на трипольских сосудах.

Казалось бы, ясно: богиня земли и растительности молит своего небесного супруга _ Громовника. Сам дождь понимался язычниками как соитие Неба (Громовника) и Земли. Только вот имя южнославянской богини означает не землю или растение, а гром. Слово «додола» родственно литовскому «Дундулис» (эпитет Перкунаса) и передает раскаты грома. А слово «пеперуда» (буквально означающее «бабочка»), «препеpуна», образовано путем удвоения корня в имени Перуна. К тому же девушку в обряде мог заменять обвязанный зеленью парень. В XVIII в. он именовался «краль Перун», позднее же — «прпац», а его спутники — «прпоруши». Иногда (у сербов) додол было шесть, а две главные звались Додол и Додолица. То есть Перун и его супруга считались и громовниками, и растительными духами. Заметим также: додола — обычно девушка, а не зрелая женщина, подобная Ладе.

А как обстоит дело у других индоевропейцев? Гера, ревнивая и гневная супруга Зевса, громовницей не считалась, зато имела хтонические черты: коснувшись земли, породила без мужа чудовище Тифона (или же его родила сама Гея-Земля). Однако римская Юнона была богиней войны и имела прозвище Фульгура («Молниевержица»), Античные философы считали Геру-Юнону воплощением воздуха или земли (небо и небесный эфир олицетворял Зевс). Балты почитали богиню-громовницу Перкунателе — мать или супругу Перкунаса. А мать Тора именовалась Ерд («Земля») или Фьергинн (имя, родственное имени Перуна).

Не удивительно поэтому, что в других ликах супруги Перуна преобладают черты громовницы. 22 июля, через два дня после дня Громовника, отмечается день Марии Магдалины, которую сербы зовут Огненной Марией. В песнях она с Ильей и Пантелеем (языческими Перуном и Стри-богом) нещадно карает грешников, при этом Илья разит громом, а Мария сжигает все молнией. Она считается сестрой Юрия и Ильи (подобно Гере — сестре Зевса). В русской сказке выступают Царь-Огонь и Царица-Молния (Маланьица). Они сжигают стада царя Змиулана, который прячется от них в дереве. Здесь Громовник и Молниевержица вместе борются со Змеем — давним врагом индоевропейского Громовержца. В русских заговорах тоже фигурируют Царь-Гром и Царица-Молния.

В матриархальном энеолите дождь считался материнским молоком двух небесных богинь (матери и дочери). Об этом говорят трипольские сосуды с изображением четырех грудей и трипольские же «бинокли», через которые лили на землю жертвенные напитки, изображая дождь, текущий из грудей богини. (Вспомним также миф о Млечном Пути — молоке Геры.) Очевидно, обе богини считались громовница-ми. Жена Перуна — не Мать Мира. Это богиня нового поколения, такая же воинственная, как ее братья Сварожи-чи и сестра Морана. В войны людей она, правда, не вмешивается, зато нечисть бьет и грешников карает не хуже своего брата-супруга. Но при этом остается ему послушной женой, молящей мужа о дожде для людей, — вполне в духе новых, патриархальных порядков.

Мы познакомились уже с тремя младшими богинями: Мораной, Лелей и Летницей. Судя по всему, они — дочери Лады и сестры своих мужей — трех Сварожичей. Очевидно, они и есть три сестры Егория, принявшие в плену у Демьяница (Чернобога) «древесно-звериный» облик. Они же — наверняка три подземные царевны, добытые Зоревиком. Если золотая царевна — Морана, то серебряная, скорее всего — Летница (вспомним серебряную голову Перуна), а медная — Леля. Что же до отца трех богинь, то это, вероятнее всего, тот же Сварог.

https://RodnoVery.ru

Мара — губительница Перуна

(Марья Белая Лебедь, Авдотья Лиходеевна, Маринка, Середа.)

У Перуна была и другая супруга — злая колдунья из нижнего мира, которая несла ему лишь несчастья. Ее языческое имя в точности неизвестно. Предположительно оно было связано, как *v* »Мо-раны, с корнем «мар/мор». ПОТОМУ условно назовем ее Мара. Это слово у славян означает «привидение», а также злого духа, давящего людей во сне (родственно фр. cauchemar, «кошмар», англ. nightmare). Сродни ей кикимора (мара, маруха) — злая домовиха, связанная также с болотом. Лужицкая Мара, впрочем, добрая богиня (Морана?).

Индоевропейские корни ner/nor и mer/mor связаны с плодородием, мужской силой, водой (морем) и в то же время со смертью. Отсюда целый ряд мифологических имен и названий: Марс (Маворс, Мармар, Мамурий, Мамерк и др.) — италийский бог войны и плодородия, Нерио — его жена, богиня любви и войны; Норея — богиня плодородия и воды у племени нориков (на верхнем Дунае); Нерта — германская богиня воды и земли; Ньѐрд — бог моря, отец божеств плодородия Фрейра и Фрейи; инд. *пага-ка,* тохар, *name* — «преисподняя» (ср. славянское «нора»). Словом, корни эти охватывают нижний, подводно-под-земный, мир во всем его многообразии: мир жизни и смерти, куда ложится зерно и уходят покойники, откуда вырастают-воскресают растения, спасая от голода крестьянина и его скот.

Миф о Перуне и Маре хорошо сохранился в былине о Михаиле Потыке. Архангела Михаила народ считает громовником, а «потык» означает «птица» (древнерус. «потька»). Крылатый архангел (позднее — герб Киева) мог ассоциироваться с орлом или вороном — птицами Перуна.

Герой былины, собирая дань, встретил царевну Авдотью Лиходеевну (Марью Лебедь Белую) — язычницу и колдунью. Они поженились, и Марья взяла с Потыка клятву: уйти в могилу только вместе. Вскоре она умирает, и ее хоронят в обширной могиле вместе с Михайлой и его конем. Под землей Лиходеевна превращается в огромную змею, и Потык ее убивает. Либо появляется змей, богатырь одолевает его, воскрешает жену и выходит с ней на белый свет.

Примечательны календарные сроки всех этих событий. Потык встречает Марью весной, уходит с ней в могилу осенью (в начале сбора дани), а выходит весной, на Пасху. Не случайны и имена героини. День Авдотьи (Евдокии) — 1 марта (чешские Летницы). Лебеди прилетают весной. Эти птицы связаны с нижним миром: ночью Солнце плывет под землей в ладье, запряженной лебедями.

Но злоключения влюбленного богатыря только начинаются. Его жену похищает чужеземный царь Иван Окуль-евич (или Ахрамей). Трижды Потык догоняет похитителя, возвращает Марью, и трижды она опаивает его вином с зельем, а затем губит: хоронит живьем, превращает в камень, распинает в подземелье. В первый раз Михаила спасают другие богатыри, во второй — св. Николай, в третий — Анастасия, сестра похитителя. Только после этого богатырь убивает Марью и ее любовника и женится на своей спаси-тельнице.

Былина весьма напоминает и «Марью Моревну», и «Ивана Годиновича». Совпадают даже имена героинь (Марья, Настасья[37]) и похитителя (Ахрамей). Царь-девица тоже носит подобные имена (Настасья, Белая Лебедь). Быть может, данная былина — еще один вариант мифа о Даждьбоге и Моране? Но против этого говорит имя главного героя, не солярное, а грозовое (Михаил), совершенно отсутствующее в купальских песнях.

Между тем к былине о Потьже близок иранский миф о Кере-саспе. Этот воитель, напоминающий Геракла и вообще индоевропейского громовника, вовсю крушил палицей драконов и других чудовищ. Но пэри (колдунья) Хнанта-ити погрузила его в чародейный сон. Герой пробудится лишь тогда, когда наступит конец света и змей Ажи-даха-ка вырвется из оков. Победить же его сможет только Ке-ре-саспа. Вспомним также чеченского Пиръона, громовника, погубленного ведьмой.

Космический цикл в мифологическом мышлении уподобляется годовому. Так, создание мира соответствует весне. Эпоха всеобщего упадка — зиме. А конец света и его обновление (через космическую битву) — началу весны. Потому, например, поединок со змеем — это и битва изначальных времен, и ежегодное весеннее сражение, и будущий эсхатологический бой. И не столь важно, бьется ли сам Гро-мовник или его земное подобие — сын, герой, богатырь, святой.

В XIII—XIV вв. в Болгарии сложилась легенда о святом Михаиле из Потуки. Своим именем он был, видимо, обязан герою русской былины. Однако в житии болгарского святого использован совсем другой, но тоже змееборче-ский сюжет: герой, подобно Георгию или Персею, спасает царевну от змея. (Георгий у русских также считался гро-мовником.)

Потыка хоронят в большой яме — комнате, перекрытой деревом, с женой и конем. Это напоминает древнерусские (а также скандинавские и великоморавские) дружинные погребения IX—X вв. Но на Среднем Днепре такой обряд был распространен у скифов-пахарей, а зародился здесь еще раньше, когда праславяне чернолесской культуры под влиянием киммерийцев стали хоронить своих знатных воинов в деревянных гробницах, иногда с конями.

---

[37] В «Михаиле Потыке» героиня как бы раздваивается на злую Марью-Авдотью и добрую Анастасию.

https://RodnoVery.ru

В скифо-сакском мире такие погребения распространены от причерноморских степей до Алтая (Пазырык). На Днепре они исчезли с падением Великой Скифии. И вдруг в I в. н. э. сарматы[38], обосновавшись на Роси и Тясмине (в бывшем главном царстве скифов-пахарей), принялись хоронить своих воинов (вопреки собственным бычаям) в деревянных склепах. Такие же склепы ветре-аются здесь в II—V вв. (Черняховский могильник), поле чего исчезают до X в.

Будто духи знатных сколотов снова и снова вселялись в хозяев древней земли! Как вообще могла сохраняться у бесписьменных народов почти 2000 лет память о погребальном обряде? Только в мифе. Мифе о гибели и воскресении Громовника — бога знатных воинов, иранских и славянских. Лишь у иранцев и славян он и прослеживается и, видимо, был заимствован вторыми от первых не позже скифского времени.

Древние уподобляли смерть царя концу света — мировому пожару, гибели богов. Потому скифы (лесостепные и степные), саки и русы X в. поджигали и даже сжигали деревянные гробницы своих царей и князей. Но за гибелью следовало возрождение — приход нового царя. Славяне, как уже говорилось, тоже знали миф о гибели Громовника в битве с Чертом перед мировым пожаром. Но в «календарном» варианте мифа финал оптимистичнее: незадачливый бог четырежды воскресает и наконец обретает достойную супругу. Это, несомненно, Летница-Громовница (в былине — Анастасия).

Что же до похитителя, то его солярное имя (Иван Окульевич) может намекать на какой-то конфликт Перуна с Даждьбогом из-за Мары. Но, судя по другому его имени (Ахрамей), это тот же Кощей-Чернобог. Не скрывается ли за христианизированным именем Ахрамей (Варфоломей) иранский Ахриман?

Весьма близка к былине о Потыке былина «Добрыня и Маринка». Добрыня (также змееборец) влюбляется в распутную колдунью Маринку (любовницу Змея), а та превращает его в златорогого тура. Богатыря спасает лишь его мать-волшебница, пригрозившая обернуть ведьму « сукою - волочайкою ».

Еще один фольклорный вариант мифа, возможно, отражен в романе А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Этот незаслуженно забытый писатель-мифолог «серебряного века» в 1930-х гг. оказался в дебрях Волыни, где и создал роман — настоящую энциклопедию народной мифологии. В нем болотная чертовка Марыська выгоняет из реки водяного, а потом, найдя на дне ее древний идол Перуна, объявляет себя женой низвергнутого бога. Роман привлек внимание В. Н. Топорова.

«Волховская коровница», к которой, по новгородской легенде, летал спать змей-Перун, вероятно, тоже Мара, связанная с нижним миром. У латышей Маря — богиня коров.

В. В.Иванов, В.Н. Топоров и их ученики восстановили миф о Громовнике и его неверной жене. Эта жена принадлежит нижнему миру, имя ее связано с корнем «mor/mer». Она изменяет Перуну со Змеем. У нее рождается девять сыновей. Узнав об измене, Громовник молнией сжигает ее дом, и в огне гибнут все дети, кроме одного — настоящего сына Громовержца.

Миф этот восстанавливается в основном на балтском и восточно-романском материале. Так, по литовскому преданию, Дундулис (то есть Перкунас) сжег детей Лау-мы — богини-ведьмы, подобной Яге. Напоминает Ягу и румынская Жоймэрица (олицетворение пасхального четверга). Она приходит с мертвецами к костру, но убегает, услышав, что ее дом горит; боится ритуального огня, но карает огнем плохих прях.

У славян же следы этого мифа, возможно, сохранились в образе святой Середы. Ей, в отличие от Параскевы-Пятницы и Анастасии-Недели, не соответствует какая-либо православная святая. Середа, подобно Пятнице, помогает пряхам, но карает за прядение и другие женские работы в свой день. В украинских поверьях она — мать 12 дочерей, в ночь на среду ходит голая и прядет (подобно Макуше) брошенную кудель. У болгар Середа — в черной или белой одежде, с большими зубами. Она нещадно наказывает женщин за работу в ночь на среду, но от нее можно спастись, крикнув: «На море Серединские дети погорели!». Тогда гневная богиня побежит спасать своих детей. Украинцы говорят: «Середа — дiвка, а П'ятниця — жшка». Есть также выражение: «Кривится, как Середа на Пятницу». Иначе говоря, Середа моложе Пятницы (Лады-Мокоши) и враждебна ей.

Самое же интересное в том, что в астрологической системе (следы которой у славян мы уже не раз отмечали) среда посвящена богу магии и мудрости — вавилонскому Набу, иранскому Тиру (Тиштрии), римскому Меркурию, германскому Водану. Лишь у славян среда — день женского божества, а также у восточных романцев и иранцев (таджиков).

Романская Майка Мьеркурь (Мать Среда)[39] считает ся хозяйкой зверей и птиц и именуется «носительни вод» и «вилами земными» (на которых держится зем Таджикская Биби-Чор-Шамбе (Госпожа Среда) об в пещере и охотно помогает людям, но строго запр прясть в среду и пятницу. Эти две богини, осо Мьеркурь, близки к скифской Апи-Змеедеве — ~емли и воды и хозяйке животных.

Кто же такая Середа? На добрую Лелю она не похожа. Черт громовницы, как Огненная Мария, i ет. Но она и не зла — скорее строга, как Пятница-Мi которую отчасти дублирует. Возможно, в образе слились черты Мары и скифо-славянской Великой Богиш (Апи, Лады-Мокоши).

Происхождение Мары неизвестно. Скорее всего' она из рода Чернобога. Роду Белбога она несет лишь зло. Она не воительница, подобно Яге. Но лишь Мара может одолеть, хоть на время, непобедимого

---

[38] Видимо, это и было племя росов, давшее имя Руси. Здесь сосредоточены «росские» гидронимы: Нось, Россава, Раставица.

[39] Румыны и молдаване все дни недели представляют женщинами - матерями.

https://RodnoVery.ru

Громовника — женскими чарами, коварством и хмельным питьем. Впрочем (судя по Середе), и она не чужда добра.

https://RodnoVery.ru

Дзевана — лесная охотница

(Дивана, Дзивица, Дзевоя.)

По свидетельству Длуго-ша, весной топили изображения не только Маржаны, но и Дзеваны — богини лесов, подобной Диане. Как уже сказано, в Лейпциге еще в XVIII в. публичные женщины топили Маржану и Дзевану, дабы охранить город от женского бесплодия и мора. Эта лесная богиня имела черты и растительного духа: растение коровяк по-польски dziwana. В «Матер верборум» Девана, дочь Перуна и Летницы, соответствует Диане.

Иначе говоря, Девана — племянница Мораны, сестры Даждьбога, Перуна и остальных Сварожичей. Здесь мы снова видим пару из двух богинь, старшей и младшей. Обе они связаны с растительностью и плодородием, только Мо-рана — богиня земледельческая, а Дзевана — охотничья.

В обрядах, описанных этнографами XIX—XX вв., Дзевана, однако, уже не встречается. Но она сохранилась образе Дзивицы у лужичан. Это — красивая молодая охотница с луком и собаками, появляющаяся в полдень или лунной ночью.

Дзеване, возможно, тождественна Дзевоя — белорусская богиня девичества, расставание с которой оплакивали невесты перед свадьбой, о чем сообщает Древлянский.

Вероятно, к Дзеване и имеет отношение эпизод в легенде о монастыре на Свентокшиской Лысой горе, записанной в XVI в. На горе будто бы стоял замок некоей госпожи, которая победила Александра Македонского, оттого возгордилась и велела называть себя богиней Дианой. Бог в гневе разрушил замок молнией, и на горе возникло святилище божеств Ладо, Боды и Лели.

Как уже показано, в Александре славяне усматривали Даждьбога. Быть может, за легендой скрывается миф о конфликте Дзеваны с Даждьбогом и вмешательстве в него Перуна? Во всяком случае, речь идет о смене одного культа другим.

Богиней древнегреческих амазонок была Артемида-Диана, и их представляли со щитами в виде полумесяца. Не была ли Девана (наряду с Мораной) покровительницей амазонок, укрепившихся, согласно легендам, в пражском Вышеграде и словацком Девине? И не было ли подобных легенд в Польше?

Легенды и слухи о племени, будто бы состоящем из одних женщин (как правило, воинственных), распространены по всему миру. Только вот этнографам такие женские племена нигде не встречались. В реальной жизни женщины-воительницы появляются там, где из-за частых войн погибает много мужчин. Кроме того, могли существовать небольшие общины приверженцев матриархального культа богини где женщины были и жрицами, и охранниками святилища А вести жизнь воинов богини могли, разумеется, главным образом девушки, полные сил и не обремененные семьей.

В Девине, по словам венгерского хрониста XIII в., почиталась богиня Дева. «Замок Дианы» на Лысой горе — это окруженное валами святилище раннего средневековья. А на Девичь-горе в устье Роси раскопан жертвенник начала нашей эры в виде очага с 9 углублениями (по числу месяцев беременности). Его окружал могильник. Здесь могли почитаться и богиня-мать (Лада), и богиня смерти (Мо-рана), и богиня-дева (Девана). Или же божество, сочетавшее черты их всех. Матриархальная богиня луны могла быть одновременно девушкой, женщиной и старухой, олицетворяя три лунные фазы и три стадии жизни женщины.

Амазонские легенды (например на Кавказе) связываются со всякого рода «Девичьими крепостями (горами)». Конец «девичьего царства» в сказаниях обычно наступает с приходом героя-мужчины (Геракла, Тезея, Арджуны, топ же Искандера-Александра, Пржемысла и т. д.). Неред; в него влюбляется царица амазонок, и их роман кончае либо ее гибелью, либо свадьбой. «Девичья война» в Че закончилась, по преданию, тем, что воины Пржемысла переженились с амазонками.

Мифологическую суть таких легенд хорошо раскрывает записанная на Смоленщине «Сказка о девичьем и мужичьем царствах». В ней мужчины и женщины живут дву дельными «царствами», не ведая о любви и браке, пок; встретились однажды мужик с девкой и не полюбили друга... Для патриархального мифа амазонство — «доисторическое», изначальное, неестественное состояние, которое должно смениться нормальным, то есть патриархальн:

Девана — самая младшая по возрасту из славянских богинь. Но образ ее — весьма древний. Еще на трипо. сосудах изображалась лучница с кошачьей головой. Н ке ездит германская Фрейя. Литовская богиня сч Лайма именуется также Леле Менуле («лунная») и Медзиойна («лесная»). Хозяйка лесов и зверей, Девана, однако резко отличается от еще более древней лесной хозяйки Яги, старой, злобной, сеющей вокруг смерть и ужас лодая лунная охотница хорошо вписалась в мир землед ческих богов и семью Лады и Сварожичей.

https://RodnoVery.ru

Симаргл — крылатый пес

Богу Симарглу, входившему в пантеон «Владимира», решительно не везло с памятью потомков. Древнерусские книжники разделили его на богов Сима и Ргла. Мифологи XVIII в. обратили в «Зимцерлу», богиню весны и зари. В фольклоре его имя не сохранилось.

Исследователи давно предполагали в Симаргле иранского Симурга. Но доказать эту версию на археологическом материале сумел лишь Б. А. Рыбаков.

Истоки этого образа — в трипольских изображениях крылатых псов, стерегущих посевы на небе. Имя же Симурга восходит ко времени арийского единства. В Ригведе птица, похитившая для Индры сому — божественный напиток, именуется «шьена» («орел», «сокол», «ястреб»). В послеведической традиции ей соответствует Гаруда — огромная птица, на которой летает Вишну. А в иранской — птица саена (авест. [saena]); в I тыс. н. э. произносилось «сэнмурв», позднее — «симург».

В зороастрийской мифологии саена-сэнмурв — гигантская птица, стерегущая древо жизни. Она стряхивает с него семена всех растений, и те разносятся по свету. Саена имеет тройную природу (собаки, птицы и мускусного животного), обладает зубами и молочными железами, живет в пещере и ведет ночной образ жизни. Она создана первой из птиц и связана с потусторонним (духовным) миром.

У Фирдоуси Симург — громадная птица, живущая на мировой горе Альбурс, царь птиц, покровитель Рустама и воспитатель его отца Заля. В сказках типа «Трех царств» героя (соответствующего Зоревику) выносит из подземного мира в земной исполинская птица. В сказках иранских народов (курдов, таджиков, памирцев, белуджей) она именуется Симург; в армянской сказке — «синама», в грузинском и осетинском эпосе о солнечном герое Амирани — «пасконджи». В грузинском литературном языке «паскунджи» — «грифон», в армянском «паскуч (паскудж)» — «гриф», «симург». В сказках данного типа птица обычно враждует со змеем (от которого герой и спасает ее птенцов). Гаруда — враг змей-нагов, а на средневековых иранских клинках изображалась схватка Симурга с драконом. Общечеловеческий миф о борьбе орла и змеи означает противоположность небесного и подземного миров.

В иранском искусстве сэнмурв изображается с головой, парой лап и хвостом собаки, крыльями птицы и чешуей змеи (или рыбы), иногда с козлиной бородкой, с ростками на хвосте или плече или с процветшим языком. Из Ирана этот образ проник в Среднюю Азию и Европу. На фресках Пенджикента спутник Рустама — сэнмурв с головой льва. На болгарских сосудах IX в. из Надь-Сент-Мик-лошского клада изображены сэнмурвы с головами барсов, грифонов, рогатых львов, иногда с бычьими или конскими ногами и всегда — с процветшими хвостами. Словом, сэнмурв сочетает черты животных всех трех миров: небесного, земного и подземно-подводного. Недаром он обитает на Мировом Дереве или Мировой Горе.

В скифском искусстве подобные существа изображены на ножнах меча из Елизаветовских курганов на Дону, конском налобнике из Волковцев на Суле и бляхе из Семибрат-них курганов на Кубани. У всех них — пара лап хищника, крылья и чешуйчатый хвост. Первое существо (с головой грифона и рыбьим хвостом) борется со змеей. У второго — семь собачьих (или волчьих) голов, длинное чешуйчатое тело и рыбий хвост. Над ним — маска человека-льва. Третье имеет голову собаки или волка, козлиную бородку, крыло в виде головы грифона и змеиный хвост с головой утки на конце. А на навершиях из степных скифских курганов изображался «грифон-гиппокамп» с головой и лапами собаки (волка), гребнем на шее, крыльями, змеиным телом и хвостом рыбы.

Волковецкий налобник напоминает сцену на чаше IX в. до н.э. из Хасанлу в Иране: герой в львиной шкуре бьется с драконом о трех собачьих головах. В индоевропейских мифах чудовища часто многоголовы и имеют черты змеи, собаки, волка (Ажи-дахака, Кербер, волк Фенрир и т.д.). Львиную шкуру носит Геракл (греческий и скифский), тигровую (или барсовую) — Рустам. А злого Симурга побеждает у Фирдоуси Исфендиар, во многом повторяющий подвиги Рустама. Очевидно, волковецкое существо — злой дракон с чертами сэнмурва, а остальные — добрые Симурга (особенно елизаветовский змееборец). Глиняные фигурки крылатой собаки (сэнмурва) и птицечеловека (Гару-ды) найдены на Вельском городище.

У скифов образы сэнмурва, грифона и дракона как бы переходят друг в друга. Это не прихоть художника. Все эти существа призваны соединять три (или хотя бы два) вертикальных мира. В мире мифологических зверей идет та же борьба, что и в мире богов: чудовище стремится завладеть всеми тремя мирами, но ему противостоит добрый чудо-зверь, которому доступны все эти миры.

В скифской космологии хищные птицы символизируют верхний мир, копытные животные — средний, хищники — нижний. У скифских же чудо-зверей, описанных выше, преобладают черты существ верхнего и нижнего миров. Скифы противопоставляли эти два потусторонних, загробных мира земному миру жизни. Именно с потусторонним (духовным) миром связан зороастрийский сэнмурв (саена).

У античных авторов грифоны иногда имеют черты волка или собаки («безгласные псы Зевса», по Эсхилу). Грифоны с чертами собак есть в древнем и средневековом искусстве Средней Азии. Крылатые собаки встречаются в легендах Средней Азии, Алтая и Хакасии. Все это подтверждает, что образ собако-птицы — общеиндоевропейский.

https://RodnoVery.ru

У славян изображения сэнмурва-Симаргла впервые появляются на преславской диадеме X в.[40] Симарглы с головами барсов, грифоны и крылатые барсы сопровождают здесь Александра (Даждьбога), летящего на грифонах. Особенно часто встречается Симаргл на древнерусских под-весках-колтах и русальных браслетах XII—XIII вв. В этих украшениях плясали на языческих русалиях княжны и боярышни. Хвост, крылья, язык Симаргла изображаются здесь процветшими или перерастают в растительную плетенку. Иногда он имеет голову грифона или барса.

Древнерусский Симаргл крылат, однако связан не с небом, а с плодородной почвой. На браслете из Твери, на сербских и украинских книжных миниатюрах XII—XVI вв. Симарглы находятся у корней древа жизни, вырастающего из их тел. На металлической арке XII в. из Вщижа они изображены ниже птиц, символизирующих движение солнца, и выше ящеров — хозяев нижнего мира.

На браслете из Старой Рязани хвосты Симарглов перерастают в древесные корни. А на тверском браслете Симаргл вырастает из земли подобно дереву. Плясунья-ру-сальница с рогом в руке держит его за крыло. Это позволило Б. А. Рыбакову отождествить Симаргла с загадочным богом Переплутом, поклонники которого (согласно анти-языческим поучениям), вертясь в танце, пили из рогов. Переплута исследователь усматривает и в изображениях птиц с мужскими головами в колпачках. На браслетах тела их, как и у симарглов, перерастают в корни или растительную плетенку. На рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском у них — спирали на груди и процветшие хвосты.

Со спиралями (знаками солнца) и чешуйчатыми телами изображены (подобно семибратненскому сэнмурву) симарглы на вратах собора Рождества Богородицы в Суздале (XIII в.). Сэнмурвы со спиралями на крыльях известны и в венгерском искусстве X в. А на крыльях «переплутов» на старорязанском браслете — солнечные косые кресты.

Эта связь Симаргла одновременно с землей, растительностью и солнцем заставляет вспомнить Ярилу или Диониса (отождествлявшегося с подземным солнцем). А в Вельске (Гелоне), где найден глиняный сэнмурв, ираноязычные будино-гелоны почитали «Диониса Гелонского».

В древнерусском искусстве, как и в скифском, очень близки образы Симаргла-сэнмурва и дракона. В средневековом искусстве Запада и Руси дракон (например на иконах св. Георгия) имеет собачью (волчью) голову, длинное тело змеи, крылья и пару лап хищника. Но у собакоголо-вого «дракона» на капители XII в. из Чернигова процветший хвост перерастает в плетенку. У драконов на рельефах Георгиевского собора — процветшие хвосты и сплетенные узлом тела, иногда — бородка (как у скифского и иранских сэнмурвов). На суздальских вратах и у драконов, и у си-марглов чешуйчатые тела и собачьи головы; у драконов также процветшие хвосты, иногда бородки, на крыльях — ростки или спирали.

У южных славян, как уже говорилось, добрые драко-ны-громовники бьются со злыми — водными. На древнерусских хоросах (церковных люстрах, символизирующих солнце) изображаются драконы и грифоны, а на ростовских резных наличниках XIX в. собакоголовые драконы охраняют солярный знак. Среди чудо-зверей георгиевских рельефов есть «грифозмей»: передняя часть тела грифона, две лапы, процветший змеиный хвост, на груди — солнечная спираль. Он напоминает скифского «грифона-гиппокампа», тоже солярного: этот зверь изображался на навершиях там же, где в других случаях выступает Аполлон-Гойтосир, грифон или просто солярный знак.

Итак, уже в общеиндоевропейской мифологии было крылатое существо — змееборец, связанный с плодородием, растительностью и всеми тремя мирами. В общеиндоиранской мифологии оно выступало в трех образах — гигантской хищной птицы, крылатого пса и птицечеловека. У иранцев (и греков) это существо слилось с ближневосточным грифоном, у скифов — также с драконом. Отчасти слились у скифов и образы грифона и дракона. При этом древний крылатый персонаж у иранцев раздвоился на благого небесного змееборца и злое небесное или подземное чудовище.

К славянам от иранцев проникли позитивные образы дракона, грифозмея и сэнмурва, связанные с растительным плодородием и солнцем. Произошло это задолго До X—XIII вв., когда эти образы материализовались у славян в золоте, серебре и камне. Персидские сэнмурвы, вероятно, повлияли на внешний облик славянских симарг-лов, но само имя (а значит, и образ) Симаргла заимствовано от северных иранцев (скифо-сарматское marg вместо персидского [marg]). И не от сарматов (у них, как и у средневековых аланов и осетин, крылатый пес не встречается), а скорее всего, от будинов-гелонов скифского времени.

На древнерусских украшениях грифоны чаще встречаются к западу от Днепра, симарглы — к востоку. 1

При этом на славянской почве Симаргл сильно изменился: стал лишь божеством земной почвы, приобрел более человекоподобный облик и чисто славянское имя Переплут. Но неизменной осталась его добрая суть стража и источника сил плодородия. Единственный из славянских чудо-зверей, он занял место в «пантеоне Владимира» среди верховных богов Руси.

---

[40] Сосуды из Надь-Сент-Миклоша принадлежат не славянам, а тюркам-протоболгарам, ославянившимся лишь в А в.

https://RodnoVery.ru

Прове — бог правосудия

Племя вагров, обитавшее на востоке нынешней Гольштинии, почитало бога Прове. Святилище его описал Гельмольд, который собственноручно это капище разрушил (Священник с епископом по-воровски подожгли святыню, когда в ней никого не было: славяне даже не охраняли ее, не ожидая ни от кого в мирное время такого кощунства.) Несколько дубов среди заповедной рощи окружала ограда. В ней по вторникам князь и жрецы вагров вершили суд.

Идола в святилище вовсе не было. Тем не менее внешний вид Прове описан Бото. Бог был с длинными ушами, в короне и сапогах, в руках держал знамя и красный proveyssen («железо испытания») — атрибут «божьего суда». Последний состоял в том, что обвиняемый должен был удержать в руках раскаленное железо (например сошник). Позднейшие авторы и иллюстраторы превращали этот предмет в щит или сошник. «Божий суд» такого рода больше свойствен германцам, чем славянам, но ведь вагры жили на самом западном краю славянского мира.

В скупых сведениях об этом боге много загадочного. Имя его, очевидно, означало «право» или «правый». Он, безусловно, был богом правосудия. Корона — знак власти. В то же время знамя — скорее, атрибут воина. А длинные уши — черта животного (волка? собаки? копытного). Она естественна для лесного бога. Что означали сапоги, не ясно.

Исследователи нередко отождествляют Прове с Перуном. В печатных изданиях Гельмольда имя бога передается как «Проне», но это скорее поздняя описка. Существеннее то, что дуб — священное дерево Перуна. Грозный бог-воитель, хранитель клятв и каратель преступников, вполне мог стать богом права и суда, покровителем испытания, связанного с металлом и огнем.

С другой стороны, вторник в астрологической системе день планеты Марс и бога войны. В поэме Низами «Семь красавиц», построенной на астрологической символике, Марсу посвящены красный цвет и народ славян — бесстрашных воителей. Как показано выше, с Марсом западные славяне отождествляли Даждьбога-Ладо, а с планетой Марс — его смертоносную ипостась. Быть может, Прове §У| это Даждьбог? Тем более что хранителем справедливости и закона у славян считался в первую очередь Даждьбог-Солнце. Тогда корона Прове может быть лучистым венцом Солнца, а длинные уши бога — собачьими или оленьими (вспомним Ивана Сучича или златорогого оленя, рождающегося на Рождество у болгар). А раскаленный сошник как средство испытания напоминает пылающий небесный плуг Колаксая.

У других славян, кроме вагров, Прове неизвестен. Но этот, казалось бы, чисто племенной бог, не выпадает из общеславянского пантеона, считать ли его Перуном или Даждьбогом.

https://RodnoVery.ru

Ругевит и Поревит — боги лета и зимы

В Коренице на Руяне стояли храмы трех богов — Ругевита (Руевита), По-ревита и Поренута. Ругевит имел семь лиц; у пояса же семь мечей, а восьмой — в руке. Он почитался как бог войны («Марс»), а в его святилище стенами служили пурпурные занавески. По-ревит имел пять голов и был безоружен. О Поренуте (видимо, Велесе — праотце богов) уже говорилось. В саге о Книтлингах эти три бога именуются Рунвит, Турупит и Пурувит.

По остроумной догадке историка XIX в. К. Швенка, семь голов и семь мечей Ругевита означают семь весенне-летних месяцев (с марта по сентябрь), а пять голов Пореви-та — пять месяцев осенне-зимних (с октября по февраль). Поэтому первый бог активен и воинствен, а второй — пассивен.

Киевский археолог Н. А. Чмыхов на большом материале доказывал, что племена бронзового века (в том числе и праславяне) придавали особое значение периоду от весеннего до осеннего равноденствия, охватывавшему все основные сельскохозяйственные работы. Во II—I тыс. до н. э. этот период включал семь знаков зодиака, от Тельца до Скорпиона. Именно с этим исследователь связывает се-мичастные композиции на керамике того времени. В частности, на селище Таценки тшинецкой (праславянской) культуры найдено пряслице (глиняный кружок, надевавшийся на конец веретена) с семью выступами. На выступах этих изображены те самые семь созвездий!

Имя Ругевита, видимо, родственно чеш. *rugny* — «жаркий» и означает «жаркий (солнечный) свет». Возможна также связь с названием месяца сентября (цер-ковн. *«руень»,* серб, *«рujan»)* или октября (чеш. *rijen),* если седьмой и восьмой мечи бога соответствуют двум этим месяцам. «Поревит» же может означать просто «следующий за Ругевитом» (ср. Лель и Полель).

Или же быть связанным с чеш. *рога* — «зима», рус. «пора».

Датчане, разрушавшие в 1168 г. кореницкие храмы, потешались над тем, что борода Ругевита была засижена ласточками. Вряд ли, однако, славяне ленились чистить своего бога. Скорее, ласточек не сгоняли с изваяния бога весны, потому что это были священные весенние птицы. Украинцы встречали весну, нося чучело ласточки.

Если верить саге о Книтлингах, кореницкие боги творили такое «чудо»: когда мужчина с женщиной совокуплялись перед ними, то не могли разъединиться, пока не покидали священный город. Не приняли ли, однако, христиане за чудо обряд, связанный с магией плодородия? Обряд, по современным понятиям, безнравственный и непристойный, но однако же не сравнимый с порнографическим шоу. На Святки, например, у восточных славян ряженые валяли вместе парней и девушек, заставляли девок целовать в «срамное место» парня, изображавшего мертвеца, и т. д. А после сева супруги совокуплялись прямо на поле — ради хорошего урожая. Все это делалось не в угоду животным инстинктам и не ради наживы, а чтобы обеспечить, как искренне верили люди, благополучие семьи или общины. Во имя этого они делали то, что в обычное время считалось грехом и стыдом.

Поздний саксонский хронист Д. Хитреус сообщает, что в Юлине (Волине) до 1170 г. почитались боги Харвит и Баровит, соответствующие Марсу и Меркурию. Это, несомненно, Яровит и Поревит. Воинственный бог весны здесь противопоставляется мирному (очевидно, зимнему) богЦ торговли и магии.

Трудно отождествить Ругевита и Поревита с другим славянскими богами. Ругевит весьма близок к Яриле-Яровиту, но так же и к Перуну и Даждьбогу — ко всея трем воинственным Сварожичам, происходящим в мир вф-] ной и несущим ему жизнь и обилие. Поревит отчасти поминает Велеса — мирного бога колдовства и торговл связанного и с зимой (церковь, поставленная на месте ка пища Велеса в Ростове, посвящена Богоявленью).

Но с Меркурием отождествлялся и чешский Зелу, т. е. Даждьбог-Радигост, рождавшийся зимой. А с Зелу-Меркурием в славянской (чешской) астрологии соседствовал Смертонош-Марс (вероятно, другой лик Даждьбога). Быть может, Ругевит и Поревит — две ипостаси одного и того же бога (Даждьбога? Ярилы?): весенняя, воинственная, и зимняя, мирная. Вспомним также пару богов на Збручском идоле: воитель Перун и мирный Даждьбог.

Так или иначе, два кореницких бога составляли диалектическую пару. А объединял их третий бог — Поренут, то есть Велес, праотец всех богов.

Вся кореницкая триада — явление локальное. Ругеви и Поревит, помимо Руяна, видимо, почитались лишь в соседнем Волине. Но в этих образах отразились и общее вянские мифологические представления.

https://RodnoVery.ru

Курент — веселый бог

Курент известен только по словенскому фольклору. Этот веселый бог ходил со скрипкой или дудкой. Его игра может исцелить, а может заставить плясать. Он свистит в уши безнадежно влюбленным парням. Крадет у богачей еду и одежду и отдает беднякам. Одного человека он спас во время Всемирного потопа, протянув тонувшему с неба виноградную гроздь.

Курент связан со Святками и Масленицей. С и хорваты на Масленицу носили, поили, судили и казнили (топили, сжигали, закапывали, расстреливали) чучело. В Далмации его именовали Карнавал, в Славонии -— По-кладна баба, в Словении — Пуст, Соломенный муж или Курент. Курентами называли также масленичных ряженых. Они ходили в рогатых, усатых и длинноносых масках, с палками, к которым были привешены шкурки ежей. В болгарской легенде еж уговаривает Солнце не жениться, чтобы дети того не сожгли весь мир. Иранские же народы почитали ежа как борца со змеями. Среди курентов были «черт», «тур», «лошадь» и другие маски.

Связь Курента со Святками и Масленицей, явная близость его к Маржаку-Масленику заставляет видеть в нем Даждьбога. В то же время веселым и беззаботным нравом он скорее напоминает Ярилу. Возможно, на образ Курента повлиял Дионис — как античный бог, так и средневековы карнавальный Бахус (известный, как уже сказано, и западным славянам).

https://RodnoVery.ru

Две зари — утренняя и вечерняя

Среди общеиндоевропейских божеств была и богиня утренней зари — индийская Ушас, греческая Эос, римская Аврора, балтская Ауш-ра, германская Остара. Эос, сестра и спутница Гелиоса-Солнца, олицетворяла одновременно утреннюю и вечернюю зарю. Ушас (Уша), сестра Ночи и мать (или возлюбленная) Сурьи-Солнца, отличалась от Пратюши — вечерней зари. У балтов было и мужское воплощение зари — Усиньш, бог-всадник и покровитель коневодства.

На миниатюре Хлудовской псалтыри XIII в. утренняя Заря — женщина в красном, с факелом и красным кольцом в руках; вечерняя же — в зеленом, с ящичком. Солнце движется от первой ко второй. Все это удивительно напоминает изображение из индийского пещерного храма Натик (И—III вв.): Уша зажигает Солнце факелом и пересылает светило Пратюше. Вспомним также Митру и его спутников-факелоносцев — Каута (в красном) и Каутопата (в зеленом). Они символизировали, помимо всего, утреннюю и вечернюю зарю. А изобразил славянский миниатюрист всю эту древнейшую языческую композицию для того, чтобы показать, как некий святой молится от зари до зари.

Утренняя Заря с кольцом в руке стоит на Збручском идоле рядом с Даждьбогом. Этот образ был известен и западным славянам. В гербе герцогов мекленбургских (бывших бодрицких князей) фигурирует рука, держащая кольцо и ленту, или девушка с лентой. Герцог Прибыслав Пархим-ский (XIII в.), по словам хрониста, почитал эту девушку «совсем и совершенно как бога». Не удивительно, ведь в том же гербе выступали атрибуты солнечного Радигоста Сварожича.

Титмар Мерзебургский описал славянский обряд: пастух, неся шест, увенчанный изображением руки, держащей кольцо, обходил дома и восклицал: «Бди, Генниль, бди!». Уже в XIX в. онемеченные жители села Зебен у Зальцведеля (на нижней Эльбе) с теми же словами плясали вокруг срубленного дерева. Их соседи-древане, еще сохранявшие славянскую речь, на Благовещенье ставили срубленное дерево с железным петухом на верхушке и плясали вокруг него. В селе Предель вокруг такого же дерева гоняли скот.

Этот Генниль, охраняющий скот, явно связан с солнцем, весной и утром (петух — вестник зари). Ушас молили об изобилии скота, а Усиньш покровительствовал коням. Имя Генниля, по мнению А. Френцеля, звучало по-славянски как «Гонидло» — «погонщик (скота)». Оно напоминает также польское, словацкое и венгерское слово hajnal — «утренняя заря». У литовцев бог скотоводства именовался Гониглис.

Богом зари, вероятно, был первоначально и русский Ов-сень (Усень, Таусень, Баусень и др.). Имя это родственно именам Усиньша, Ушас и т. д. В святочных песнях Ов-сень — воплощение Нового года. Он дарует изобилие и богатство, но распределяет их между людьми не поровну. Рубит сосну и строит мост, по которому едут три брата, три праздника — Рождество, Новый год и Крещение. Или же сам едет по мосту верхом на коне или свинье, напоминая этим как солнечных богов, так и германского Фрей-ра, бога солнца и плодородия, ездящего на златошерстном вепре. Овсень не связывался прямо с утренней зарей, то есть началом дня. Но он твердо связан с началом года. Потому его и просили дать благополучие на целый год.

В народе к утренней и вечерней заре относились не одинаково. Их обеих почитали, заговоры произносили обычно на заре, оборачиваясь утром к востоку, вечером — к западу. Утреннюю Зарю называли Марьей, вечернюю — Маремьяной. (Очевидно, их языческие имена были сродни именам Мораны и Мары.) Однако вечерней зари боялись, считали, что спящий в это время скоро умрет. Наоборот, на три или семь утренних зорь ставили посевные зерна, на одну — лучший моток пряжи. Верили, что от этого урожай будет обильным, а пряжа — хорошей.

В заговорах обе Зари обычно упоминаются вместе. Или же выступает только одна «Заря-зареница, красная девица». У зари или Зорь просили исцеления, защиты от оружия, а также хорошего урожая.

Зарю величали девицей, но однако же упоминали ее плачущее дитя. Или же прямо отождествляли «красную девицу» с Богоматерью. То есть с Ладой, рожающей на заре Зоревика-Даждьбога.

Казалось бы, заря — прекрасное явление природы, которым можно лишь бескорыстно любоваться. Славяне-язычники думали иначе. Заря прекрасна — значит, добра. А раз добра — значит, может помочь людям.

https://RodnoVery.ru

Обида, Карна и Желя — вестницы смерти

В «Слове о полку Игореве» поражение Игорева войска и последующее вторжение половцев описываются как космическое бедствие. С дерева падает на землю зловещий Див-грифон. Плещет лебедиными крыльями дева Обида, неся Даждьбожьим внукам (русичам) горе и разорение. Скачут страшные всадницы Карна и Желя (Жля), с криком разбрасывая горящие угли из огненного рога.

Эти три богини напоминают германских валькирий крылатых конных воительниц, сеющих смерть, а также подобных им южнославянских вил. Лебедь — птица нижнего мира, на лебедях ездит под землей Солнце. «Белой Лебедью» зовется Марья-Авдотья Лиходеевна. Троянова земля (у устья Дона, в глубине половецкой степи), где живет Обида,— та же преисподняя, царство Трояна-Чернобога. Имена же Карны и Желі происходят от древнерус. «ка-рити» и «желети» — «оплакивать умерших».

Для воинственного германца пасть в бою, даже потерпев полный разгром, и вознестись с валькириями в Валгаллу («зал мертвецов») — высочайшая честь и счастье. Но славянам был чужд такой культ войны и смерти. Для них военное поражение — горе, торжество темных сил.

https://RodnoVery.ru

Царь Морской

В мифах многих индоевропейских народов выступает бог моря: индийский Варуна, индоиранский Апам На-пат, греческие Океан, Нерей, Посейдон, римский Нептун, кельтские Лир (Нуаду) и его сын Мананнан, германские Ньѐрд и Эгир. Обычно он — зрелый муж-колесничий или величавый старец, властный также над всеми земными водами. Все реки — его дочери. Он не зол, но суров, гневен и своенравен.

Жизнь праславян была мало связана с морем. Их территория выходила к нему лишь в польском Поморье, но и отсюда их часто оттесняли германцы и балты. Хотя Балтийское море в начале нашей эры именовалось Венедским, то есть славянским. Лишь в раннем средневековье славяне обрели более широкий выход к Балтийскому, Черному и Адриатическому морям.

И все же в славянском пантеоне был и бог морей — Морской Царь. Его образ сохранился лишь в былине о Садко. Герой этой былины — не только удачливый рыбак и купец, но и могучий волхв-шаман. Завороженный его игрой на гуслях, Морской Царь дает ему поймать трех чудесных золотых рыбок, и неимущий гусляр делается богачом. Он выходит на кораблях в море, но поднявшуюся бурю можно усмирить лишь человеческой жертвой. И Садко попадает на дно моря, в хрустальный дворец владыки вод.

От игры гусляра Морской Царь расплясался, да так, что корабли начали тонуть. Садко прекратил игру — и море утихло. Тогда повелитель вод решил привязать его к себе, женив на одной из своих многочисленных дочерей. По совету св. Николы Садко выбрал красавицу Чернаву, однако ночью не стал овладевать ею. И проснулся... на берегу реки Чернавы.

Былинный Морской Царь могуч и величествен, но, приглядевшись, в нем легко узнать самого обычного водяного.

Тот тоже любит музыку и пляски, заставляет утопленников играть для себя и порой живет во дворце. С человеческими жертвами водяному этнографы не сталкивались, оДнако рыбаки на Онежском озере топили чучело в виде человека.

И все же Морской Царь — не просто «разросшийся» в поздние времена водяной. Есть у него и древние индоевропейские черты. Подобно Нерею или Океану, он — отец рек. Его не представляли колесничим наподобие Посейдона, Мананна или Апам Напата. Но в жертву водяному приносили лошадей.

В мифологии восточных славян известны и другие цари. Так, лешими повелевает «лесной царь», домовыми и дворовыми — «дворовый царь». «Лесным царем», «водяныл царем» могут величать и обычного лешего или водяного.

Морской Царь стоит, таким образом, на грани между миром великих богов и миром «боженят» — стихийные духов. А великие боги уже начинают теснить его. В былине усмирить морского владыку помогает Садко св. Николай. Как уже указывалось, за ним, возможно, стоит Стрибог, также связанный с морем.

https://RodnoVery.ru

Боги и богини малоизвестные и вымышленные

О некоторых славянских богах и богинях, к сожалению, неизвестно ничего или почти ничего, кроме имен и мест поклонения. Об их функциях, родственных связях, даже о значении их имен можно лишь догадываться. Таковы плоды истребления «просветителями» памяти о богах славян.

В хронике Вацлава Гаека говорится о почитании чешскими князьями и княгинями ряда богинь. Сведения его очень скупы и лишь немного дополняются чешским историком Я. Ф. Гаммершмидтом (1659—1735). Следует заметить, что в легендарной истории Чехии большую роль играют вещие княгини, жрицы, амазонки. Вполне естественно и большое значение в столь матриархальной стране культов богинь.

Знаменитыми волхвинями были три дочери князя Крока: Казн — знахарка и прорицательница, Тетка — жрица и учредительница обрядов, Либуша — княгиня и пророчица, «сивилла чехов». Тетка основала священный город Тетин, а рядом, на горе Поглед,— капище богини Климбы. На этой же горе жрица была погребена, и на поминках по ней (в 9-й день) ее муж принес обильную жертву этой богине. Имя Климбы родственно слову *klimbati* — «дремать», «качаться». По Гаммершмидту, идол ее был каменный, в каменной короне, со щитом в левой руке и золотым копьем в правой. Очевидно, это была богиня сна, ночи (возможно, луны) и войны. Не тождественна ли она Де-ване или Моране?

Богиня Дирцея и бог Зелу помогли Пржемыслу, мужу Аибуши, одолеть амазонок Власты. Как уже говорилось, эта божественная пара может соответствовать Моране и Даждьбогу.

Князь Незамысл и княгиня Лидомира почитали богиню Красатину, соответствующую, видимо, Красопани-Ладе. Княгиня Банка узнавала волю всех богов через посредство богини Кигалы. Больше об этой вестнице богов ничего не ведомо.

Князь Вехослав из Клатова почитал богиню войны Клювину и поставил ей святилище с серебряным идолом-оракулом. О ней известно лишь по Гаммершмидту. Она также может быть ликом Мораны или Деваны (серебро — металл луны и загробного мира).

Княгиня Людмила, будущая крестительница Чехии, поклонялась богине Кросине. Эта богиня, чей золотой идол был перелит в статую Богоматери,— также ипостась Лады (см. выше).

О божестве Бода, почитавшемся на Лысой горе в Польше вместе с Ладой и Лелей, уже говорилось. Возможно, это — перенятый у германцев Водан.

Божество Подага имело свой храм и идола в Плуне, в земле вагров. Только это и сообщает о нем Гельмольд. Исследователи чаще всего отождествляют это божество с польской Погодой.

«Сага о Книтлингах» именует кореницкого Поренута «Турупит». Это напоминает эстонское божество «Тарапи-та», о котором говорит хронист Генрих Латвийский (XIII в.). Последний, однако, не понял эстонского выражения «Таарепи, та!» — «Таара, помоги!» Карело-финский Таа-ра, Туури — бог неба и грома. Не отождествляли ли с ним руяне Поренута? Или датский автор просто перепутал славянского бога с финским?

Та же сага говорит о боге Пизамаре, почитавшемся в Яс-мунде на Руяне. Это имя исследователи толковали по-разному: «Бесомир», «Бесомор», «Позмор» (то есть бог моря), «Печимир» («пекущийся о мире»). Не ясно, был ли это бог смерти (Чернобог?) или, наоборот, добрый бог, защитник людей от бесов. Вряд ли, впрочем, капище Чернобога могло существовать не в карпатской глуши, а на густонаселенном Руяне, недалеко от Арконы — твердыни Святови-та. Скорее здесь можно предполагать какую-нибудь мрачную ипостась Даждьбога.

Бог Годраг (или Гонодраг) почитался в Зверине (Шве-рине) у бодричей. Церковники велели славянам вместо него почитать св. Годегарда (руководствуясь, видимо, сходством имен). Об этом сообщил продолжатель Гельмольда Арнольд.

Лужицкие историки XVIII в. Френцель и Кнаут утверждали, что в городе Цейц (южнее Лейпцига) славяне почитали богиню-мать Цицу (чеш., польск. и луж. *сус* — «женская грудь», рус. «титька», укр. «цицька»). Ее храм здесь якобы существовал при Карле Великом. Лужичане, однако, называют Цейц не «Циц», а «Жич». А немецкая хроника XVI в. говорит о почитании Цицы в Аугсбурге и ее празднике 28 сентября, после жатвы.

Аугсбург лежит в Баварии, далеко от славянских земель. Его римское название — Августа Винделиков. Быть может, немец-хронист спутал славян-венедов с кельтами-винделиками и перенес славянскую богиню за Дунай? Или, наоборот, лужицкие книжники перенесли к славянам чужой культ? Или же этот культ, как и некоторые другие, был общим для славян и германцев? Сама же Цица была, очевидно, одним из многих ликов Матери Мира.

Все рассмотренные до сих пор божества, по крайней мере, действительно почитались славянами. Но, к сожалению, по страницам популярной и неоязыческой литературы до сих пор странствуют «славянские боги», которых не почитал никто и никогда. Своим появлением они обязаны, в лучшем случае, домыслам поздних авторов, в худшем же — бессовестному обману.

В 1550 г. в Тюрингии была найдена полая бронзовая фигурка толстого голого человека. Внутрь ее можно было залить воду, развести в нижней части огонь — и толстяк принимался с шумом извергать изо рта и отверстия в голове дым и пар. В 1561 г. историк Г. Фабрициус счел фигурку идолом, изготовленным

https://RodnoVery.ru

хитрыми жрецами, и окрестил ее «Пустериком». Полтора века спустя А. Френцель принял этого «идола» за лужицкого бога «Быстрика». На самом деле «Пустерик» был механической игрушкой XV—XVI вв.

Г. Шпонгольц, фабрикуя своих «приллвицких идолов», наносил на них имена славянских и балтских божеств — Белбога, Радигоста, Живы, Прове, Перкунаса и др., а также римской Немезиды («Немиса») и германского Водана («Вода»). Некоторых же богов литейщик измыслил сам. Среди них Числобог (с полумесяцем на плечах), Чернитра (дракон), Ипабог (с охотничьей сценой на спине и большим фаллосом). Числобог, очевидно, бог времени, а Ипабог — охоты. Имя и внешность последнего явно говорят о знакомстве Шпонгольца со славянскими непристойными выражениями...

Числобог попал и в «Велесову книгу» Ю. П. Миролюбова. Там же в качестве славянских богов фигурируют индийские: Индра, Шива (Сивый), Вишну (Вышень), Кришна (Крышень), Сурья, Дьяус (Питар Дый), Притхиви (Протева). Миролюбов по-дилетантски отождествлял язык и пантеон древних индийцев с общеиндоевропейским. Образы Сурьи-Солнца, Дьяуса-Неба, Притхиви-Земли, Индры-Громовника — действительно общеиндоевропейские. Но образы Шивы и Кришны сложились в основном уже в послеведические времена. В славянских же источниках все эти теонимы не встречаются (кроме Дыя и Индри-ка — Индры[41]).

Особое место в «Велесовой книге» занимает Матерь Сва-Слава — огненная птица. Она воспевает победы русов, зовет их в бой, но может и опустошить мир огнем. Этот образ напоминает и русскую Жар-птицу, и Матаришвана — индийского Прометея. Но нигде, кроме «Велесовой книги», он, опять-таки, не встречается.

Древнерусские и общеславянские боги (Перун, Велес и др.) в «Велесовой книге» соседствуют с западнославянскими Триглавом и Святовитом. Кроме того, перечисляются десятки второстепенных богов, олицетворяющих месяцы года, явления природы и человеческие дела (Ледич, Лютич, Ягодич, Озернич, Мыслич, Гостич и т. д.). Они нигде не известны, кроме этой книги и «фольклорных» записей ее «открывателя» (и только его!). Другие «оригинальные» боги в книге хотя бы соответствуют известным славянским божествам: Заребог — Ютробогу, Землебог — вероятно, Велесу, Перуница — Летнице, Яробог — Яри-ле и др.

Следует отдать должное литературному таланту Юрия Петровича, его искреннему патриотизму и бескорыстию. Но изучать славянское язычество по «Велесовой книге» нельзя, как нельзя изучать кельтскую старину III в. по «Песням Оссиана», подделанным Дж. Макферсоном.

Среди украинских неоязычников популярны богини Слава и Дана. О богине Славе писал еще Ян Колар в XIX в. Дану же «извлек» в 1860 г. Галицкий историк Я. Головацкий из гуцульских припевов. Предполагают, что Слава была богиней войны, а Дана — воды. Да, «Слава!» было боевым кличем запорожцев. А «Дана» родственно иранскому корню don («вода», отсюда «Дон», «Днепр» и др.), а также именам двух богинь: индийской Дану (матери демонов-данавов) и кельтской Дану (прародительницы племени полубогов). Но, в отличие от Лады, Лели и т. д., Слава и Дана ни в каких письменных или фольклорных источниках не выступают как богини и вообще человекоподобные существа. Так что существование таких богинь у славян — не более чем догадка.

Но, как видим, славянский пантеон достаточно богат и без сомнительных или вымышленных божеств.

---

[41] *Индриком* (Индрой) — зверем в русских духовных стихах именуется мамонт, что напоминает Аиравату слона Индры.

https://RodnoVery.ru

Славянские боженята

Славянский Олимп, мир великих богов, как бы покоился сверху на более обширном мире «боженят» — низших божеств. Не только в ученых книгах, но нередко и в народе боженят именуют «духами», хотя они, как правило, не бестелесные призраки, а существа из плоти и крови. Они даже не бессмертны, и их можно убить. Порой их зовут богами и богинями. Часто же (не без влияния христианства) — «нечистой силой», «нечистыми», хотя многие из них больше помогают людям, чем вредят.

Древнерусские авторы знали, что берегинь 7 или 9 сестер, а вил — 27 или 30 сестер. Обычно же боженят каждого вида — бесконечное множество, и они лишены индивидуальных имен. С великими богами у них порой довольно тесные связи. Великая Богиня может именоваться Берегиней или вилой Живой. Морана — предводительница русалок. Яриле (Георгию) служит волчий пастырь (разновидность лешего). Сатана (Чернобог) — повелитель чертей. Дружину Перуна составляют гарцуки. Месяц (то есть Белее) — солнце и божество мира боженят, и они ему поклоняются.

Мир этот старше многих богов: образы леших, водяных, русалок, упырей и др. сложились еще у первобытных охотников и рыболовов. При этом он необычайно живуч. Церковники не сумели искоренить не только веры в боженят, но и их культа. Жертвы водяному или домовому приносились и в XX в. Более того, семья «нечистых» уже в христианские времена пополнилась «колокольным ма-ном», обосновавшимся прямо на церковной колокольне, чуть ли не в самом храме нового бога! Да и в церкви нечистые могли устроить форменный шабаш: вспомним гоголевского «Вия».

По преданию, боженятами стали бесы, сброшенные с небес Богом при разгроме Сатаны: кто упал на дом — стал домовым, в лес — лешим, в реку — водяным и т. д. Упырями, русалками, мавками и т. п. становятся люди, умершие «недоброй» смертью: утопленники, самоубийцы, некрещеные дети[42], злые колдуны и т.д. Домовыми же — предки хозяев дома. «Нечисть» охотно подменяла человеческих детей своими или забирала детей, проклятых родителями. Наконец, боженята интенсивно плодились, сходясь друг с другом и с людьми.

Отношение боженят к людям варьирует от доброжелательного до враждебного. Как правило, чем ближе к человеку обитает какой-либо дух, тем меньше он ему вредит и больше помогает. Наоборот, чем больше связан дух с миром дикой природы, а не со сферой культуры, тем он злее и опаснее. Наиболее злы черти, обитающие в болотах или под землей. В целом же боженята не так злы, как проказливы и мстительны. Элементарное уважение, скромные жертвы, соблюдение определенных правил — этого всего хватает, чтобы завоевать расположение большинства из них. Особо же зловредных можно и усмирить магическими средствами — например, плетью или крепким матом.

Наиболее близок и добр к человеку домовой. Имен у него множество. Восточные славяне его величают «хозяин», «дедушко-браток», «господарь» и т. п., западные славяне и словенцы — «скрат», «кобольд» (на немецкий лад), «красняк», «краснолюд» (из-за его красной одежды или шапки), южные славяне — «стопан» (хозяин). Домовым, как уже сказано, становится один из предков семьи. Является он во всем похожим на хозяина дома или же низеньким человеком, заросшим шерстью (чем она гуще — тем богаче семья). Или же в виде животного, особенно змеи (это может быть и реальный домашний уж) или ласки. У него есть жена-домовиха и дети.

Домовой усердно заботится о хозяйстве и скотине, поучает хозяев, предсказывает им будущее, предупреждает о несчастьях. Без него и дом не стоит. Потому, переезжая в новое жилье, из старого перезывают домового. Ему ставили угощение, дарили монеты, лоскуты и т. д. Но если «хозяин» прогневается на людей (за лень, ссоры, несоблюдение правил и обычаев) — беда. Он устроит в доме, по-современному говоря, полтергейст, изведет скотину, будет давить во сне. Еще хуже, если колдун вселит в дом «чужого» домового, способного лишь вредить. Такого уже не умилостивляют, а изгоняют плетью или вилами.

Может поселиться в доме и совсем уже вредное существо — кикимора. Выглядит она, как маленькая горбатая старушка в лохмотьях. Вырастает из некрещеного или проклятого ребенка. Или недобрые люди (обычно печники либо плотники, не поладившие с хозяевами) вселяют ее в дом, запрятав в нем особую куколку. Полтергейст — основное занятие кикиморы: бить посуду, всячески шуметь, являться в виде животных и т. п. Еще любит она прясть и шить, но неумело, никогда не доводя до конца. Избавиться от нее удается с трудом, с помощью особых обрядов. Живет она также в болоте. При всем этом кикимора может и помогать хорошим хозяевам, а плохим вредит особенно усердно.

На Рождество кикимора рождает шуликунов. Эти демоны (от тат. «шульган» — «водяной») известны лишь на русском Севере. Они живут в воде и заняты тем, что на Святки бегают толпами и всячески пакостят людям, после чего исчезают.

Близка к кикиморе общеславянская мора (змора), давящая людей по ночам.

На дворе обитает дворовой, заботящийся о скотине. В народном представлении он почти сливается с домовым.

Нельзя не заметить близость домового и дворового к Велесу, а кикиморы — к Мокоши-Пятнице. Кикимора вообще выглядит какой-то карикатурой на Мать Мира (или на Ягу). Ученые давно спорят: выросли великие боги из боженят или деградировали до их уровня? Это напоминает спор о курице и яйце.

https://RodnoVery.ru

Вернее будет сказать, что боги и духи с одинаковыми функциями создавались как бы по одной модели. Росла власть над обществом старейшин, вождей, шаманов — и разрастались образы могучих богов. Но верующим нужны были и такие боги, с которыми можно разобраться по-семейному. От Велеса ведь горшком каши не откупишься и вилами его не прогонишь! Вот и соседствовали боги (а затем святые) с боженятами.

Западным и восточным славянам, а также словенцам, балтам и немцам известен домовой в виде огненного летучего змея. Западные славяне зовут его пливником или денежным (пшеничным, молочным) змеем, восточные — просто змеем. Выводят его из яйца, снесенного петухом. Змей носит своему хозяину деньги, зерно, муку или молоко (украденные в чужих домах). Ему сродни огненный змей-соблазнитель — летавец, прелестник. Этот сам прилетает, но только к женщине, тоскующей по умершему или отсутствующему мужу. Принимая его облик, змей сожительствует с ней, а заодно приносит деньги, зерно и т. д. Только от его любви она быстро истощается и умирает, если его не отвадят молитвами или магическими приемами.

Эти персонажи опять-таки сродни великому богу — Перуну. Не только обликом змея, но и склонностью к любовным похождениям, столь свойственной индоевропейскому громовнику. Особенно интересен западнославянский рарог — существо того же типа. Он может являться не только огненным змеем, но и хищной птицей (соколом), и вихрем. Имя его родственно авестийскому Varagan — так называется хищная птица, в которую (а также в ветер) может превратиться иранский Веретрагна, соответствующий Перуну.

Особые духи обитают в хозяйственных постройках. В бане живут банник и банница (обдериха) — существа опасные. Они могут запарить или обварить до смерти, живьем содрать кожу. Но все это они делают лишь с тем, кто не соблюдает определенных правил (моется слишком поздно и т. д.). Если же делать все как следует, то банник предсказывает будущее, а банница помогает роженицам и повитухам (раньше рожали обычно в бане).

В овине обитает овинник. Он помогает сушить зерно, но может и сжечь хлеб вместе с овином, если хозяин обидит его. Подобным же образом ведут себя гуменник и ригачник, ведающие, соответственно, током и ригой (помещением для молотьбы). Вообще же наиболее скверным и обидчивым характером отличались банник и овинник.

Именно к домашним духам (домовому, баннику, гуменнику) обращались девушки, гадая о замужестве. Если дух коснется мохнатой рукой — муж будет богат, если голой и жесткой — беден и суров, если мягкой — добр.

Своеобразная домашняя нечисть — баечник. Он пугает наслушавшихся на ночь страшных баек: шуршит, стонет, насылает кошмары.

С древнерусских времен известно представление о злых днях и часах, когда ни в чем не может быть удачи. Еще хуже, если к человеку привяжется их воплощение — Го-ре-Злочасье, о котором говорят русские сказки и древнерусская повесть. В украинских поверьях ему соответствуют злыдни — двенадцать маленьких худых существ. Если они поселяются в хате — ее хозяев ждут лишь беспросветная нужда и несчастья. Избавиться от них, как и от Зло-часья, можно лишь хитростью,— например, заманив и заточив в бочку.

В поле хозяин — полевик. Как и другие боженята, он многолик: может являться маленьким человечком, стариком с бородой из колосьев и травяными волосами, мужиком в огненной шерсти, с хвостом и рогами и т. д. Полевик заботится о посеве и скотине, пасущейся на полях, но может и навредить плохому хозяину либо человеку, заснувшему в поле, особенно в полдень или на меже. У него есть дети — межевички и луговички. Зимует полевик в «Ве-лесовой бороде».

В поле же обитает известная и западным, и восточным славянам полудница. Это — высокая, прекрасная девушка в белом (или, наоборот, уродливая, страшная старуха). Она тоже охраняет посевы. Любит пляски, в которых с ней состязаться трудно и опасно, сумевшего все же переплясать ее щедро награждает. Опасна полудница для тех, кто работает в поле в самый полдень: насылает на них солнечный удар или сворачивает шею. Она также наказывает и пугает детей, бегающих в хлебах, особенно во ржи. Там, надо сказать, обитают существа и пострашнее. Например, описанная Древлянским расамаха — до пояса человек, а выше — лев.

Все эти полевые боженята — духи хлебов. Их не увидишь осенью или зимой, на голых холодных полях.

Почти всем славянам известен леший (полисун, волчий пастырь, граб и т. д.). Он многолик, как сам лес. Может явиться обычным человеком (только одежда запахнута слева направо[43]) или остроголовым, покрытым шерстью существом без одежды, или подобным черту — с рогами и копытами. Может менять рост: на поляне — вровень с травой, в чаще — с самыми высокими деревьями. Оборачивается любыми животными или растениями. Горланит и свистит на все голоса, быстро носится, вызывая бурю.

Леший весьма женолюбив, женится и на лешачихах (своей собственной породы), и на русалках, и на девушках, пропавших в лесу, проклятых родителями или же похищенных им. Он охотно крадет или подменяет человеческих детей.

В лесу леший — полный хозяин. Все звери — его скот, и он их даже проигрывает в карты другим лешим. Над людьми в своих владениях лесовик шутит, порой зло: заводит в чащу, шумит, пугает и т. п. Есть

https://RodnoVery.ru

даже лешие-людоеды. Но тем, кто его уважает, приносит жертвы и не безобразничает в лесу, леший помогает. С пастухами, охотниками, колдунами он заключает целые договоры и тщательно их соблюдает.

Из всех славянских боженят леший наиболее напоминает «снежных людей» (реликтовых гоминоидов). Волосатое тело, заостренная голова, громкий крик — их характерные черты, при том засвидетельствованные в неславянских регионах и от людей, не веривших ни в каких духов. Западные славяне отличают собственно леших (грабов, бо-рут) от «диких мужей» и «дивожен». Если реликтовые гоминоиды существуют (а тому есть немало доказательств и помимо фольклора), то вполне естественно, что люди принимают их за леших и других боженят. С другой стороны, чтобы придумать человекоподобного хозяина леса (гор, реки, дома и т. д.), не обязательно иметь дело с какими-либо «живыми ископаемыми». Потому, если всерьез искать следы наших реликтовых родичей, нужно знать не только биологию, но и фольклористику и историю религии.

В Карпатах, по представлениям поляков, украинцев и словаков, обитают богинки (богини, дивожены). Это уродливые женщины, длинноволосые, покрытые шерстью, с огромными грудями, заброшенными за плечи, и большими животами. Они напоминают обезьян, да их и называют «мал-пами», «мамунами» — «обезьянами». Обитают богинки возле воды либо в норах и пещерах. Все это — типичные черты реликтовых гоминоидов.

Другие черты богинек, однако же, не объяснит ни один криптозоолог. У них птичьи ноги, а руки трехпалые и с когтями. Они любят стирать и прясть. Очень часто вредят роженицам и новорожденным: похищают и подменяют детей, насылают болезни и смерть, таинственным образом вытаскивают из тела матери плод или внутренности. Мужья и отцы богинек — водяные; кроме того, богинками становятся некрещеные дети, невесты, умершие до свадьбы, грешные женщины и т. д. Ребенка, умственно отсталого, чересчур прожорливого и плаксивого, считают «подменой» и бьют его, чтобы богинка (лешачиха и т. д.) пожалела своего и подменила обратно.

Самое интересное то, что среднеазиатские и другие тюркские народы почти так же описывают алмасты (албас-ты) — водяных женщин. И точно так же полагают, что те вредят роженицам.

Гораздо привлекательнее выглядят другие мифологические обитательницы Карпатских гор и полесских чащ — мавки (навки), несмотря на свое зловещее имя (от «навье» — «мертвец») и происхождение из тех же некрещеных младенцев и т. п. Это прекрасные девушки в зеленых платьях, любительницы музыки и плясок. Они охотно вступают в любовную связь с людьми, особенно с пастухами на горных пастбищах и охотниками. Своим возлюбленным мавки дают удачу на охоте, заботятся об их скоте. С лесными красавицами, однако, не ладит карпатский леший — чугайстер, который охотится на мавок и пожирает их.

Большинству славян известен водяной (водный муж, топелец и др.) — хозяин рек и озер. С виду он больше всего походит на утопленника: старик с раздутым животом, волосы и борода в тине и водорослях. Между пальцами перепонки, вместо ног порой рыбий хвост. Или же тело покрыто шерстью, как у лешего или домового (гоми-ноидная черта?). Может также превращаться в разных зверей, птиц и рыб.

Водяной — такой же хозяин над рыбами, как леший — над зверями, и тоже проигрывает их в карты. Живет он на дне омута, порой в хрустальном дворце. Жены его — русалки, а мужчины-утопленники служат ему как рабы, потом же сами становятся водяными (особенно если кого-нибудь утопят). Любит водяной хозяин кричать и громко хлопать ладонью по воде, а еще любит выпивку, песни, музыку.

Нрав у водяного весьма скверный. То и дело он топит людей и лодки, рвет сети, поднимает бури, разносит запруды. Понравившихся ему людей (например певцов) утаскивает к себе на дно. Но и от него можно откупиться жертвами. Вот и приносили их ему рыбаки, мельники, даже пасечники (чтоб речной туман не губил пчел). Даже заключали с водяным договор, который, впрочем, считался сродни продаже души черту.

В древнерусских источниках выступают вилы и берегини, русалки же упоминаются лишь с XVII в. Этнографы же слышали от восточных славян и болгар о русалках, о вилах же — только от южных славян. Вероятно, менялись не столько представления о водных девах, сколько их имена.

Антиязыческое «Слово св. Григория» называет древнейшими языческими культами поклонение упырям и берегиням. А в XIX—XX вв. берегинями называли изображения рыбохвостых женщин в домовой резьбе. Вероятно, славяне связывали это название и со словом «берег», и со словом «беречь», видя в водных богинях защитниц от злых упырей.

Вил в Древней Руси отождествляли с сиринами (сиренами) и изображали на женских украшениях — кол-тах в виде двух птиц с головами женщин в нимбах (!). На тех же колтах изображались два питейных рога, что напоминает болгарские поверья о русалках, поливающих поля из рогов.

В фольклоре южных славян вилы (самовилы, самодивы, юды) — прекрасные девушки, златовласые и крылатые, в легких белых одеждах. Они обитают в горах, пещерах, озерах, реках, на облаках. Очень любят музыку, песни, танцы. Но они же — отважные воительницы, скачущие на крылатых оленях, взнузданных змеями. (Здесь, видимо, повлияли германские валькирии: готы жили в Болгарии еще в IX в.) Вилы также превосходные чародейки, целитель-ницы и знатоки трав.

Вилы помогают отважным юнакам. Крылатая дева даже выходит замуж за того, кто завладеет ее крыльями. Но чаще всего вила не уживается с мужем и сбегает, забрав крылья. Даже ради своего ребенка не

https://RodnoVery.ru

хочет она вернуться. Вообще вилы охотно помогают людям: приносят урожай, одаряют богатством, лечат, кормят молоком человеческих детей, делая их необычайно сильными или красивыми.

Но прекрасные вилы могут быть и страшными, смертоносными. Они способны убить, ослепить, лишить рассудка, наслать засуху или неурожай. В одной из песен вила строит город в воздухе... из человеческих тел. В другой сталкиваются две вилы: злая иссушает источники, мучая юнака жаждой, и пытается его ослепить, но добрая спасает героя. Порой вилы мстят людям, позавидовав их красоте, голосу и т. д. Здесь сказывается принадлежность вил к миру смерти, загробному миру Велеса (чье имя родственно их имени).

Южные славяне верят, что вил и огненных змеев больше нет: они исчезли с появлением огнестрельного оружия. Хорваты с сожалением добавляют, что вместе с вилами ушли из жизни благодать и счастье.

Зато никуда не исчезают восточнославянские и болгарские русалки (купавки, водяницы и др.). Они тоже молоды и прекрасны, ходят нагие или в одних белых рубахах и венках. Но кожа их бледна, а тело холодное и полупрозрачное, волосы зеленые как водоросли. Ведь они — души покой-

ников: утонувших девушек или некрещеных детей, особенно утопленных матерями. Но это не мешает им обладать веселым и беззаботным нравом. Русалки любят петь и танцевать, качаться на качелях и ветвях деревьев. Живут они в реках, озерах, колодцах, а на Русальной неделе выходят на сушу, бегают и резвятся в хлебах. И там, где они бегали, травы и посевы растут лучше.

Но чем дальше на север, в глубь великорусских лесов, тем чаще русалок представляют уродливыми, сгорбленными, покрытыми шерстью существами с огромными грудями (иногда — железными). Это напоминает карпатских богинок. И вообще самок реликтовых гоминоидов. Вероятно, там, где эти создания обитали еще недавно, людям трудно было видеть в них писаных красавиц. На облик вил, мавок, русалок влияли, видимо, и эротические сны охотников и горных пастухов, подолгу остававшихся без женщин.

J

Русалки подчинены водяному и составляют его гарем. В то же время они охотно вступают в любовную связь с людьми. Только от русалочьей любви мужчина быстро чахнет и даже умирает. Однако русалку можно окрестить, и она станет обычной женщиной.

Водяные красавицы бывают опасны: могут утопить, защекотать до смерти, спутать сети. Но все же они скорее проказливы, чем злы. От них защищаются магическими средствами (например полынью). Чаще же задабривают: оставляют в лесу одежду, нитки, ткань (ведь русалки любят шить, прясть, стирать); на Семик связывают для них ветви деревьев в венки и качели. А в конце Русальной недели их провожали: выводили из села ряженую девушку, выносили чучело, выгоняли девушек или парней, изображавших русалок. После этого русалки, как считалось, возвращались в воду.

Осенью и зимой природные духи — лешие, водяные, русалки, полевики — исчезают. Они спят где-то в потаенных местах и снова приходят в мир лишь вместе с весенним возрождением природы.

Из всех боженят дальше всего от человека отстоят черти (бесы). И по месту своего обитания — в болотах, в подземном мире. И по своему нраву, крайне злобному и коварному. Вредить людям, губить их тела и души — для чертей главное занятие и смысл жизни. Не без влияния церкви славяне всех боженят именовали бесами, и тем не менее достаточно четко отличали собственно чертей от домовых, леших и т. д.

Как уже говорилось, древнерусский «бес» сменилось западнославянским «черт» лишь в XVII в. Тогда же чертей стали представлять не черными, волосатыми, остроголовыми существами (явные черты гоминоидов), а, как на Западе, людьми-козлами наподобие античных сатиров. Вообще же черти, как и все боженята, способны оборачиваться кем и чем угодно.

Помимо своих жен-чертовок, бесы сожительствуют с ведьмами, женщинами-самоубийцами, распутницами. И благодаря этому плодятся так, что сокращают их поголовье лишь стрелы Громовника да зубы волков и медведей.

Черти владеют решительно всеми способами вредить человеку, свойственными другим боженятам: топят людей, сбивают с пути, морочат, подменяют детей, насылают болезни и безумие и т. п. Кроме того, они постоянно подстрекают человека на злые и погибельные дела — пьянство, азартную игру, самоубийство и т. д. Ради этого они вселяются в людей, лишая их воли и рассудка. Души самоубийц становятся рабами чертей.

«Шутки» чертей — не стихийное озорство, а вполне сознательные пакости. Впрочем, жертвами их зачастую становятся пьяные или алчные люди. Вот и оборачивается гулянка у чертей ночью, проведенной на болоте, а богатые подарки нечистого — черепками, углями или навозом. Именно бесы научили род людской изготовлять спиртное и курить табак. Они не только используют человеческие пороки, но и сами им подвержены: любят гульбу, пьянство, игру в карты и кости.

Чертям не приносили жертв (как домовым или лешим). Всякие договоры с ними или заговоры с обращением к бесам считались грехом и уделом людей отверженных. Ведь нечистый помогает лишь для того, чтобы завладеть душой человека или подбить его на злые дела. Бескорыстие и сочувствие бесу абсолютно не свойственны. Лишь большому хитрецу удается обмануть черта и получить у него что-либо задаром. И то, если черт попадается достаточно глупый.

https://RodnoVery.ru

Благочестивые же люди предпочитают не торговаться с нечистыми, а защищаться от них всеми средствами, как христианскими (молитва, ладан), так и языческими (заговоры, матерная брань, очерчивание и т. п.). Черта можно даже убить — медной пуговицей или хлебным мякишем вместо пули.

О великанах уже говорилось (в главе о Велесе). А вот карлики вроде западных гномов известны лишь западным славянам (людки, краснолюдки). Они обитают в домах, лесах, горах, пещерах, живут общинами. К людям относятся как добрые соседи, хотя порой подменяют детей.

Мифологи XIX в. полагали, что у славян-язычников все умершие становились домовыми, русалками и т. д. Это далеко не так. По народным представлениям, покойники делились на «родителей» («чуров», «пращуров») и «заложных»[45]. Первые — праведные, почитаемые предки. Они пребывали в раю (ирии) или превращались в домовых. Вторые же — умершие «недоброй смертью». Сюда входили как грешники (злые колдуны, самоубийцы, умершие от пьянства), так и ни в чем не повинные жертвы несчастий (утопленники, убиенные, погибшие в лесу, некрещеные младенцы, девушки, умершие до свадьбы). Значение имело не так поведение при жизни, как род смерти.

Умер без должных обрядов, а зачастую и без свидетелей, неведомо как? Значит, стал нечистью, хотя бы не по своей вине. И ждать от него нужно не помощи, как от «родителей», а всякого вреда.

Именно заложные и поставляли «кадры» русалок, мавок, водяных и т. д., а также некоторых видов боже-нят, не связанных с определенными местами и стихиями. Это прежде всего древнерусские и болгарские навьи. Они летают в виде отвратительных голых птиц, пьют кровь, вредят роженицам и криком предвещают несчастья. Чтобы их ублажить, для них топили бани, ставили там угощения. Для поминовения навьев и вообще залож-ных служили «Навский Великдень» (Страстный четверг, букв, «пасха мертвецов») и Семик. На Рождество их также звали угощаться (заодно с Морозом и волком). На-вьям, таким образом, давали понять, что все же считают их родичами. Но чествовали-то их не в доме и не на могиле (как «родителей»), и ничего у них не просили, а только откупались.

Сродни навьям упыри[46]— мертвецы, встающие из могилы. Они не только пьют кровь, но и насылают засуху, эпидемии, град. В первую очередь упырь губит близких родичей, и его жертвы зачастую сами становятся вампирами. Обычно он бесчинствует по ночам, а днем прячется в могиле. Но может жить и среди живых, жениться и иметь детей. На Украине различают живого и мертвого упыря. Первый — сильный колдун, предводитель и учитель ведьм. Он носит на себе второго, неспособного даже самостоятельно передвигаться. Если упырям и поклонялись (согласно «Слову св. Григория»), то, видимо, так же, как навьям. Обычно же их обезвреживали: вместо погребения бросали в болото или другое «нечистое» место; погребенного же выкапывали и сжигали, обезглавливали, пробивали осиновым колом, отсекали руки и т. п. Эти способы обезвреживания покойников хорошо знакомы не только этнографам, но и археологам.

Не столько страх, сколько жалость вызывали в народе духи некрещеных младенцев. Такими обычно становились дети мертворожденные, умершие вскоре после рождения, умышленно или случайно убитые матерью. Поляки и западные украинцы называли их потерчатами («потерянными») или летавцами, русские — игошами, ичети-ками. Они тоже могут вредить: потерчата с огоньками на голове заманивают людей в болото, летавцы в виде птиц носятся с бурей, ичетики живут в воде и предвещают несчастья. Обычно эти же духи блуждают по свету и просят крестить. Достаточно наречь их именем, подарить крестик — и они присоединяются в раю к безгрешным детским душам.

На грани мира людей и мира демонов стоят люди, сами себя приравнявшие к нечисти — злые колдуны и ведьмы, а также оборотни-волколаки.

Ведьмы и колдуны делятся на «рожденных» и «ученых» . Первые рождаются с магическим даром и способны творить как добро, так и зло. Вторые приобретают колдовские знания и умения от опытного колдуна или черта. Для этого они должны продать черту душу и отречься от всего доброго — светил небесных, Бога, отца с матерью. Употреблять свой колдовской дар «ученые» могут только во вред людям. Более того, они мучатся, если регулярно (например раз в месяц) не сотворят каких-нибудь злых чар. Им даны черти-помощники, которым приходится постоянно давать «работу» (бессмысленную или злую), дабы те не сгубили своего хозяина.

Вот и вредят эти слуги Чернобога людям не менее усердно, чем черти. Насылают засуху и град, болезни, «порчу», лишают коров молока, а поля — плодородия (прожиная или «заламывая» колосья), вызывают семейные раздоры, расстраивают свадьбы. Оборачивают людей волками и сами оборачиваются разными животными и неодушевленными предметами. Ночами, особенно на Купалу и в некоторые другие праздники, летают на свои сборища, где предаются оргиям с чертями и делятся лиходейским опытом. Не-редко верят, что у колдунов две души: одна остается в теле, а другая летает и творит злые чары.

Умирают ведьмы и колдуны долго и мучительно — пока не передадут кому-нибудь свой нечистый дар (например ребенку, взяв того за руку). После этого их душу ждут либо пекельные муки, либо жуткое существование упыря.

Иные виды колдунов и ведьм скорее напоминают стихийных духов. Такова южнославянская вештица (то есть вещая). Душа ее летает в виде бабочки или птицы. Она пьет кровь и пожирает сердца детей. Вештица повелевает тучами, градом, ветром, превращается в звезду или комету. Может свести месяц с неба и доить его как корову. Польские и западноукраинские планетники , хорватские и черногорские здухачи (от алб. *stuhl* — «вихрь») спят, а души их вселяются в тучи и бьются между собой в небе. В этих

https://RodnoVery.ru

воздушных боях здухачи, планетники и даже веш-тицы сражаются каждый за свое село, добывая для него дождь и избавляя от града. То есть они (как и большинство боженят) не однозначно злы.

С ведьмами борются, как и со всякой нечистью. Есть много магических способов распознать и обезвредить ведьму. Например, на купальском костре варили цедилку с иголками, что должно было причинить ведьме мучения и вызвать ее к огню. Или сжигали в том же костре «ведьму»-чучело либо конский череп. Или бросали подозреваемых в воду: не утонет — значит, ведьма. Самый же радикальный способ был тот, который «милосердная» церковь переняла у своих языческих оппонентов: сжечь чародейку или колдуна живьем. (Заметим, что в славянских странах охота на ведьм хотя бы не приобретала таких масштабов, как на Западе.)

Жертвами доморощенных инквизиторов и в XIX— XX вв. часто становились люди, ни в каком колдовстве не замешанные. На них односельчане сгоняли злость за свои несчастья. Но если в селе был человек, действительно занимавшийся магией, да еще черной, то с ним расправляться не спешили. Одни боялись его колдовской силы, другие рассчитывали воспользоваться ею. В результате опытный колдун или ведьма терроризировали и эксплуатировали все село.

Магия славянских колдунов явно сродни шаманизму. Духовные полеты, духи-помощники (черти), сексуальные связи с духами... Но это — скорее, черное шаманство, связанное с нижним миром и его злыми обитателями. (Хотя черный шаман мог использовать их силу и во благо.) А что же славянские белые шаманы-волхвы, подобные Бояну? Их место в какой-то мере заняли знахари. Они лечили и защищали людей от колдовства магическими средствами, но не искали помощи у чертей и не отрекались от добрых сил.

Волколаки (букв, «волчьи шкуры») делились на обратившихся в волков по своей воле, обороченных ими насильно и прирожденных. Волколак поневоле — несчастное существо. К сырому мясу не приучен, резать скот совестится и потому питается кореньями, ягодами и украденным хлебом. Одинокий и голодный, скитается он, пока ему не вернут человеческий облик. Не рад своей судьбе и прирожденный волколак, оборачивающийся в определенные дни независимо от своей воли. Оборотень же, превращающийся сознательно и свободно,— это злой и опасный колдун, губящий людей и скот. Солнечные и лунные затмения объяснялись тем, что волколаки пытались пожрать небесные светила.

Был, однако, и положительный образ волколака — более древний, связанный с тотемизмом и тайными воинскими союзами. Волк был тотемом таких племен, как прибалтийские вильцы («волки») и полесские невры (каждый из которых, по Геродоту, на несколько дней в году становился волком). Легенды о Всеславе Полоцком (отраженные в «Слове о полку Игореве» и былинах о Волхе Всеслави-че) сохранили образ князя-волколака, великого воина и волхва, окруженного дружиной оборотней. Воинами-колдунами и оборотнями считали и запорожских казаков. Уже говорилось о связи волков с Даждьбогом и Ярилой. У греков волки были посвящены Аполлону, у германцев — Одину.

Балты считали волколаков защитниками людей от нечисти. У скандинавов особо сильные и яростные воины именовались берсерками («медвежьими шкурами») и ульфхединами («волчьеголовыми»). Среди иранцев Средней Азии были «волчьи» племена — варканы (гир-канцы) и саки-хаумаварга («волки хаомы», то есть оборачивавшиеся волками под действием наркотического напитка — хаомы).

Есть основания считать, что уже у древних индоевропейцев существовали тайные союзы «воинов-волков», подобные, например, союзам «людей-леопардов», еще недавно наводивших страх на некоторые африканские страны.

Большинству славянских боженят нетрудно найти индоевропейские параллели. Так, лешим соответствуют индийские якши, античные сатиры и фавны, русалкам — греческие нимфы, индийские ажары, германские никсы. Домовым — римские лары и пенаты и английские брауни. «Дикие люди» и «дикие женщины» хорошо известны германцам. Чертям подобны индийские ракшасы, иранские дэвы, германские тролли. А вот кельто-германским эльфам и гномам, воспетым Толкиеном, у славян точных соответствий нет, что не мешает иным творцам славянского фэнтэи вставлять их в свои произведения под неумело подобранными или придуманными славянскими именами.

Все же боженята обширностью родни не уступают богам. И это не удивительно, ведь образы многих из них сформировались не только в общеиндоевропейскую эпоху, но и гораздо раньше, когда не было еще многих из великих богов.

https://RodnoVery.ru

КОММЕНТАРИИ И ПРИЛОЖЕНИЯ

https://RodnoVery.ru

Родословная славянских богов и их праздники

Как же в целом выглядит генеалогия славянских божеств? Не столь уж сложно, если учесть их много-ликость и многоименность.

В изначальные времена, когда (согласно колядкам) лишь Мировой Дуб стоял посреди предвечного моря, в мире было лишь четыре божества: Лада (Мокошь, Жива и т.д.), ее сестра Яга[48], Велес-Месяц и Стрибог. Кроме того, в глубине моря обитали Змей (Ящер) и, видимо, Морской Царь. Лада была духом-дриадой Мирового Дерева и в то же время воплощением солнца. От брака ее и Велеса-Месяца родились Белбог (Род) и Чернобог. Соперничая, они создали (под присмотром Велеса) мир: землю, светила, растения, животных и человека. Между богами разгорелась борьба за Вселенную. В конце концов Лада, Белбог и Белее удалились в верхний мир, Яга и Чернобог — в нижний, а средний мир стал полем их вечной борьбы. Стрибог (в ипостаси Вия) также стал подземным обитателем; но он может выступать и вместе с небесными богами.

Потомство Лады разделилось на два племени: Белбо-га и Чернобога. Яга с Чернобогом наплодили множество бесов и бесовок[49], в том числе Мару. Лада же родила от Белбога Сварога. Он принадлежит не только небесному, но и земному миру: бог неба — и в то же время первоче-ловек[50], первый пахарь и кузнец. Затем Лада вступила в брак со Сварогом (своим сыном-внуком) и родила трех Сварожичей — Перуна, Ярилу и Даждьбога. Четвертый Сварожич — Огонь. Три дочери Лады — Летница (До-дола), Леля и Морана,— видимо, также рождены от Сварога.

В поколении Сварожичей инцест совершается лишь между братьями и сестрами. Перун женится на Маре, не раз гибнет и воскресает из-за нее, пока не меняет эту дочь Чернобога на свою сестру Летницу. Ярила вступает в брак с Лелей, спасенной им от Змея. Даждьбог женится на Моране, но ее похищает Чернобог, и Солнцу -Сварожичу приходится спуститься в преисподнюю, чтобы отбить свою сестру-жену. Ярила соперничает с Даждьбогом из-за Лели, а Перун, возможно, из-за Мары.

Из трех Сварожичей старший — Перун, средний — Ярила, младший — Даждьбог. С древней индоевропейской парой близнецов-всадников соотносятся Перун и Даждьбог или Даждьбог и Ярила. Последним двум у поляков соответствуют Лель и Полель, дети Лады. При этом Лель (Даждьбог) оказывается старше Полеля (Ярилы).

О следующем поколении богов — детях Сварожичей — известно мало. Миф о детях Мары, изменявшей Перуну со Змеем, у славян прослеживается слабо. Дочь Перуна и Летницы — Девана. В русском заговоре упоминаются сыновья Георгия Храброго — лучники Симеон и Герасим. Вероятно, это дети Ярилы, языческих имен которых мы не знаем. (День Герасима-Грачевника — 4 марта, Симеона-Летопроводца — 1 сентября; между двумя этими праздниками умещается весь весенне-летний сезон.) Сын и дочь Ивана-царевича, ценой жизни которого он оживил Булата-молодца (то есть Перуна) — разумеется, дети Даждьбога и Мораны. Имен их мы, опять-таки, не знаем. Трех сыновей Колаксая, не называя их имен, упоминает Геродот. Внуком же (то есть потомком) Даждьбога считался русский народ.

Свой род был у Стрибога. Сын его — Соловей-Разбойник, а внуки — ветры, женатые (подобно Сварожи-чам) только на своих сестрах.

В песнях южных славян нередко описывается родословная светил — Солнца, Месяца, Денницы (Венеры) и др., но варианты ее слишком расходятся между собой, чтобы сравнивать их с другими данными о генеалогии славянских богов. Древнейшим, видимо, был миф о браке Месяца (Велеса) и Солнца (Лады) и о любовной связи его с Денницей.

Вне прослеженной здесь родословной оказываются лишь некоторые божества, о которых известно слишком мало (Прове, Ругевит, Поревит, Климба и др.).

Обобщим теперь то, что удалось узнать о годовом цикле праздников славянских богов.

Старый год соединяли с новым 12 дней святок. 24 декабря, около времени зимнего солнцеворота, Лада рожала Даждьбога (Божича) и Морану (Коляду), а также, вероятно, и Перуна с Ярилой. (Судя по сказке «Три царства», все три Сварожича рождались в одну ночь.) Озлобленная этим нечисть бесновалась все двенадцать дней, а люди, вопреки ей, справляли обряды, обеспечивавшие обилие и благополучие на весь год. В Новогоднюю ночь встречали Овсеня, а 6 января очищались священной водой и праздновали день Велеса.

С 1 по 7 марта шла широкая Масленица. Провожали Морану — богиню зимы и смерти, и встречали ее же — богиню весны, а также ее супруга — Даждьбога. С этих дней начинали петь песни в честь Лады-Весны. Именно тогда Даждьбог, победив Чернобога-Кощея, выводил из-под земли трех богинь — царевен золотого, серебряного и медного царств — Морану, Летницу и Лелю, которые и становились супругами трех Сварожичей. Около времени весеннего равноденствия, 25 марта, Земля-Лада рожала,— видимо, кого-то из весенних богов (Перуна? Ярилу? Лелю?), зачатого ею в Купальскую ночь. Примерно тогда же, вероятно, отмечался праздник, перекрытый позднее Пасхой: день воскресения Перуна, погубленного было Марой. Вскоре после него праздновались Красная горка и Радуница, посвященные соответственно чествованию молодоженов и поминовению предков.

22 апреля в мир приходила Леля, а 27 апреля — Ярила. Веселый бог, восстав из могилы, побеждал Чер-нобога, освобождал трех своих сестер, спасал Лелю от Змея и женился на ней. И тогда земля и деревья

https://RodnoVery.ru

покрывались зеленью. 1 мая западные славяне чествовали Живу-кукушку, Ладу (ту же Живу), таинственного Воду и Лелю. Восточные же славяне 2 мая почитали близнецов-всадников (позднее Бориса и Глеба) и, вероятно, их мать Ладу.

4 июня чествовали Ярилу и Лелю (троицких «короля» и «королеву»). А затем провожали-хоронили Ярилу (Коструба) и Ладу (Весну, Кострому). Чествование и проводы Ярилы могли и разделяться несколькими днями (молодой и старый Ярила). Проводам русалок была посвящена Русальная неделя, предшествовавшая дню Ярилы или Купалы[31]. Западные славяне в Ярилин день чествовали, помимо Ярилы и Лели, Иешу-Перу-на, Ладу, Лелю, Нью (Боду?) и Ладо-Даждьбога, а также Летницу.

Обряды погребения Германа (Калояна) и вождения Додолы или Перуна справлялись в разные дни, когда нужно было вызвать или прекратить дожди.

В ночь на 24 июня (около времени летнего солнцеворота) уходили в подземный мир Морана, похищенная Черно-богом, Лада-Купала и Даждьбог. Нечисть, обрадованная этим, бесчинствовала. Чтобы остановить ее, исполнялись обряды, связанные с силами воды, огня и растений.

20 июля, дабы уберечь выращенный урожай от грозы, отмечался день Громовника (Рода, Перуна). Жертвы для него (в том числе человеческие) отбирались 12 июля. Около 20 июля праздновались также дни Лет-ницы и Стрибога.

7 августа (по ромашковскому календарю) справлялись обжинки. Чествовали Ладу (Золотую Бабу, Берегиню, Талаку), последний пучок колосьев оставляли «Волосу на бородку». 8 сентября приносились жертвы Роду и Рожаницам (Ладе и Леле). 14 сентября, как считалось, уходили под землю на зиму змеи и медведи. Вероятно, тогда же, около времени осеннего равноденствия, погибал Колаксай-Даждьбог, убитый завистливыми братьями.

1 октября, видимо, отмечался праздник Лады (позднее — Покров Богоматери), справлялись свадьбы. День 26 октября (Юрьев день осенний, установленный не в Греции, а на Руси) мог быть древним праздником Ярилы.

Новые исследования могут дополнить или уточнить реконструированную в этой главе картинку. Лишь бы это были именно исследования, основанные на внимательном изучении и сопоставлении источников, а не на произвольных фантазиях или «ославянивании» чужих мифов, не родственных славянским.

https://RodnoVery.ru

Славянские	Индийские	Иранские	Армянские	Греческие
Лада	Адити	Анахита, Армаити, Алы, Табити	Анахит, Нанэ	Тея, Рея, Деметра
Вел ее	Варуна, Сома, Пушан, Шива	Мах, Зерван	Тир	Пан, Гермес
Яга	Дити, Кали	Артимпаса	___	Геката
Род	Дьяус, Брахма, Рудра	Ахурамазда, Папай	Арамазд	Уран, Зевс
Чернобог	Шива	Ангра-майнью	Ахриман	Аид
Стрибог	Ваю	Ваю	___	Эол, Борей
Сварог	Тваштар, Вишвакар-ман	Курдалагон, Каве, Хушенг, 1 айомард	___	Гефест
Перун	Индра	Веретрагна, «Арес», Кересаспа, Рустам	Вахагн	Зевс
Даждьбог	Митра. Вишну, Яма	Митра, Гойтосир, Иима	Михр, Мгср, Арэв	Аполлон
Хоре	Сурья	Хвар	Арэв	Гелиос
Ярила	Шива	Сиявуш, Уастырджи	Ара Гехецик	Дионис

https://RodnoVery.ru

Римские	Кельтские	Германские	Балтские	Хеттско-малоазий-ские
Теллус, Церера, Фортуна	Дану	Нерта, Фригг, Фрейя	Жемина, Лайма, Мильда	Кибела, Камрусепа
Фавн, Меркурий, Сатурн	Огма, Эзус, Цериуннос	Один	Пушкайтис	Алалу
___	Морриган (Маха, Бадб, Неман)	Хель, Перхта	Лаума	Лельвани
Юпитер	Тевтатес, Дагда	Один, Тюр (Циу)	Диевс	Ану
Плутон	Тетра, Испаддаден	Лежи	Поклус	Лельвани
___	Балор	Один	Бангпутис, Вейопатис	___
Вулкан	Гоибниу, Луг, Сукцелл	Велунд	Телявель, Кальвис	Хасамиль
Юпитер	Тараннис	Тор (Донар)	Перкунас	Бог Грозы (Тархунт)
Аполлон	Луг, Белен	Бальдр	Свайкстикс, Сотвар	Бог Солнца (Истану, Тияз)
Соль	___	___	___	
Марс	Кромм Круайх	Фрейр	Рагутис	Телепин, Ярри Аттис

https://RodnoVery.ru

Славянские	Индийские	Иранские	Армянские	Греческие
Лель и Полель	Ашвины	Хаурватат, Амеретат	Аманор, Ванатур	Диоскуры
Огонь Сварожич	Агни	Атар	—	Гефест
Морана	Кали, Лакшми, Сита	Артимпаса	—	Персефона, Афина
Леля	—	Анахита	Астхик	Афродита, Ариадна
Летница	Шачи	—	—	Гера
Девана	—	—	—	Артемида
Симаргл	Гаруда	Симург (сэнмурв)	Паскудж	Грифон
Заря	Ушас	—	—	Эос
Морской Царь	Варуна, Апам, Напат	Апам Напат	—	Посейдон, Нерей, Океан

https://RodnoVery.ru

Римские	Кельтские	Германские	Балтские	Хеттско-малоазий-ские
Диоскуры	—	Алки, Бальдр, Хедр	Сыновья Бога	—
Вулкан	—	Локи	Панике	—
Прозерпина, Беллона	Морриган	Нанна	Дочь Солнца	Шавушка
Венера	—	Фрейя	Рагутене	—
Юнона	—	Сиф	Перкунател е	Вурунсему
Диана	—	—	Лайма	—
—	—	—	—	Грифон
Аврора	—	Остара	Аушра	—
Нептун	—	Ньерд, Эгир	Потримпс, Аутримпс	—

https://RodnoVery.ru

Словарь - указатель славянских богов[52]

Авдотья Лиходеевна (рус.) — колдунья, жена Михаилы Поты-ки. *См. Мара.*
Александр *(др.-рус.,болг.)* — царь, летящий на грифонах (солярная черта). *См. Даждьбог.*
Анастасия *(рус.)* — а) морская красавица, в которую влюблено Солнце, *см. Морана;* б) вторая жена Михаилы Потыка, спасающая его от колдуньи Марьи (Авдотьи). *См. Летнхща.*
Баба Коризма *(черногор.)* — воплощение Великого поста. *См. Баба-Яга.*
Баба-Яга — богиня смерти, войны, колдовства, хозяйка леса.
Балачко *(серб.)* — трехглавый воевода-чудовище. *См. Чернобог.*
Белбог — верховный бог добра. *См. Род.*
Беллона *(чеш.)* — богиня войны, сестра «Марса». *См. Морана.*
Белун (белорус.) — добрый бог, помогающий путникам. *См. Белбог.*
Берегиня *(др.-рус, рус.)* — богиня земли, воды, урожая, женщина-рыба. *См. Лада.*
Бог — верховный добрый бог, творец мира. *См. Род.*
Богоматерь — мать Белбога и Христа (Даждьбога), покровительница матерей и др. *См. Лада.*
Бода (польск.) — неизвестное божество (Водан? Ныя?), почитавшееся вместе с Аадой и Аелей.
Божич *(юж.-слав.)* — бог, родившийся на Рождество (Христос, Даждьбог). *См. Даждьбог.*
Борис и **Глеб** *(рус.)* — святые всадники. *См. Близнецы-всадники.*
Буенек и Булка *(болг.)* — «жених» и «невеста», главные участники весеннего обряда. *См. Ярила, Леля.*
Буняка *(зап.-укр.)* — великан с губительным взглядом. *См. Стрибог (Вий).*
Ванда *(полъск.)* — легендарная княгиня с чертами богини воды и Вселенной. *См. Лада.*
Вела *(др.-рус.)* — богиня, близкая к Велесу.
Велес *(Волос)* — бог скотоводства, земледелия, торговли, магии, поэзии, луны, животных; праотец богов.
Великая Богиня *(усл. назв.)* — богиня растений, животных, плодородия, мать и жена богов-всадников (на вост.-слав. вышивках и украшениях). *См. Лада.*
Венера *(полаб., полъск.)* — богиня любви, почитавшаяся в Магдебурге и Торуни. *См. Лада.*
Весна (рус.) — богиня весны. *См. Лада.*
Вий *(укр.)* — бог смерти, подземного мира и ветра. *См. Стрибог.*
Власий — святой, покровитель скотоводства. *См. Велес.*
Волос — *см. Велес.*
Волх *(рус.)* — былинный герой, князь-оборотень. *См. Велес.*
Волховская коровница *(рус.)* — водная богиня, жена Перуна. *См. Мара.*
Генниль *(полаб.)* — бог зари, защитник скота. *См. Заря.*
Георгий (Егорий, Юрий) — святой, покровитель скота (особенно коней), земледелия, охоты, войны и др. *См. Ярила.*
Герман *(болг.)* — обрядовый персонаж, бог дождя и плодородия. *См. Ярила.*
Гладолет *(чеш.)* — планета Сатурн. *См. Чернобог.*
Годраг (Гонодраг) *(бодриц.)* — малоизвестный бог.
Дабог *(серб.)* — бог смерти и нижнего мира. *См. Даждъбог.*
Даждьбог — бог солнца, сын Сварога.
Дан-Богдан *(болг.)* — герой с солярными чертами. *См. Даждъбог.*
Дева *(полаб., словац., пол.)* — богиня, соответствующая Венере, почитавшаяся в Магдебурге и Торуни. *См. Лада.*
Девана (чеш.) — богиня охоты, дочь Перуна и Лет-ницы.
Дедко *(чеш.)* — воплощение зимы в обряде выноса смерти. *См. Чернобог.*
Джурило *(укр.)* — *см. Ярила.*
Дзевана *(полъск.)* — богиня охоты. *См. Девана.*
Дзевоя *(белорус.)* — богиня девичества. *См. Девана.*
Дзивица *(луж.)* — богиня охоты. *См. Девана.*
Дзидзилеля (*полъск.)* — богиня любви. *См. Леля.*
Див *(др.-рус, юж.-слав.)* — злое божество (грифон). *См. Чернобог.*
Дивия *(др.-рус.)* — богиня, вероятно, супруга Дыя. *См. Лада.*
Дирцея *(чеш.)* — малоизвестная богиня. *См. Морана.*
Добропан *(чеш..)* — планета Меркурий. *См. Даждъбог.*
Добрыня *(рус.)* — богатырь-змееборец. *См. Перун.*
Додола *(юж.-слав.)* — главная участница обряда вызывания дождя. *См. Летница.*
Дриван *(болг.)* — небесный герой, создатель земледелия. *См. Сварог.*
Дый *(др.-рус.)* — верховный небесный бог. *См. Род.*
Егорий *(вост.-слав.)* — *см. Георший, Ярила.*
Ежибабель *(чеш.)* — муж Ежибабы (Яги). *См. Чер-нобог.*
Еньова буля *(болг.)* — «жена Ивана (Солнца)», главная участница обряда гадания 24 июня. *См. Морана.*
Еруслан Лазаревич *(рус.)* — богатырь-змееборец. *См. Ярила.*

https://RodnoVery.ru

Желя *(др.-рус.)* — богиня войны и смерти.
Жива — богиня плодородия, главная вила, планета Венера. *См. Лада.*
Живе *(польск.)* — бог жизни, герой, супруг Ныи. *См. Сварог.*
Жубрило *(рус.) — см. Ярила.*
Жыж *(белорус.)* — бог подземного огня. *См. Огонь.*
Жыцень *(белорус.)* — бог осени. *См. Белее.*
Заря *(вост.-слав.)* — богиня зари (утренней и вечерней).
Зелу *(чеш.)* — бог растительности, солнца, смерти; планета Меркурий (Зелон). *См. Даждьбог.*
Змей-Деспот-Вук *(серб.)* — герой-змееборец с чертами змея, волка и орла. *См. Перун.*
Змей Огненный Волк *(серб.)* — герой с чертами змея, волка и птицы. *См. Перун.*
Золотая Баба — богиня урожая, судьбы, материнства. *См. Лада.*
Зоревик *(вост.-слав.)* — сказочный герой (третий брат), добывающий трех царевен подземного мира. *См. Даждьбог.*
Зюзя *(белорус.)* — бог зимы. *См. Чернобог.*
Зять Цереры *(чеш.)* — бог смерти и подземного мира. *См. Чернобог.*
Иван *(Ян, Ясь)* — персонаж купальских песен и обрядов, брат и супруг Марьи. *См. Даждьбог.*
Иван Быкович — *см. Иван Сучич.*
Иван Годинович *(рус.)* — богатырь, победитель Кощея. *См. Даждьбог.*
Иван Кобылий Сын — *см. Иван Сучич.*
Иван Кухарчич *(вост.-слав.)* — брат Ивана Сучича в сказке «Бой на калиновом мосту».
Иван Попялов *(вост.-слав.) — см. Иван Сучич.*
Иван Сучич (Быкович, Кобылий Сын и др.) — главный герой сказки («Бой на калиновом мосту»). *См. Даждьбог.*
Иван Царевич *(вост.-слав.)* — сказочный герой, победитель Кощея («Марья Моревна») или брат Ивана Сучича («Бой на калиновом мосту»). *См. Даждьбог.*
Илья Муромец *(рус.)* ника. *См. Перун.*
Илья-пророк — святой громовник.
Ипабог — бог охоты (вымышлен).
Иеша *(польск.)* — верховный бог-громовник. *См. Перун.*
Калоян *(болг.) — см. Герман, Ярила.*
Карна *(др.-рус.)* — богиня смерти и войны.
Касьян *(рус.)* — злой святой (29 февраля) с губительным взглядом. *См. Стрибог (Вий), Чернобог.*
Кигала *(чеш.)* — малоизвестная богиня.
Кирт *(чеш., хоре., словен.)* — верховный бог неба, дед Радигоста. *См. Род.*
Климба *(чеш.)* — богиня ночи и войны. Малоизвестна.
Клювина *(чеш.)* — богиня войны. Малоизвестна.
Колодий *(укр.)* — злой бог, похититель женщин, персонаж масленичного обряда. *См. Чернобог.*
Коляда *(рус, белорус.)* — олицетворение Рождества. *См. Даждьбог, Морана.*
Король и **Королева** *(польск., чеш.)* — главные участники троицкого обряда. *См. Ярила, Леля.*
Кострома *(рус.)* — воплощение весны в обряде. *См. Лада.*
Коструб *(укр.)* — умирающий и воскресающий персонаж в весеннем обряде. *См. Ярила.*
Кощей *(вост.-слав., польск.)* — злой подземный царь в сказке. *См. Чернобог.*
Краломоц *(чеш..)* — планета Юпитер. См. Перун.
Краль и **Кралица** *(серб., хоре.)* — главные участники троицкого обряда. *См. Ярила, Леля.*
Красатина *(чеш.)* — малоизвестная богиня. *См. Лада (Красопани).*
Красопани *(чеш.)* — богиня любви, планета Венера. *См. Лада.*
Кривда *(рус.)* — воплощение зла. См. Баба-Яга.
Кродо *(полаб., сакс.)* — верховный бог плодородия и Вселенной. *См. Род (Кирт).*
Крулевна *(польск.)* — главная участница троицкого обряда. *См. Леля.*
Кузьма-Демьян *(вост.-слав.)* — святой, первочело-век, первый пахарь и кузнец. *См. Сварог.*
Купала *(вост.-слав.)* — богиня весны, мать Мораны. *См. Лада.*
Курент *(словен.)* — добрый бог, связанный со святками и масленицей (Даждьбог? Ярила?).
Лада — верховная богиня-мать, богиня весны, брака и любви.
Ладо *(польск.)* — бог войны и солнца. *См. Даждьбог.*
Лазарь и **Лазарица** *(серб., мак.)* — главные участники весеннего обряда. *См. Ярила, Леля.*
Лель (польск.) — бог брака, покровитель знати, сын Лады, брат Полеля. *См. Боги-близнецы.*
Леля — юная богиня любви и весны.
Летница *(чаи.)* — жена Перуна, мать Деваны.
Любмел *(белорус.)* — юный бог брака и любви. *См. Боги-близнецы (Лель).*
Мара *(имя условно)* — злая богиня нижнего мира, первая жена Перуна.
Марена *(укр.) — см. Морана (Марья).*
Маржак *(чеил., словац.)* — спутник Мораны. *См. Даждьбог.*
Маржана *(польск.) — см. Морана.*

https://RodnoVery.ru

Маринка *(рус.)* — колдунья, возлюбленная Добры-ни. *См. Мара.*
Марс *(чеил.)* — бог войны, брат «Беллоны». *См. Даждьбог.*
Марья *(вост.-слав.)* — персонаж купальских песен, сестра и жена Ивана (Даждьбога). *См. Морана.*
Марья Белая Лебедь *(рус.)* — колдунья, жена Михаилы Потыка. *См. Мара.*
Марья Моревна (рус.) — амазонка, супруга Ивана Царевича. *См. Морана.*
Масленик *(рус.)* — спутник Масленицы. *См. Даждьбог.*
Масленица *(рус.)* — главный персонаж обряда проводов зимы. *См. Морана.*
Мать Сыра Земля *(рус.)* — воплощение земли. *См. Лада.*
Мерот *(чеил.)* — бог — проводник душ на тот свет. *См. Велес.*
Месяц — воплощение луны, небесный пастух. *См. Велес.*
Микула Селянинович *(рус.)* — богатырь-пахарь. *См. Сварог.*
Михаил — архангел, громовник. *См. Перун.*
Михайло Потык *(рус.)* — богатырь, погубленный колдуньей Марьей (Авдотьей). *См. Перун, Мара.*
Мокошь — богиня воды, прядения, овцеводства. *См. Лада.*
Морана — богиня весны и смерти, сестра и жена Даждьбога, дочь Купалы (Весны, Лады).
Мороз *(рус.)* — бог зимы. *См. Чернобог.*
Мужичок с ноготок *(вост.-слав.)* — хозяин нижнего мира в сказке. *См. Чернобог.*
Настасья *(рус.)* — невеста Ивана Годиновича, похищенная Кощеем. *См. Морана.*
Неделя *(вост.-слав., юж.-слав.)* — воплощение воскресенья, дочь Пятницы, богиня прядения. *См. Морана.*
Несреча *(серб.)* — богиня злой судьбы. *См. Баба-Яга.*
Никола — святой, наследник Бога, покровитель земледелия, скотоводства, мореплавания. *См. Велес, Сварог, Стрибог.*
Ный *(польск.)* — бог загробного мира. *См. Велес.*
Ныя *(пол.)* — богиня нижнего мира, супруга Геркулеса, мать Скифа. *См. Лада.*
Обида *(др.-рус.)* — крылатая богиня нижнего мира и несчастья.
Облупа *(рус.)* — бог обжорства, спутник Ярилы. *См. Ярила.*
Овсень *(рус.)* — воплощение Нового года, первоначально — бог зари. *См. Заря.*
Огненная Мария *(серб.)* — святая-громовница, сестра Ильи. *См. Летница.*
Огонь Сварожич *(др.-рус.)* — бог огня.
Пантелеймон *(серб.)* — святой, хозяин ветра. *См. Стрибог.*
Пеперуда *(юж.-слав.)* — главная участница обряда вызывания дождя. *См. Летница.*
Переплут *(др.-рус.)* — бог плодородия, птицечело-век. *См. Симаргл.*
Перун — громовник, бог войны.
Пизамар *(балт.-слав.)* — малоизвестный бог.
Пинай *(рус.)* — бог пьянства (?), спутник Ярилы. *См. Ярила.*
Погода *(польск.)* — божество погоды, ветра.
Подага *(балт.-слав.)* — малоизвестное божество (Погода?).
Позвизд *(польск., др.-рус.)* — бог ветра. *См. Стрибог.*
Покладня Баба *(хоре.)* — воплощение Великого поста. *См. Баба-Яга.*
Полель (польск.) — бог брака и веселья, покровитель простого народа, брат Леля, сын Лады. *См. Боги-близнецы.*
Поревит *(балт.-слав.)* — бог осени и зимы.
Поренут *(балт.-слав.)* — бог Вселенной, праотец богов. *См. Белее.*
Посвистан *(укр.)* — *см. Позвизд.*
Похвист *(польск.)* — *см. Позвизд.*
Прабог *(словац.)* — верховный бог. *См. Род.*
Правда *(рус.)* — воплощение добра. *См. Лада.*
Припегала *(полаб.)* — бог плодородия, солнца и войны. *См. Ярила.*
Прове *(балт.-слав.)* — бог правосудия.
Пятница — святая, покровительница материнства, прядения и др. Мать Недели. *См. Лада.*
Радамаш *(чеш.)* — бог загробного мира. *См. Белес.*
Радигост — бог солнца и войны; сын Сварога, внук Кирта (Рода). *См. Даждьбог.*
Род *(др.-рус.)* — верховный небесный бог, громовник.
Рожаницы — богини плодородия и судьбы. *См. Лада, Леля.*
Ругевит *(балт.-слав.)* — бог весны, лета, войны.
Сатанаил — бог зла, брат Бога, творец мира (совместно с ним). *См. Чернобог.*
Сатурн (вост.-слав.) — бог смерти, почитавшийся на Черной горе. *См. Чернобог.*
Сатурн *(балт.-слав.)* — бог, почитавшийся в виде медного идола (Велес? Чернобог?).
Сварог — бог-кузнец, отец Даждьбога и Огня.
Святовит *(балт.-слав., чеш.)* — верховный небесный бог. *См. Род.*
Семик и Семичиха *(рус.)* — главные персонажи весеннего обряда. *См. Ярила, Леля.*
Середа *(вост.-слав.)* — олицетворение среды; богиня прядения. *См. Мара.*
Симаргл *(др.-рус, болг.)* — крылатый пес, бог растительности и плодородной земли.

https://RodnoVery.ru

Скалоян *(болг.) — см. Герман.*
Смертонош *(чеш.)* — планета Марс. *См. Даждъбог.*
Солнце — обожествленное светило. *См. Лада,* Даждьбог, Хоре.
Соловей-Разбойник *(рус.)* — демон ветра, отец ветров (?). *См. Стрибог.*
Сречa *(серб.)* — богиня доброй судьбы. *См. Лада.*
Стрибог — бог ветра и моря.
Сытиврат *(чеш.)* — бог плодородия (?). *См. Велес.*
Талака *(белорус.)* — богиня урожая. *См. Лада.*
Тригла (балт.-слав.) — богиня луны. *См. Чернобог, Баба-Яга.*
Триглав — бог Вселенной с чертами бога тьмы. *См. Чернобог.*
Троян *(юж.-слав., др.-рус.)* — злой бог ночи. *См. Чернобог.*
Тур (вост.-слав.) — зооморфный бог весны и плодородия. См. Ярила.
Турупит *(балт.-слав.)* — малоизвестный бог. *См. Поренут.*
Усуд *(серб.)* — бог судьбы. *См. Род.*
Флинц *(луж.)* — бог смерти. *См. Даждьбог.*
Флор и Лавр (вост.-слав.) — святые всадники, покровители коневодства. *См. Боги-близнецы.*
Хаммон *(полаб.)* — верховный бог-громовник. *См. Перун.*
Хоре — бог солнца. *См. Даждьбог.*
Царица-Молния *(рус.)* — богиня-громовница. *См. Летница.*
Царь-Девица *(вост.-слав.)* — амазонка, хозяйка «живой» воды и др., супруга Ивана Царевича. *См. Мо-рана.*
Царь Морской *(рус.)* — бог моря и рек.
Цеця *(белорус.)* — богиня лета.
Цица *(луж., герм.?)* — малоизвестное божество (богиня-мать).
Чернобог — бог тьмы и зла.
Черноглав *(балт.-слав.)* — бог войны. *См. Перун.*
Черный Арапин *(юж.-слав.)* — главый воин. *См. Чернобог.*
Черт — *см. Чернобог, Сатанаил.*
Числобог *(полаб.)* — вымышленный бог (бог времени).
Юлий *(балт.-слав.)* — бог, чье копье почиталось в Юлине (Волине). *См. Ярила.*
Юпитер *(чеш.)* — верховный бог-громовник. *См. Перун.*
Юрий — см. Георгий.
Ютробог *(луж.)* — бог солнца и зари. *См.Даж.*
Ярила — бог весны, солнца, плодородия, войны
Ярилиха *(рус.)* — спутница Ярилы. *См. Леля*
Яровит *(балт.-слав., полаб.) — см. Ярила*
Ярун *(рус.) — см. Ярила.*
Ясонь *(чеш.)* — бог солнца. *См. Даждъб<*

https://RodnoVery.ru

--

III, 14, 22. Эти племена, славяне и анты <...>, считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды.
Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. С. *П. Кондратьева.* М., 1950. С. 297.
Лев Диакон. История (990 г.).
X, 6. И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы (русы) вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом, по обычаю предков, множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра.
Лев Диакон. История. Пер. *М. М. Копыленко.* М., 1988. С. 78.
Абу-л-Хасан Али ал-Масуди (X в.). Промываль-ни золота и копи драгоценных камней.
62. У славян есть дома, которые они почитают. Среди них есть один (что стоит) на тех горах, о которых говорят философы, что они принадлежат к высоким горам мира. Есть известия о том, каким образом построен этот дом, о размещении разных сортов камня в нем и разнообразии их цветов, об отверстиях, проделанных в нем в самой высокой его части, и что в этих проделанных отверстиях происходило с восхода солнца; и какие в нем были положены (на сохранение) драгоценные камни, и о начертанных в нем знаках, что указывали на будущие явления; и от каких событий, до того, как они произойдут, предостерегают эти драгоценные камни; и о появлении звуков к ним с высот его (дома), и что происходит с ними во время слушания этого.
И есть у них дом, который создал один из их царей на Черной горе, которую окружают удивительные воды, отличающиеся разными цветами и вкусами, все очень полезные. И у них в нем есть огромный идол в образе Сатурна, сделанный в виде старца с посохом в руке, которым он шевелит кости мертвых в могилах. Под правой его ногой есть изображения чего-то наподобие насекомых, а под другой (его ногой) — вороно-черные изображения грачей и других (птиц) и удивительные изображения чего-то подобного абиссинцам и неграм.
У них есть еще иной дом на горе, которую окружает залив моря, (дом), сооруженный из камней красного мрамора и камней зеленого изумруда. В середине его огромный купол, а под ним идол, части тела которого (сделаны) из четырех сортов драгоценного камня: зеленого хризолита, красного карбункула, желтого корналина и белого хрусталя (берилла), а голова его — из червонного золота. Против него — другой идол в виде девушки. Ему обычно приносят жертвы и воскурения (ладана).
Происхождение этого дома связывают с одним мудрецом, который был у них в давние времена. Мы уже раньше рассказывали его историю и о том, что он сделал в земле славян, какие он сотворил у них фокусы и хитрости, и о сооруженных им огромных отверстиях, которыми он привлекал к себе их сердца и овладел их душами, и с помощью которых он подчинил их умы, несмотря на суровость обычаев славян и на разнообразие природных качеств (отдельных племен).
Абу-л-Хасан А\i ал-Масудь 3 книги «Промивалым золота
та родовища дорогоцшного камшня».
Пер. А. П. Ковал1вського//Антолопя лггератур Сходу.
X., 1961. С. 364.
Георгий Младший. Житие Георгия Святогорского[53].
[В с. Ливиздия (Ливадия?) на Афоне] жили болгары, именуемые славянами. <...> В том владении <...> с давних времен и до наших дней стоял один идол, мраморный, изображавший женщину. Эти неразумные люди служили ей и говорили: «Солнце, и дождь, и всякое благо дается нам от нее, которая имеет власть даровать смерть и жизнь кому пожелает. <...> Помолись нашей богине, чтобы она помогла тебе перед царем».
Герасимова Т. Сведения за един мраморен идол у българите
в Солунско//Езиковедско-етнолошки изследвания в памет
на академик Стоян Романски. София, 1960. С. 88*.

Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, перевод сделан Д. М. Дудко.

В лето 6415 (907). <...> Цари же Леон с Александром мир сотворили с Олегом, дали дань и клятву принесли между собой, поцеловав крест, а Олега — приведя к присяге и мужей его по русскому закону: клялись оружием своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьим богом, и утвердили мир.
В лето 6453 (945). <...> Кто помыслит из страны Русской разрушить такую любовь и сколько их священие приняло из страны Русской, да примут месть от Бога Вседержителя, осуждение на погибель в сей век и в будущий; а сколько их не крещено, да не имеют помощи от Бога, ни от Перуна, да не защитятся щитами своими, да иссечены будут мечами своими, и от стрел, и от иного оружия своего, да будут рабами в сей век и в будущий. <...> И наутро призвал Игорь послов, и пришел на холм, где стоял Перун, и положили оружие свое, и щиты, и золото, и приведены были к присяге Игорь и мужи его, и сколько было язычников Руси; а христианскую Русь приводили к присяге в церкви святого Ильи <...>.
В лето 6479 (971). <...> Как клялся я царям греческим и со мной бояре и Русь вся, да сохраним правый договор; если же, из тех самых прежде указанных, не сохраним, я и (те, что) со мной и подо мной, да имеем

https://RodnoVery.ru

клятву от Бога, в которого веруем, в Перуна и в Волоса, скотьего бога, да будем золоты, как золото, и своим оружием да иссечены будем.

В лето 6488 (980). И начал княжить Владимир в Киеве один, и поставил кумиров на холм вне двора теремного: Перуна деревянного, а голова его серебряная, а ус злат, и Хорса-Даждьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И поклонялись им, называя их богами, и приводили сынов своих и дочерей, и служили бесам, и оскверняли землю требами своими. И осквернялась кровью земля Русская и холм тот. <...> И пришел Добрыня к Новгороду, поставил кумира над рекой Волховом, и поклонялись ему люди новгородские как богу.

В лето 6622 (1114). Начал царствовать первым Ме-стром от рода Хамова, по нем Еремия. По нем Феоста[34], которого и Сварогом называли египтяне. Когда царствовал сей Феоста, во время царствования его упали клещи с небес, и начали [люди] ковать оружие, ведь прежде того палицами и камнями бились. Тот же Феоста закон установил: женам за одного мужа выходить и ходить говея[55]. А кто прелюбодействовал, казнить повелевал. Из-за этого прозвали его богом Сварогом. Прежде того ведь жены блудили, с кем хотели, и были словно скот блудящий. Если рожала ребенка, то давала тому, кто ей люб был: «Это твое дитя». Он же, устроив празднество, принимал. Феоста же этот закон разрушил и постановил одному мужу одну жену иметь и жене за одного мужа выходить; если же кто преступит — пусть бросят его в печь огненную. Из-за этого прозвали его Сварогом, и благословили его египтяне.

И по нем царствовал сын его по имени Солнце, которого называют Даждьбогом, семь тысяч четыреста семьдесят дней, что составляет двенадцать лет с половиной. Не умели ведь египтяне иначе считать: одни по луне считали, а другие днями годы считали. Двенадцати же месяцам число после узнали, с тех пор, как начали люди дань давать царям. Солнце-царь, сын Сварогов, который есть Даждьбог, был муж сильный. Услышал от некого о жене некой из египтян, богатой и замужней. И некто захотел блудить с ней. И не хотя отца своего закон Сварожий разрушить, взял с собой мужей несколько своих, узнав время, когда та прелюбодействует, ночью подстерег ее и не застал мужа с ней, а ее нашел лежащей с другим, с кем хотела. Взял же ее, и мучил, и велел ее водить по земле в укоризну, а того прелюбодея обезглавил. И была чистая жизнь по всей земле Египетской, и хвалить стали.

Повесть временных лет. Т. I. М.-Л., 1950. С. 25, 35, 39, 52, 56, 400—401.

Новгородская первая летопись.

В лето 6497 (988).

И пришел к Новгороду архиепископ Аким Корсуня-нин, и требища разрушил, и Перуна изрубил, и повелел тащить в Валхов. И повернув, веревками тащили его по грязи, ударяя жезлами. И велел никому и нигде не принимать [идола]. И шел пидьблянин[56] рано на реку, чтобы горшки везти в город. Тут Перун приплыл к берегу, и оттолкнул [он] его шестом: «Ты, — сказал,— Перунище, досыта пил и ел, а ныне поплыви прочь».

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.

М.-Л., 1950. С. 159—160.

Новгородская четвертая летопись.

В лето 6497 (988). <...> И в то время вошел бес в Перуна и начал кричать: «О горе! Ох мне! Достался немилостивым этим рукам!»; и бросили его в Волхов. Он же поплыл мимо Великого моста, бросил палицу свою на мост , которой ныне безумные убиваются, утеху творят бесам.

Повесть временных лет. Ч. II. М.-Л., 1950. С. 159—160.

О истории, что **о** начале Русской земли и создании **Новгорода...** (XVII в.)

Старший же сын того князя Словена Волхов, бесо-угодник и чародей, лютый среди людей, тогда бесовскими ухищрениями видения творя многие, превращался в лютого зверя крокодила, и преграждал в той реке Волхове путь водный, и не покорявшихся ему одних пожирал, других, выбрасывая, топил. Из-за этого люди, тогда невежды, Богом сущим того окаянного нарицали и громом или Перуном называли, ибо белорусским языком гром «перун» именуется. Поставил же он, окаянный чародей, ради ночных видений, для бесовского собрания городок малый на месте некоем, называемом Перынь, где и Перун стоял. И баснословят об этом Волхве невежды, говоря: в бога сей окаянный превратился.

Наше же христианское истинное слово, неложным испытанием много испытанное, известилось о сем окаянном чародее Волхве, что он зло разбит был и удавлен бесами в Волхове, и чарами бесовскими окаянное его тело несено было вверх по той реке Волхову и выброшено на берег против волховного городка его, что ныне зовется Перынь. И со многим плачем тут невеждами погребен был окаянный, с великой тризной поганской, и могилу насыпали над ним весьма высокую, по обычаю поганых. И по трех днях после окаянного того тризнища просела земля и поглотила мерзкое тело крокодилово, и могила его просыпалась с ним на дно адово, так что и поныне, как говорят, след ямы той не наполнился.

Гиляров А. Предания начальной русской летописи.

М., 1878. С. 17.

Слово о полку Игореве.

<...> О Боян, соловей старого времени! Как бы ты эти походы воспел, скача, соловей, по мысленному дереву, летая умом под облака, свивая славу обеих сторон этого времени, рыская тропой Трояновой[58] через поля на горы <...> Или так было воспеть, вещий Боян, Велесов внук <...>.

https://RodnoVery.ru

<... > Встревожился див, кличет на верху древа, велит послушать земле незнаемой — Волге, и Поморью, и По-сулью, и Сурожу, и Корсуни[59], и тебе, Тмутараканский истукан! <...>
-<...> Это ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы.
<...> Тогда, при Олеге Гориславиче[60], сеялись и росли усобицы, погибала жизнь Даждьбожьего внука, в княжьих крамолах век людям сократился.
<...> Встала Обида в силах Даждьбожьего внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крыльями на синем море у Дона, плеща, утопила обильные времена.
<...> А Игорева храброго полка не воскресить! По нему кликнула Карна, и Желя поскакала по Русской земле, жар людям бросая из пламенного рога.
<...> На седьмом веке Трояновом бросил Всеслав жребий о девице, любой себе...

<... > Всеслав-князь людей судил, князьям города давал, а сам в ночи волком рыскал, из Киева добегал до петухов к Тмутаракани, великому Хорсу волком путь перебегал.
Слово о полку Игореве. М.-Л., 1950. С. 11—12,14—17, 25—26.
Слово св. Григория, раскрытое в толкованиях, о том, как, сперва язычниками будучи, народы кланялись идолам и требы им клали; то и ныне творят (XI—
XII вв.).[61]
Паисиевский список (XIVe.). <...> От тех [почитателей Озириса] приучились халдеи, начали требы им творить, Роду и рожаницам, порождению проклятого бога Осира. <... > Откуда и приучились эллины класть требы Артемиду и Артемиде, т. е. Роду и [двум] рожаницам. Так же и египтяне. Так же и до славян дошло это слово, и те начали требы класть Роду и рожаницам прежде Перуна, бога их, а прежде того клали требу упырям и берегиням. По святом Крещении Перуна отвергли и к Христу-Богу пришли. Но и ныне по окраинам молятся ему, проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и вилам, и то творят тайно. Этого не могут лишиться — проклятого ставления второй трапезы, названной «Роду и рожаницам» <...>.
Новгородско-Софийский список (XV в.). <...> Тем же богам требу кладут и творят и славянские народы: вилам и Мокоши-Диве, Перуну, Хорсу, Роду и [двум] рожаницам, упырям и берегиням, и Переплуту, и, вертясь, пьют в честь его из рогов. И Огню Сварожичу молятся, и навьям баню топят <... > и Мокошь чтут. <... > Чреву служащие попы установили прикладывать [тропарь] Рождества Богородицы к рожаничной трапезе. <...> И недели день, и кланяются, написав жену, в человеческом образе тварь.
Чудовский список (XV в.). <...> Веруют в упырей и младенцев, почитают мертвых. <.. .> А другие под овином и в хлевах скотских молятся, как язычники <...>, и скотному богу, и попутнику, и лесному богу, и спорыньям, и Спеху[62]. <...> Эти не только бога знают, но и христианами себя называют, а горше язычников дела творят, да примут горше их муку <...>.
Гальковский Н. Борьба христианства
с остатками язычества в Древней Руси. Т. II. М., С. 17—25.
Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере (XI в.).
Как Илья Фесвитянин, заклавший иереев и жрецов идольских числом 300 <...>, так и этот[63] не может терпеть христиан, двоеверно живущих, верующих в Перуна и Хорса, и в Мокошь, и в Сима, и в Регла, и в вил, которых числом 30[64] сестер, как говорят невежды, и мнят их богинями, и так кладут им требы, и кур им режут. И много молятся; зовут его Сварожичем <...>. Не только же невежды то творят, но и ведающие, попы и книжники. Если того не творят ведающие, то пьют и едят молебную ту еду; если ж не пьют и не едят, то видят деяния их злые; если же не видят, то слышат и не хотят их поучить. Если бы кто и хотел научить, то прочий невежды не дадут зависти ради, и на убийство покушаются.
<...> Не подобает христианам игр бесовских играть, которые суть плясание, музыка, песни бесовские и жертва идольская, когда молятся под овином огню, и вилам, и Мокоши, и Симу, и Реглу, и Перуну, и Волосу, скотьему богу, и Роду и рожаницам, и всем тем, которые им подобны. <...> Которые ставят кроме трапезы кутейной — законного обеда, ту, которая нарицается незаконная трапеза, именуемая «Роду и рожаницам».
Гальковский Н. Указ. соч. С. 41—43.
Беседа св. Григория Феолога[65] об избиении града
(XI в.).
<...> Тот реку богиней называет и зверя, живущего в ней, как бога нарицая, требу творит. Один Дыю поклоняется, а другой — Дивии.
Аничков Е. В.
Язычество и Древняя Русь.
СПб., 1914. С. 93.

Слово Исайи-пророка, истолкованное св. Иоанном Златоустом, о ставящих вторую трапезу Роду и рожаницам (XII в.).
<... > Господь сказал: наследниками Моей святой горы будут избранные люди, которые служат Богу и выполняют его повеления, а не те, которые служат Роду и [двум] рожаницам, бесполезным идолам. <...> Истинно верующие люди, покоряющиеся Богу, а не [двум] рожаницам. <...> Вас же, покинувших Меня, забывших Мою святую гору, готовящих пир в честь Рода и [двух] рожаниц, наполняющих ковши свои на

https://RodnoVery.ru

потребу бесам,— вас Я предам мечу, и все вы падете пронзенными! <... > Вы же бесовскими песнопениями славите идолов Рода и рожаниц и губите пророчества книг.
Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 445—446.
Вопрошение Кириково, который спрашивал епископа Новгородского Нифонта и других (XII в.).
33. А если Роду и [двум] рожаницам режут хлебы, и сыры, и мед? Запрещал весьма: негде, рек, сказано: «Горе пьющим в честь [двух] рожаниц!»
Русская историческая библиотека. 1880. Т. VI. С. 31.
Хождение Богородицы по мукам (XII в.). <...> Это те, которые не веровали в Отца, и Сына, и Святого Духа, но забыли Бога и веровали в ту тварь, что он нам для работы сотворил, то все они богами прозвали: солнце и месяц, землю и воду, и зверей, и гадов, и человеческие имена, а именно — Трояна, Хорса, Велеса, Перуна в богов обратили, в бесов злых веровали и доныне мраком злым одержимы, того ради здесь так мучаются.
Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1962. С. 92.
Слово, истолкованное мудростью от св. апостолов, и пророков, и отцов, о твари и о дне, называемом неделя (XII—XIII вв.).
<...> А неверные, написав Свет болваном, кланяются ему. <...> Болван ведь спрятан, выдолблен, написан, а не пролился, как свет. Свет не осязаем и непознаваем никем, где он находится. <...> Никто же не может указать образа свету. <...> Нам же, познавшим Бога, <...> поклоняться единому Богу <...>, а не твари, написанной в образе человеческом.
Гальковский Н. Указ. соч. С. 78—79.
Слово св. отца нашего Иоанна Златоуста (XIII в.).

Люди, забывшие страх Божий <...>, приступили к идолам и начали поклоняться молнии и грому, и солнцу, и луне. А другие — Перуну, Хорсу, вилам и Мокоши, упырям и берегиням, которых называют 7 сестер[66]. А другие в Сварожича веруют, и Артемида и Артемидию, которым невежественные люди молятся и кур им режут.
И иные в воде их топят, а другие, к колодцам приходя, молятся и в воду бросают. <...> А другие веруют в Стрибога, Даждьбога и Переплута, в честь которого, вертясь, пьют из рогов.
Гальковский Н. Указ. соч. С. 59.
Слово от святого Евангелия (список XIV в.).
<... > А это душевные грехи: <... > учиться астрономии, и веровать в метание, и в лживые писания, и в эллинские книги баснотворные, и во встречу, и в Мокошь, и в сносудец, птичьи чары, и в громник, и в колядник, и в весь Мартолой проклятый, и кто творит злые дни и часы.
Летописи русской литературы и древности. 1862. Т. IV. С. 106.
Вопрос, что есть требокладение идольское (XIV в.).

<...> Многие ведь из христиан трапезы ставят идолам и наполняют ковши бесам. Кто суть идолы? Первый идол — [две] рожаницы. [Цитата из «Слова Исайи».] А это второе: вилам и Мокоши, и еще не явно молятся, и тайно призывают идоломолицы бабы. Творят же то не только худые люди, но богатых мужей жены. <...> Горе, горе людям, <...> которые мнят честь оказать госпоже Богородице, ставя трапезу из крупичных хлебов и сыров, и ковши наполняя винами благовонными, и творят тропарь Рождеству, и подавая, друг другу, едят и пьют.
И мнят, что добро творят и хвалу тем воздают Владычице чистой.
Летописи русской литературы и древности. 1862. Т. IV. С. 85—86.
Слово и откровение святых апостолов (конец XV— начало XVI вв.).
<...> И дабы уразумели многие люди и в соблазн великий не впали, мня богов многих — Перуна и Хорса, Дыя, и Трояна, и иных многих. Ибо то люди были, старейшины: Перун у эллинов, а Хоре — на Кипре, Троян был царь в Риме. Но добрые мужи были, а другие — разбойники.
Гальковский Н. Указ. соч. С. 51.
Беседа трех святителей (XIV в.). <...> есть два ангела громовых, эллинский старец Перун и Хорс-жидовин, два ангела молнии.

Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве//Сов. археология. 1961. № 4. С. 95.

О вдохновении духа в человеке (в списке конца XV— начала XVI вв.).
Вдохновение бессмертное <...> единый вдыхает Вседержитель, который один бессмертен и непогибающих творец, ибо дунул ему [человеку] на лицо дух жизни, и стал человек душой жив. Это тебе не Род, сидя на воздухе, мечет груды, и от того рождаются дети <...> всем ведь есть творец Бог, а не Род.
Гальковский Н. Указ. соч. С. 97.
Мацей Стрыйковский. Хроника Польская, Литовская и всей Руси (1582).
IV, 4. Владимир <...> в Киеве очень много храмов построил и идолов по горам окрестным поставил, в частности идол Перуна, бога грома, туч и молний (которого больше всех чтил), роскошнее всего сделал: само тело было из дерева искусно вырезано, голова его из серебра, уши из золота, в руке же держал камень наподобие пылающей молнии, в честь и славу которому огонь из дубовых дров, названный вечным, жрецы,

https://RodnoVery.ru

для того приставленные, жгли. Если бы из-за небрежности стражей он когда-нибудь погас, то таких карали смертью, что также Литва, Жмудь[67] и старые прусы соблюдали.
Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska i wszystrkej Rusi.
T. 1. Warsz., 1846.S. 138.

Устав преподобного Саввы (XVI в.).
<...> [Исповедальный вопрос:] Не сблудила ли с бабами богомерзкие блуды, не молилася ли вилам, или Роду и рожаницам, и Перуну, и Хорсу, и Мокоши, пила и ела?
Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 267.
Поучение духовным детям (XVI в.).
Уклоняйся перед Богом невидимых: людей, молящихся Роду и рожаницам, Перуну, и Аполлону, и Мокоши, и Перегине[68], и ко всяким богам мерзким требам не приближайся.
Азбукин А. Очерк литературной борьбы представителей
христианства с остатками язычества в русском народе//
Русский философический вестник. 1896. № 2. С. 249.
Густынская летопись (XVII в.).
Во-первых, Перконос, т. е. Перун, был у них старейший бог; [описание идола Перуна — по М. Стрыйковскому]. Второй — Волос, бог скотий <...>. Третий — Позвизд, ляхи его называли Похвист; верили, что он был богом <... > воздуха, а иные — погоды и непогоды, иные его Вихрем нарицали, и этому Позвизду или вихрю как Богу, кланяясь, молились.
Четвертый идол — Ладо (т.е. Pluton), бог пекельный; верили, что он был богом женитьбы, веселья, утешения и всякого благополучия, как у эллинов — Бахус; ему жертвы приносили желавшие жениться, дабы с его помощью брак добрый и любовный был. Этого Аадона, беса, в некоторых странах и поныне на крестинах и на свадьбах величают, распевая свои некие песни и руками о руки или по столу хлопая: «Ладо, Ладо!» — приплетая песни свои, много раз поминают.
Пятый, Купало, думаю, был бог изобилия, как у эллинов —; Церера. Ему же <... > за изобилие благодарение приносили в то время, когда должна настать жатва .<...> С вечера собираются простые люди обоего пола и сплетают себе венки из съедобных злаков или кореньев и, подпоясавшись травой, разводят огонь, где ставят зеленую ветвь; и, взявшись за руки, ходят вокруг того огня, распевая свои песни и приплетая Купало; потом через тот огонь перескакивают, этому бесу жертву принося.
Шестой — Коляда, которому праздник прескверный был 24 декабря. Сему бесу в память простой народ сходится в навечерие Рождества Христова, а поют песни некие, в них же если о Рождестве Христовом поминают, то Коляду беса величают.
Но имели больше богов, т. е. Хорса, Даждьбога, Стрибога, Симаргла, Мокоша, иные же колодцам, озерам, рощам жертвы приносили. Из этих же богов некоему богу в жертву людей топили, ему же и доныне в некоторых сторонах безумные память творят: в день пресвет-лого Воскресения Христова, молодые, собравшись и играя, бросают человека в воду, и бывает иногда <...>, что бросаемые в воду или о дерево, или о камень в воде разбиваются и умирают, или утопают; по иным же сторонам <... > только водой обливают.
Гальковский Н. Указ. соч. С. 295—301.
И. Гизель. Синопсис (1674).
[Текст тот же, что в Густынской летописи, но с некоторыми оригинальными деталями. О Перуне:] ноги железные. В руках же держал камень наподобие молнии пылающей, рубинами и карбункулами украшенный. [О Поз-визде:] называли его богом воздуха, ветра и непогоды. [О Ладо:] Этот же соблазн от древнейших идолослужи-телей произошел, которые неких богов Леля и Полеля почитали. <...> И ныне по неким странам пением «Лелюм-Полелюм» возглашают также и мать Лелеву и Полелеву Ладо, распевая: «Ладо, Ладо!» [О Коляде:] на тех же своих законопротивных сборищах и некоего Тура-сатану <...> вспоминают.
Гальковский Н. Указ. соч. С. 295—299.
Поучение в понедельник Святого Духа (XVII в.).
Но еще такая слепота <... > среди препростых людей есть, которые бога плодов земных Дида, и бога изготовления орудий всякого дела речного Лада, как тогда эллины, почитали, разжигали огни, скакали, плеща руками, и пели: «Дидо-Ладо!», и, принося всякие вещи из посуды и одежды, <...> в огонь бросали, и так, когда разгорался огонь, через него скакали. Есть и такие, что думают, будто есть бог скотов и всяких животных, и того почитают. Его же называют Колядою, ему же вечером празднуют, а днем работают. И такие есть, что бога водного называют, и того хвалят и почитают, дабы от волн морских сохранил, и его именуют Лоло, и сего ради в память его водой поливаются.
Гальковский Н. Указ. соч. С. 302.
Исповедь каждого чина по десятисловию (XVIII в.).
Первая заповедь. Не обливался ли водою в Великий четверг или на Светлой неделе не купал ли кого? Так же в навечерие Рождества Иоанна Предтечи и в день Петра и Павла не купался ли? Если кто в вышеупомянутые дни водою обливается, тот <...> идолу Купалу жертву приносит. <...> Иные же воспевают Коляду или же Ладу, и «Лелю-Лелю», видя для себя в том великое добро и веселье. Иные же на русалиях плещат [руками] и, ударяя о стол, повторяют, воспевают: «Ладу, Лада!»...

https://RodnoVery.ru

Гальковский Н. Указ. соч. С. 303—304.

Румянцевский сборник (XVIII в.).
<... > Бабы каши варят на собрание рожаницам.
Гальковский Н. Указ. соч. С. 94.
Анания Федоров. Суздальский летописец (1754).
Обыватели в граде Суздале <...> имели богов языческих и, кроме них, Яруна, Пиная, Облупу, Купала, для которых места были в городе особенные, их богомер-ские были мольбища или капища.
Соколов М. Старорусские солнечные боги. Симбирск, 1887. С. 27.
Сказание о **построении** города **Ярославля** (XVIII в.).
И было селение, называемое Медвежий угол, в нем же обитатели — люди поганой веры, язычники злые. <...> Идол, которому поклонялись они, был Волос, т. е. скотский бог. И этот Волос <„..> стоял среди долины, называемой Волосовой, откуда и скот по обычаю на пастбища выгоняли. Этому <...> идолу и кереметь[70] поставлена была, и волхв дан, а он неугасимый огонь для Волоса поддерживал и жертвоприношения ему воскурял. Когда приходил первый выгон скота на пастбища, волхв закалывал для него тельца и телку, в обычное же время из диких зверей жертвы сжигал, а в некоторые очень тяжелые дни — и из людей. Этот волхв <... > по дыму воскурения жертвенного понимал все тайное и говорил слова случавшимся там людям как слова этого Волоса. Когда же огонь у Волоса угасал, то волхва в тот же день и час отрешали от ке-ремети, и по жребию избирали иного, и этот закалывал волхва и, разведя огонь, сжигал в нем труп его как жертву, единственно способную возвеселить этого грозного бога.
<...> И люди эти клятвой у Волоса обещали князю жить в согласии и оброки ему давать, но только не хотели креститься. <...> [Князь прибыл с воинами и духовенством.] Но когда вошел в это селение, люди его выпустили из клетки некоего лютого зверя и псов, чтобы разорвали князя и тех, кто с ним. [Ярослав убил зверя секирой.] При засухе язычники молили слезно своего Волоса, чтобы низвел дождь на землю. <...> На месте, где некогда стоял Волос, тут и дудки, и гусли, и пение, раздававшееся много раз, и плясание некое было видимо. Скот же, когда на этом месте ходил, необычной худобе и недугу подвергался. <...> Говорили, что вся эта напасть была гневом Волоса, что он превратился в злого духа, дабы сокрушить людей, как сокрушили его и кереметь. [Сооружение церкви Власия на месте святилища.]
Воронин Н.
Медвежий культ в Верхнем Поволжье XI в.//
Краеведческие записки (Ярославль). 1962. Вып. 4. С. 90—93.

Легенда о **Перыни** (записана П. Якушкиным в 1866 г.).
Был зверь-змияка, этот зверь-змияка жил на этом самом месте, вот где теперь скит святой стоит Перюньский. Каженную ночь этот зверь-змияка ходил спать в Ильмень с Волховскою коровницею. Перешел змияка жить в самый Новгород; а на ту пору и народился Володимир-князь в Киеве. <...> Новгород окрестился. Черту с Богом не жить: Новый-Город схватил змияку Перюна, да и бросил в Волхов. Черт силен: поплыл не вниз по реке, а в гору — к Ильмень-озеру; подплыл к старому своему жилью — да и на берег! Володимир-князь велел на том месте церковь рубить, а дьявола опять в воду. <...>
Якушкин П. И. Путевые письма из Новгородской губернии//Якушкин П. И.
Соч. СПб., 1884. С. 223.
Легенда об острове **Перун** (записана в 1905 г. Д. И. Яворницким).
До принятия нашими предками христианской веры, говорят, посреди Киева стоял каменный идольский бог Перун с золотой головой. А тогда, как киевский князь Свя-тославский привез в Киев христианскую веру, тот бог сброшен был в Днепр. И поплыл тот Перун вниз по воде, а остановился аж между порогами, возле высокого скалистого острова, против Таволжана. В том острове есть большая пещера, и в той пещере и поселился тот бог Перун. Там он превратился в семиглавого змея. От того Перуна-змея и остров прозвали Перуном, а пещеру — Зме-евой. В той пещере <».,> были двери: сначала железные, а потом золотые; а внутри стояли столы: сначала серебряные, а потом золотые. На столах были очень дорогие скатерти с золотыми кистями по углам. Все там было очень хорошо убрано, лишь никого не было видно, а только слышно было, что там кто-то очень тяжело стонал в самой глубине. А стонал некто иной, как семиглавый змей. Люди боялись лазать в ту Змееву пещеру. Только один дед Винниченко ходил туда, потому что он был большой волшебник. Он брал с собой свечку, влезал в пещеру, а что он там делал, то неизвестно. А когда, бывало, влезет, то там поднимается такой страшный гул, что аж весь камень того острова трещит. А гул шел от того же семиглавого змея. Тот <...> змей часто вылетал из пещеры, хватал всюду красивых девушек, жил с ними, а потом пожирал их.
Однажды он притащил какую-то царскую дочь и уже начал было над ней глумиться, но бог прислал туда такого богатыря, который убил того лютого змея, а на царевне женился и имел от нее трех сыновей-соколов. <...>
Легенди та перекази.
К., 1985. С. 118, 242.

Украинские народные песни

https://RodnoVery.ru

1. *(Записана на Станиславщине в Галиции.)*
Гей, око Лада,
Леле Ладове,
Гей, око Ладове —
ГПч пропадав,
Бо око Лада
3 води виходить,
Ладове свято
Нам приносить.
Гей, Лади ти, Перуне,
Отче над Ладом,
Гей, Перуне,
Дай дочекати
Лада-Купала.
Гей, Купала! <...>
2. *(Записана в 1965 г. в Волынской области.)*
Ой ти, соловейку, ти, раннш пташку, Ой, чого так рано з вир'!чка вийшов? Не сам вийшов, Дажбог мене вислав 3 право! ручейки, і ключики видав: 3 право! ручейки — АіТО в1дмикати, 3 Аіеоі ручейки — зиму эамикати <... >

3. *(Записана в 1920-х гг. на Волыни, в 1970 г.— в Тернопольской области.)*
Межи трьома дорогами, рано-рано,
Межи трьома дорогами, ранесенько,
Там здибався князь з Дажбогом,
Рано-рано, ранесенько.
— Ой ти, боже, ти Дажбоже, рано-рано,
Зверни ж меш з дор1женьки, ранесенько.
Бо ти богом рІК од року,
Рано-рано, ранесенько,
А я князем раз на вщу,
Рано-рано, ранесенько,
Раз на вжу в нед!леньку,
Рано-рано, ранесенько.
1гри та niciri. К., 1963. С. 31, 379; Золотослов. К., 1988. С. 118, 242.

Белорусские купальские песни
(Записаны П. Бессоновым.)
1. Да сядить Купала на плотя[72] У яе голоука уся у злота.
Да просить у Бога погоды: «И дай жа, Боже, погоды Да на ту ночку вяселу!»
2. Купало, Купало,
Где ж ты зиму зимовало? <...> Зимувало у пирейку, А литовало у зилейку.
3. Ходыли дивочки коло Мареночки, Коло мое (тое) водыла Купала, Гратима сонечко на Ивана!
4. Иван да Марья На горе купалыся: Где Иван купауся, Берег колыхауся, Где Марья купалась, Трава расстилалась.

5. Смерти, Смерти, иди на лесы, Иди на безвесть, иди за море! И ты, Морозе, великий и лысый, Не приходь до нас из своей коморы! Смерть с Морозом танцювала, Танцювала и спивала, И за море десь погнала.
Бессонов П. Белорусские песни.
М., 1871. С. 29, 46—47, 53.

Белорусские колядки
(Записаны П. Бессоновым.)
1. <... > Ай да Божья Коляда, Прилятай к нам с высока,
Раз в желанный год.
<... > Ах, ех, Коляда, ляти швыдче свысока,
Да морозом не тряси,
Благословья к нам неси!
2. Ехала Коляда с Полоцка У малеваненьким возочку, На вороненьким конечку, Заехала к Василю на двор: «Василь, подари Коляду!» «Ци пшаницай?» — «Не хочу, Хочу вечнаго подарку — девочки!»
Бессонов П. Указ. Соч.
Белорусские песни.
С. 70—71.

https://RodnoVery.ru

Боги поляков

Статут провинциальный вкратце (1420-е гг.) Запрещаем также пляски и песни, в которых призываются имена идолов Lado, Yleli, Yassa, Nya [Ладо, Леля, Иеша, Ныя], что обычно делают во время праздника Троицы.
Bruckner A. Mitologia Slowianska i polska. Warsz., 1980. S. 39.
Ченстоховская рукопись Яна из Михочина (1423 г.).
<...> В эти три дня[73]<...> сходятся старухи, женщины и девушки, но не в храм, не на молитву, а на пляски, не Бога, а дьявола, т.е. Ysaya, Lado, Yleli, Ya Ya [Иеша, Ладо, Леля, Ныя]. Такие, если не покаются, да пойдут с «Yassa, Lado» к вечному проклятью.
Bruckner A. Op. tit. S. 223—224.
Рукопись польского гусита (начало XVв.).
И так поляки поныне на Троицу почитают идолов Alada, gardzyna Yesse [О Ладо, герой Иеши] в их праздник. И, к стыду, этим идолам оказывается плохими христианами большая честь в это время, чем Богу: девушки, которые целый год не приходят в церковь почитать Бога, в то время привыкли ходить для поклонения идолам.
Bruckner A. Op. tit. S. 38.

Польская глосса в житии св. Войцеха (середина XVв.). Идолы поляков были такие: Alado, Agyessze [О Ладо, о Иеша].
Bruckner A. Op. cit. S. 38.
Ян Длугош. Польская история (XV в.).
Кн. I. Поляки от начала своего происхождения были язычниками и во множество богов и богинь, а именно: Юпитера, Марса, Венеру, Плутона, Диану и Цереру, созданных заблуждением некоторых родов и племен, верили и почитали их. Называли Юпитера на своем языке Иеша *(Yesza).* От этого величайшего из богов все временные блага, и все как несчастные, так и счастливые случаи, как верили, получали, и ему большие, чем другим божествам, почести оказывались и более обильные жертвы приносились. Марса звали Лада *(Lyada);* его вымыслы поэтов объявляли предводителем и богом войны. Его просили подать победы над врагами и ярость духа, почитая его жестокими обрядами. Венеру именовали Дзидзилеля *(Dzydzielelya);* почитая ее богиней брака, просили у нее даровать обилие потомства и многочисленность сыновей и дочерей. Плутона прозывали Ныя *(Nya);* его считали богом подземного мира, хранителем и стражем душ, покинувших тела, и просили у него после смерти провести в лучшие места преисподней, и поставили ему главное святилище в городе Гнезно, куда сходились изо всех мест.

Изваянию же Дианы, которая, по языческому суеверию, считалась женщиной и девой, замужние женщины и девушки приносили жертвы. Цереру почитали крестьяне и земледельцы, принося в жертву пшеничные зерна. Имели также среди богов Порядок *(Temperies),* которого на своем языке называли Погода, как бы подателем хорошей погоды; а также бога жизни, которого звали Живе *(Zywye).* И поскольку держава лехитов была основана в краю обширных лесов и рощ, в них, как передавали древние, обитала и встречалась Диана; Церера же считалась Матерью и богиней плодов, в достатке которых нуждался край. Диана на их языке звалась Дзевана *(Dzewana),* а Церера — Маржана *(Marzyana).* Для них в самых лучших и изобильных местах справлялись почтительные обряды, были установлены торжества с жертвоприношениями, на которые сходились мужчины и женщины с детьми. Приносили своим богам жертвы и угощения из скота, нередко же из людей, схваченных в битве, те, кто верил, что беспорядочное множество отеческих богов можно умилостивить возлияниями.
В их же честь праздники в определенное время года были учреждены, на которые много людей обоего пола сходилось в установленные дни из сел и деревень в города, дабы бесстыдными зрелищами такого рода, сладострастными жестами, рукоплесканиями и нарушением приличий некими любовными песнями, хлопаньем и выходками — таким многократным почитанием призвать упомянутых богов и богинь.
Кн. II. 965 г. [Уничтожение языческих идолов 7 марта по всей Польше.] <...> После того, как свершилось это уничтожение и утопление ложных богов и богинь, в некоторых польских селах и в наши дни его изображают и возобновляют, нося на длинном шесте изображения Дзева-ны и Маржаны, бросая их в болото и утапливая в день Радостного воскресенья, дабы влияние этого древнейшего обычая среди поляков не исчезло.
Dlugosz J. Historiae Polonicae//Dlugosz J. Kpera omnia. T. X. Cracoviae, 1873. P. 47—48, 117.
Мацей Меховский. Польская хроника (1519).
[Поляки] почитали Погоду, что означает «порядок» *(temperies).* Почитали дуновение, или порыв, легкого ветра, свистящего в колосьях пшеницы и листьях деревьев и вместе со свистом исчезающего. Называли его именем По-гвизд. Почитали Леду, мать Кастора и Поллукса, близнецов, из одного яйца рожденных, о чем слышно в нынешние дни от поющих древнейшую песню «Lada, Lada, Lleli, Lleli, Poleli» с хлопаньем и рукоплесканием. Ладой (как можно судить по живому языку) звали Леду, а не Марса, Кастора — Лелем, Поллукса — Полелем. <...> В детстве видел трех идолов из вышеназванных, на части разбитых, возле монастыря св. Троицы в Кракове.
Matthei Mechovii. Chronic Polonorum. 1519.

https://RodnoVery.ru

Мартин Вельский. Хроника Польская (1551).
/, *966 г.* На моей еще памяти был обычай у нас по селам, что на Белой неделе поста топили одно чучело: убрав сноп из конопли или соломы в человеческое платье, все село провожало его туда, где поблизости было какое-нибудь озерцо или лужа, и там, сняв с него одежду, бросали в воду, распевая жалобно: «Смерть вьется по плетню, ища себе хлопоты» и т. д. Затем поскорее бежали домой от того места; кто же <...> в то время падал, считали это предзнаменованием, что он в том же году умрет. Звали это чучело Маржана, я бы сказал, что это был бог Марс. <...> Имели еще и других своих богов, как Леля и По-леля, которых некоторые считают Кастором и Поллук-сом, почитали как бога и Живот, Погоду, Непогоду, которую звали Похвистом, а ныне в Мазовии зовут еще По-хвишчель <...>.
Bielski M. Kronika Polska. Warsz., 1829. S. 120—121.
Мартин Кромер. О происхождении и деяниях поляков (1555).
III. Знаю о том достаточно, что русские и литовцы, прежде всего в селах, поныне сохраняют обычай: ведя хороводы и хлопая руками, славят Ладо (Ladonem). <...> Также Живе, так сказать жизненный, ветерок же, Погода, т.е. тишина, или порядок (temperies), Похвист, которого Меховский ветерком, мы же — непогодой считаем (откуда «Похвишчель» у мазовшан поныне непогода зовется),— были богами поляков. Некоторые к ним добавляют Леля и Полеля (которых, как поныне слышим, на пирах и попойках призывают) и полагают их Кастором и Поллуксом.
Kromer M. De origine et rebus gestis Polonorum. Basiliae. 1555.
Истинная повесть об основании монастыря на Лысой горе... (XVI в.)

Лысая гора названа от замка Лысец, который на ней был, названный так потому, что он издалека белел. В том замке одна госпожа перед тем жила. Превознесшись от гордости, что победила Александра Великого под той горой, велела она почитать себя как богиню Диану. Но вместо этого за такое кощунство кару Божью получила: тот замок гром разрушил, а ту госпожу со всеми служанками поразил. Так что еще до нынешнего дня лежат на том месте большие глыбы камня. На том же месте был храм трех идолов, которых звали Lada, Boda, Leli (Лада, Бода, Леля). К ним простые люди сходились в первый день мая, молитвы им творить и жертвы приносить. Тогда Дубравка[75] <...> велела построить монастырь и посвятить <... > святой Троице. Gassa,wsky J. Osrodek Kultu poganskiego na Lysej Gorze//Religia poganskich Slowian. Kielce, 1968. S. 47.

Мацей Стрыйковский. Хроника польская, литовская и всей Руси (1582).
<...> Плутона же, бога пекельного, которого звали Ныя, почитали вечером, просили у него по смерти лучше-го усмирения непогоды. <...> Также Цереру, богиню земли, открывательницу всяких злаков, которую они звали Маржана, ей тоже в Гнезне <...> был за большие средства поставлен храм, где ей во славу десятину всякого зерна после жатвы приносили, прося на другой год обильного урожая. <...>Также Кастора и Поллукса, римских божков, почитали, которых Лелем и Полелем называли; еще и до нынешних времен у Мазуров и поляков на пирах, когда выпивают, явно слышим, как выкрикивают: «Лелюм по Лелюм». Почитали и мать Леля и Поле-ля Леду <...>.

Имели обычай мужчины и женщины, старые и молодые, на праздники тех богов своих сходиться в одно место для танцев и других забав, и эту сходку звали «Купала», особенно 25 мая <...> и 25 июня, что еще до этого времени на Руси и в Литве сохраняется. Ибо сразу после Проводной недели и до дня св. Яна Крестителя женщины и девушки на танцы общиной сходятся и, взявшись за руки, повторяют: «Ладо, Ладо!» и «Ладо моя!», в память Леды, или Ладоны, матери Кастора и Поллукса, но простые люди не знают, откуда этот обычай произошел.

<...> Почитали также поляки за бога ветер шумящий, который называли Живе, также Погоду, бога ясных и веселых дней <...>. Почитали и другой ветер Похвист, который <... > еще и ныне мазуры Похвишчелем зовут, потому что, когда случался такой свистящий ветер, падали и на колени становились.
<...> И ныне в Великопольше и Силезии сохранилось, что дети на средопостной неделе, соорудив чучело, наподобие женщины, Зевони [Дзеваны] или Маржаны, <...> насадив на длинную палку, носят, с жалобным пением, один за другим напевая, или на возке возят. Потом в лужу или в реку с моста бросают и домой вскачь убегают <...>.
Stryjkowski M. Op. cit. S. 137.
Прокош (Пшибыслав Диаментовский). Славяносарматская хроника (начало XVIII в.).
Ныя, последняя из потомства Леха, правила во времена Геркулеса Ливийского, который, обойдя почти все народы, когда прибыл в северные края, освободил ее от ига собственных подданных и породил с ней трех сыновей, старший из которых звался Скиф. После ухода Геркулеса в Италию Ныя счастливо и милосердно народом своим повелевала. <... > Иеша, воинственнейший король лехи-тов <... > великими деяниями заслужил по смерти.славу покровителя народа; <... > при жизни был добрым, щедрым, великодушным господином поданным, их во всякой доле защищал и ими почитался в числе всемогущих.
<...> Ладон, отважный король, <...> божественным культом почитался как покровитель браков, поскольку варварскому народу определенные законы предписал, число жен, воспитание детей, обряд браков указывавшие. Потому имя его на всех свадьбах многократно призывать принято. Носил, когда воевал, на

https://RodnoVery.ru

красном щите вздыбленного льва, золотой короной увенчанного, обнаженный меч передними лапами державшего.
<... > Маршин — король славян отважный и воинственный <...>[76].
<...> Лель, или Лелюм, храбрый король славян, супруг прекраснейшей королевы Лоны. После своей смерти за величайшее воинское мужество и милосердие к подданным божескими почестями был награжден благодарным народом. Употреблял как знак герб своего предка Скифа, т.е. полумесяц рогами кверху.
<...> Почитался Лель как защитник свободы (и потому Свободой назывался)... Полель же как страж Отечества, и верили, что они оба были посланы верховными богами Тржи и Живе. Первому [Лелю] князья и знатные роды богатейшие жертвы приносили; второму же [Поле-лю] — весь народ. Каждому было сооружено святилище из белого камня в главном городе Кародун[77] недалеко от гор, называемых Татры, где народ, во множестве собиравшийся в определенное время, приносил им жертвы, особенно жирных свиней, специально для этого откормленных.
<...> Тржи почитался как величайший из богов, изображение его стояло тройное [трехглавое] с одной шеей. Он был отцом бога Живе, которому приписывали заботу о человеческой жизни и всякие дары судьбы. Им другие боги хранили верность.
Божеству Живе было сооружено святилище на горе, по его имени названной Живец, где в первых днях месяца мая бесчисленный народ благочестиво собирался и просил у него, что считался творцом жизни, долгого и счастливого благополучия. Особенно ему поклонялись те, кто слушал первый крик кукушки, суеверно ожидая прожить столько лет, сколько та прокукует. Считалось, что этот верховный владыка Вселенной превращается в кукушку, дабы им объявить срок жизни. Потому считался преступником и карался смертью от властей тот, кто убивал кукушку.

Имел он, Живе, возле Кракова святилище и изваяние, из золотистой бронзы отлитое, изображавшее мужа, одетого львиной шкурой, держащего перед ногами рукой узловатую дубину, с поросенком и быком у ног; их Мечислав <...> в ближайшие воды Вислы бросить, капище же во славу Спасителя мира посвятить велел.
Земня, или Земля, богиня, которой приписывали изобилие хлебов и плодов с деревьев; поэтому возлагали перед ее изображением приношения из всех видов зерна во время жатвы и из древесных плодов, когда собирались фрукты.
Chronicon Slavo-Sarmaticum Procossii. Varsoviae, 1827. P. 3—6, 112—113.

Боги чехов

Козьма Пражский. Чешская хроника (XII в.). Пер. Г. Э. Санчука.
I, 9. [Пржемысл], достигнув вершины своих дней <...>, был похищен зятем Цереры, которого почитал как бога.
1,10. «Да будут свидетелями бог Марс и моя владычица Беллона, оказавшая мне большое покровительство»;

I, 11. «Если вы хотите одержать победу, вы должны прежде всего исполнить веление богов. Принесите им в жертву осла, чтобы снискать их покровительство. Приносить такую жертву повелевают верховный бог Юпитер, Марс, его сестра Беллона, а также зять Цереры» <...>. Козьма Пражский. Чешская хроника. Пер. Г. Э. Санчука. М., 1962. С. 47, 49, 51.

Mater -verborum (Мать слов) (начало XIII в.)[79].
Белбог — Бел, Баал, идол. Девана, дочь Летницы и Перуна — Диана, дочь Латоны и Юпитера. Лада — Венера, богиня любви, Цитерия. Летница — Латона. Морана — Геката, тройная [трехликая], или ночное светило, Прозерпина. Перун — Юпитер. Порвата — Прозерпина. Прия[80] — Афродита по-гречески, Венера по-ла-тыни. Радигост, внук Кртов — Меркурий, названный от купцов (a mercibus). Страчек, Сытивратов сын,— Пик[81], сын Сатурна. Святовит — Маворс, Маворсом поэты называют Марса. Своба — Ферония[82], богиня язычников. Свор — зодиак, круг. Сытиврат — Сатурн, о котором язычники говорят, что он первым пришел с Олимпа, убегая от оружия Юпитера. Триглав — тройной, имеющий три козлиные головы. Велес — Пан, образ козлоподоб-ный. Жива — Церера. Лето — Жива[83].
Патера А. И., Срезневский И. И. Чешские глоссы в «Mater verborum».
СПб., 1878. С.45, 48, 55, 58, 64, 66—68, 72—75, 78, 81.
Хроника нотария венгерского Короля Белы (XIII в.).
[О крепости Девин в Словакии:] Это название — от слова «девушка» (Девония). Древние славяне-язычники богиню Венеру, почитая ее в образе девы, называли Девойна, Девина или Дева.

Boguslawski W. Dzieje Slowianszezyzny polnocno-zachodniej do polowy XIII W. T. II. Poznan, 1899. S. 308.

Хроника Неплахи (XIV в.).
Имели [чехи] также некоего идола, которого как своего бога почитали; имя же идолу было Зелу.
Teige J. Die Gottheit Zelu// Archiv fur slavische Philologie. 1883. Bd. VII. S. 646.
Немецкий перевод хроник Дилимила и Неплохи
(XIV в.).
[О князьях Пржемысле, Незамысле, Бнате и Воине:] Зелу был их бог.
Teige J. Op. cit. S. 646.

https://RodnoVery.ru

Вацлав Гаек из Либочан. Чешская хроника (1541).
709 г. [Плач дочерей Крока:] Они то молили милостивого Мерота, чтобы тот осветил ему путь в загробный мир, то призывали Радамаша, чтобы тот рассудил его по делам его жизни, справедливости его и скромности и избавил от предания тассану[84] на пожирание.

712 г. Тетин был скорее капищем изощренного суеверия, чем городом. <...> Тетка же много позже в своем доме, все женское превзойдя, ничего не пропускала из обрядов языческого культа, которыми ежедневно вызывала всякие чудовищные тени с помощью жертв и пагубных песнопений. Еще имела она на Погледе особую богиню Климбу, являвшуюся на самой вершине, которую больше всех почитала и постоянными жертвами умилостивляла.

734 г. [О добыче золота на г. Чесна:] За эти несметные богатства обильнейшие жертвы горным и воздушным богам были принесены, <...> статуя из золота в виде человека, сидящего на троне[85], была вылита, что несла образ и имя бога Зелу. Ее поместили в особом святилище внутри дворца, и каждый князь ее с особой набожностью почитал, бросая в огонь вместо фимиама обрезанные волосы и ногти.
735 г. [Либуша], свершив своим богам жертвоприношения в святилище Зелу, узнала о своем смертном часе <...>. Была погребена <...> облаченная в лучшие одежды, положенная на носилки, облитые битумом и смолой, в левой руке держа кошель с пятью золотыми монетами, которые Пржемысл в жертву неведомому богу в ее пальцы велел вложить, в правой — две серебряные монеты: одну проводнику, другую перевозчику Харону.
743 г. [Пржемысл] из оракулов узнал, что коварные боги уже прогневались на девушек [амазонок] и что через восемь дней[86] богиня Дирцея отвернется от них и бог Зелу отвратит от их судеб свой дух <...>.
756 г. [Погребение Тетки:] Славош, муж ее, через девять дней велел справить поминки. Он принес богине Климбе прекраснейший и богатейший дар, бросив его в огонь.
775 г. [О золоте, добытом у г. Гшов:] Золото отдал [князь Незамысл] мастеру, чтобы отлить изображение Красатины, которое было помещено в дворцовом святилище. В первый день новолуния Незамысл и Лидомира чествовали его отеческими обрядами, всесожжением и воскурениями, бросая в огонь смоляные корзинки и волосы. Некоторые пишут, что нередко случались чудеса при этих жертвоприношениях, и часто этот идол давал предсказания: если его находили лежащим, это предвещало близкую смерть какого-либо князя.
822 г. [Княгиня Банка] после шестнадцатидневного перемирия и ночных молений и жертвоприношений ответила такими словами: «Боги небесные и подземные, боги водяные и воздушные и те, что приходят с четырех сторон света, удостоили меня через богиню Кигалу такого ответа» <...>.
873 г. Говорят, что Неклан, исполняя ночью священные обряды перед золотым изображением демона в домашнем святилище, увидел необыкновенно ужасные глаза и оскаленные зубы идола и, охваченный страхом, испустил дух через четыре дня.
891г. Людмила, поистине Кросину больше всего остального сонма богов и богинь украшать и почитать с малых лет приученная, <... > мужа своего Борживоя особо подвигла, чтобы он <...> приказал отлить изображение в человеческом облике из золота. Оно было установлено в скрытом святилище, где связки светильников и лампад сияли огнями, сама же Людмила постоянными жертвоприношениями с величайшей набожностью служила женскому божеству.
892 Людмила, привычная по обычаю нечестивых людей насыщать влагой свою Кросину, подносила ее изваянию мраморную амфору (сделанную по приказу Борживоя) священного напитка для ночного питья. Неожиданно небо стало столь дождливым и три месяца такие непрестанные дожди лились, что этого с избытком хватило, дабы поддержать истощенные посевы и возродить увядшие травы. Эта весть, распространившись повсюду, вызвала среди грубого народа такое огромное уважение к Людмиле и такое почтение и страх перед Кросиной, что ее молитве приписывали эти посланные Юпитером дожди.
Wenceslai Hagek a Liboczan. Annalezs Bohemorum.
P. II. Praga, 1763. P. 103,115—116, 201, 204—205,246,
281,326, 476; P. III. Praga, 1765. P. 145, 260, 267.
Иржи Стржедовский. **Церковная история Моравии** (1710).
Среди Мораван Венера, или Красопани, называемая также Дзидзилеля, почиталась с большим великолепием. <... > Ее нагое изваяние изумительной работы имело вид прекраснейшей женщины или девушки; глаза были игривы, сладостны и полны соблазна, тело белоснежно, волосы ниспадали до колен; миртовый венок, переплетенный красными розами, украшал голову; уста, скромно усмехавшиеся, держали срезанную розу; на месте сердца был виден луч или пылающий факел; сзади тело было раскрыто, так что можно было увидеть сердце. Богиня ехала на золотой колеснице, которую везли два белых голубя и два лебедя. Рядом стояли три нагие девы, или Грации, взявшись за руки, спинами друг к другу. -Boguslawski W. Op. cit. S. 746; Hanusch I. J. Die Wissenshaft des Slawischen Mythus. Wien, 1842. S. 346.

Боги северо-западных славян

Видукинд Корвейский. Деяния Саксов (X в.).
III, 68. **[О** захвате Генрихом Биллунгом, герцогом Саксонским, столицы вагров] <...> у отлитой из меди статуи Сатурна, найденной среди прочего награбленного в городе, [герцог] устроил для народа большое зрелище.

https://RodnoVery.ru

Видукинд Корвейский. Деяния Саксов Пер. Г. Э. Санчука. М., 1975. С. 192.

Письмо св. Бруно Кверфуртского к императору Генриху III (1008 г.)[87].

<...> в чем сходятся дьявол Сварожич и вождь святых, ваш и наш Маврикий? Те, кто впереди вздымает священное копье, и те, кто пачкает человеческой кровью дьявольские знамена?

Boguslawski W. Op. cit. S. 735.

Титмар Мерзебургский. Хроника (начало XI в.).

VI, 17. 1005 г. Есть некий город в области ратарей, именуемый Радигост[88], треугольный, с тремя воротами[89], который отовсюду окружает большой лес, жителями не тронутый и почитаемый. Двое ворот открыты для всех входящих; третьи, обращенные к востоку и самые маленькие, указывают дорогу к озеру, расположенному рядом и видом весьма ужасному. В нем [городе] нет ничего, кроме храма из дерева, искусно сооруженного, который, как основы, поддерживают рога разных зверей. Его стены снаружи украшают изображения богов и богинь, удивительно вырезанные, как видно рассматривающим; внутри же стоят боги рукотворные, с вырезанными на каждом именами, грозно облаченные в шлемы и кольчуги, из которых первый зовется Сварожич и больше остальных всеми язычниками почитается и чествуется. Знамена их, кроме как в случае похода, притом пешего, никогда не трогаются. Для тщательного соблюдения этого туземцами приставлены особые служители. Когда они сходятся, чтобы умолить этих идолов или смягчить их гнев, то большинство садится (некоторые же стоят) и, поочередно бормоча тайком, с трепетом вскапывают землю и, бросив туда жребии, узнают об определенных спорных вещах. Окончив это и скрыв все дерном, коня, который величайшим среди коней считается и как священный почитается, проводят с молитвенным преклонением через воткнутое в землю сооружение из двух перекрещенных копий. И, учтя жребии, которыми ворожили сначала, этим якобы божественным способом гадают снова. И если в двух этих случаях знамение совпадает, дело вершат; если же нет, то опечаленный народ от него вовсе отказывается. Утверждает древность, обманутая разными заблуждениями, что если когда-нибудь им будут угрожать трудности жестокой долгой смуты, то из упомянутого озера выйдет большой вепрь с белоснежными клыками, сияющими в пене, и, нежась в грязи, многим предскажет ужасное потрясение.

VI, 18. Сколько областей в этих краях, столько и храмов, и изображений демонов, почитаемых неверными, среди которых вышеупомянутый город имеет верховную власть. Его приветствуют, идя на войну, его же, счастливо возвращаясь, чествуют надлежащими дарами, и, если что для умилостивления богов принести в жертву требуют жрецы, через жребий или коня, как уже сказано, все старательно изыскивается. Кровью людей и скота невыразимая ярость их смягчается.

VII, 47. 1017 г. [Богиня лютичей], изображенная на знамени, была задета камнем, брошенным одним из воинов маркграфа Германна; и тогда ее жрецы с прискорбием обратились к императору и получили 12 талантов возмещения. И когда <... > хотели перейти Мильду, то другую богиню в сопровождении 50 воинов потеряли[90].

VII, 50. 1017 г. [Славяне] почитают домашних богов и, надеясь на большую выгоду от них, им молятся. Я слышал о. некоем посохе, на верхушке которого есть рука, держащая железное кольцо; он носится пастухом того села, где это происходит, по всем домам и, при входе, так приветствуется своим носителем: «Бди, Генниль, бди!» <... > и тогда они роскошно пируют, полагая себя под его нелепой защитой.

Monumenta Germaniae Historica. T. V. Scriptorum. T. III. Hannoverae, 1839. P. 812, 857—858.

Монах Альберих из Трех Источников. Хроника
(XI в.).

77. *1003 г.* [Император Генрих] подчинил себе винде-ликов[91], народ, пограничащий со свевами. Эти винделики почитали Фортуну; имея ее идол в знаменитейшем месте, вкладывали ему в руку рог, полный напитка, приготовленного из воды и меда <...>.

A. Frencelii. Commentarius philologico-historicus de diis
Soraborum//Scriptores rerum Lusaticarum.
T.H. Lipsiae, 1719. P. 112.

Адам Бременский. Деяния гамбургских епископов
(XI в.).

II, 18. <...> Ретра, центр идолопоклонства.

Здесь выстроен большой храм для богов. Главный из них — Радигост. Идол его сделан из золота, ложе — из пурпура. В этом городе девять ворот, и со всех сторон он окружен глубоким озером. Для перехода служит деревянный мост, но путь по нему открыт только для приносящих жертвы и спрашивающих советов.

***III,** 51.* [О гибели Иоанна, епископа Мекленбургского.] <... > варвары отрубили ему руки и ноги, тело выбросили на дорогу, голову же отсекли и, воткнув на копье, принесли ее в жертву богу своему Радигосту в знак победы. Все это происходило в столице славян Ретре, в четвертые иды ноября [10. XI. 1066].[92]

Славянская хроника/ Пер. Л. В. Разумовской. М., 1963. С. 37, 77.

Послание епископа Адельгота (1108 г.).

Фанатикам же их [(славян)] как только угодно бывает предаваться пиршествам, в дикости говоря: «Голов желает наш Прилегала», то следует совершать такого рода жертвоприношения. (Прилегала, как говорят, Приап и Белфегор бесстыдный.)

https://RodnoVery.ru

Отсекая головы на своих нечестивых алтарях, держат христианские чаши, полные человеческой кровью, и завывают ужасными голосами: «Достигли мы дня радости, побежден Христос, победил Прилегала победоноснейший!»

Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы.
М., 1965. С. **41.**

Эббон. Житие Отгона, епископа Бамбергского (XII в.).

77, *13 (1124 г.).* Когда же капища и изображения идолов были уничтожены благочестивым Оттоном, нечестивые жрецы золотое изваяние Триглава, которое больше всего ими почиталось, унесли в глушь и отдали на сохранение некоей вдове, жившей в скромной деревне, где не было опасности, что статую найдут. Она же, подвигнутая к этому наградой, словно зеницу ока берегла нечестивое это изваяние так, что, выдолбив дупло в огромном стволе дерева, это изображение Триглава, обернутое покрывалом, спрятала там; и нельзя было никому увидеть его, не скажу уже коснуться; одно лишь небольшое отверстие, куда клали жертвоприношения, было в стволе, и никто не входил в тот дом, кроме как для совершения нечестивых жертвенных обрядов. <... >

Герман [(слуга Оттона)] в варварской шапке и одежде, после многих трудных приключений в пути придя к той вдове, заявил, будто он спасся из бездны бурного моря, воззвав к богу своему Триглаву, и потому желает принести ему надлежащую жертву за свое спасение, побужденный этим чудесным случаем пройти неведомым путем. Она сказала: «Если ты им послан, войди в дом, где бог наш заключен в выдолбленном стволе, и в небольшое отверстие положи жертву, какую желаешь. Когда же положишь, выйди, закрыв отверстие, и, если хочешь сохранить жизнь, не говори никому ни слова».

Он, бодро войдя в дом, бросил в отверстие серебряную монету, чтобы звон металла показался знаком жертвоприношения. Но затем брошенное забрал и вместо почести воздал Триглаву поношение, то есть вместо жертвы — большой плевок. Затем, внимательно приглядевшись, есть ли возможность выполнить то, зачем послан, он заметил изображение Триглава, так усердно и прочно вбитое в дерево, что никак нельзя было его ни вытащить, ни хотя бы сдвинуть с места. <...> И, пошарив глазами, увидел седло Триглава, прикрепленное рядом к стене,— оно было очень старо и почти непригодно — и тут же вышел с радостью, несчастный же этот дар снял со стены и спрятал; в первую же ночь, около полуночи, скрылся, со всей поспешностью пришел к своему господину и товарищам, доложил обо всем сделанном, седло же Триглава в доказательство своей верности представил.

//, *1.* Бернард <...> схватив секиру, устремился, чтобы срубить столб огромной величины, посвященный Юлию Цезарю, от которого город [Юлин] получил имя

///, / *(1126 г.).* Юлин, Юлием Цезарем основанный и названный — в котором даже копье его, прикрепленное к колонне огромной величины, памяти его служило,— имел обычай праздник некоего идола в начале лета отмечать большим стечением людей и пляской. <... >

Сходясь с обычным жаром на упомянутый праздник идола, все жители края многообразными способами устраивали зрелища и пиршества, и сами прежде скрытые изображения идолов народу, разнузданному пустой радостью, показывали и к древнему языческому обряду побуждали, и постоянно впадали от этого в бедствие божественной одержимости <...>.

Щецин <... > заключает в себе три горы, из которых средняя и самая высокая посвящена верховному богу язычников Триглаву; на ней есть трехглавое изваяние, у которого глаза и уста закрыты золотой повязкой. Как объясняют жрецы идолов, главный бог имеет три головы, потому что надзирает за тремя царствами, то есть небом, землей и преисподней, а лицо закрывает повязкой, поскольку грехи людей скрывает, словно не видя и не говоря о них.

III, 8 (1127 г.). <...> был некий жрец идолов, который, услышав о новой вере, обратился к хитрым «доводам». Наряженный в плащ и другие одежды одного идола, вышел он тайно из города [Волегоща] и, придя в соседний лес, неожиданным появлением напугал крестьянина, шедшего мимо. Тот, увидев жреца, облаченного в одеяние идола, подумал, что явился его бог; переменился в лице, полумертвый от потрясения, и услышал такие слова: «Я — твой бог, которого ты почитаешь. Не бойся, но встань скорее, пойди в город и объяви мое послание правителям и всему народу: если ученики того совратителя [Оттона], что с князем Вартиславом [поморским] находится в Знойме, здесь появятся, да будут без жалости преданы жесточайшей смерти; иначе город вместе с жителями погибнет».

<...> [Клирик Дитрик, убегая от горожан], приблизился к самым дверям храма и, не зная, куда повернуть, отчаянно вбежал в само святилище и, увидев золотой щит, прикрепленный к стене и посвященный Яровиту, их богу войны,— которого касаться у них было запрещено — схватил этот щит и вышел к ним. Они же, будучи глупой деревенщиной, решили, что встретили своего бога Яровита, и, потрясенные, обратились назад и пали наземь.

///, *3.* [9.IV в городе гаволян (Гавельберге)]. Ведь в самый день его прихода город, повсюду увешанный знаменами, справлял праздник некоего идола Яровита.

Monumenta Germaniae historica. T. XIV. Scriptorum. T. XII. Hannoverae, 1856.

https://RodnoVery.ru

P. 842, 851—852, 858—859, 861, 865.

Герборд. Житие епископа Оттона (XII в.) *II, 13. [4.VI. 1121 г.]* <...> приблизившись к городу Пирица. Было тут около 4000 людей, собравшихся со всего края <...>. Это был день праздника язычников, празднуя который играми, невоздержанностью и пением, безумный народ встретил их, ошеломленных.

II, 31. Были в городе Щецине четыре контины[93], но одна из них, главная, была сооружена с удивительным старанием и мастерством. Внутри и снаружи она имела скульптуры, выступавшие из стен изображения людей, птиц и зверей, столь соответственно своему виду переданные, что казались дышащими и живущими; <...> краски внешних изображений никакая непогода, снег или дождь не могли затемнить или смыть, таково было мастерство художников. В этом здании, по древнему отеческому обычаю, захваченные богатства и оружие врагов, и нечто из морской добычи или добытого в наземных битвах, согласно закону десятины собиралось. Также чаши золотые или серебряные, с которыми обычно пировали и пили знатные и могущественные люди, здесь хранились и в дни торжеств выносились, словно из святилища. И огромные рога лесных быков, позолоченные и украшенные камнями, для питья, и рога для игры, мечи и ножи, многая драгоценная утварь, редкая и прекрасная видом, здесь хранили для украшения своих богов. <...> Было также здесь изваяние тройное, имевшее на одном теле три головы, именовавшееся Триглав; завладев им, [Оттон] одни лишь соединенные головы, уничтожив тело, забрал с собой в качестве трофея и позже отправил в Рим как доказательство их [поморян] обращения. <... >

//, *32.* <...> Имели также коня удивительной величины, тучного, вороной масти и весьма горячего. Он весь год отдыхал и был столь священен, что никто не смел на него сесть; имел также старательнейшего хранителя в лице одного из четырех жрецов храмов[94]. Когда же они собирались в сухопутный поход, на врагов или ради добычи, то имели обыкновение исход дела предсказывать через него таким способом. 9 копий размещали на земле, в одном локте друг друга. Оседлав и взнуздав коня, жрец, которому надлежало заботится о нем, трижды проводил его через лежащие копья туда и назад. Если конь проходил, не споткнувшись и не задев копий, это считали знаком удачи и спокойно выступали; если же наоборот, оставались.

///, 5 *(1127 г.).* [В Волегоще] жрец, который там служил идолу, войдя ночной порой в соседний лес, стал в жреческом облачении на высоком месте, у дороги, среди густых кустов. И, подняв руку, так обратился к некоему крестьянину, который шел из села на базар: «Эй, добрый человек!» Тот, обернувшись в ту сторону, откуда услышал голос, в кустах человека в белоснежном одеянии, при невероятном свете, увидел и испугался. А он: «Стой и слушай, что я скажу. Я — твой бог. Я покрываю всходами поля и листьями леса. Плоды полей и деревьев, приплод скота и все, что служит нуждам людей, в моей власти. Это я даю моим почитателям и тем, кто презирает отвергающих меня. Скажи же тем, кто в городе Волегоще, чтобы не принимали бога чужого, который их защитить не сможет; велю также, чтобы посланцев чужой веры, приход которых к ним предсказываю, в живых не оставили».

III, *6.* <...> На стене висел щит удивительной величины, искусной работы, золотым листом обтянутый, который трогать никому из смертных не дозволялось <...> и никогда, кроме как во время войны, нельзя было сдвигать с места. Он <...> богу их Яровиту, который по-ла-тыни зовется Марс, был посвящен, и они верили, что во всякой битве будут победителями, имея его впереди себя.

///, *26.* [Юлинцам] велю, чтобы, помня об этой смуте, ни самого Юлия, ни копье Юлия, ни статуи идолов или изображения никоим образом не почитали. <... >

Monumenta Germaniae Historica. T. XIV. Scriptorum. 1839. P. 781, 793—794, 803, 805, 816.

Монах Прифлингенский. Житие Оттона (XII в.) //, 6. <...> в это время у юлинцев <...> почиталось благоговейно хранимое копье Юлия Цезаря, которое ржавчина так изъела, что само железо уже ни для какого употребления не годилось. <...> Язычники говорили, <...> что копье это — божественной природы и ничто преходящее или падшее соединиться с ним не может <...>; в нем они видели свою защиту, опору отечества и знак победы.

//, *11 (1124 г.).* В этом городе два дома, которые, словно от того, что содержали (continerent)[95] заключенные в них изображения богов, издавна назывались конти-нами. С большим старанием и искусством сооруженные, они, однако, далеко отстояли друг от друга. В них глупым народом язычников почитался бог Триглав. Кроме того, горожане имели обычай содержать коня превосходной стати, посвященного богу Триглаву. Также и седло его, золотом и серебром, дабы приличествовало богу, украшенное, в одной из контин хранилось главным жрецом идолов. Божественный конь, несомненно, им наученный, приходил в установленное время и место, когда для получения прорицаний сходился этот языческий народ, обманутый разными заблуждениями. Обычай же гадания был таков. Разбросав много копий, заставляли коня Триглава через них идти. Если ни одного из них, проходя, не касался, гадание считали благоприятным и, сев на коней, отправлялись за добычей. Если же какое из них задевал, то полагали свое намерение отвергнутым божественным конем, и к гаданию прибегали, пока, по их мнению, не узнавали, когда следует плыть или идти в набег. От всего же захваченного имели обычай отделять десятину, и поскольку бога Триглава вопрошали во всех случаях, то упомянутые контины процветали.

//, *16.* <...> наряду с другими священными зданиями, одну контину, содержавшую в себе почитаемое копье Юлия Цезаря, передали в руки епископа.

Monumenta Germaniae Historica. T. XIV. Scriptomm. P. 891, 893—894,915.

https://RodnoVery.ru

Гельмольд. Славянская хроника (XII в.) Пер. А.В. Разумовской.

/, *6.* <...> св. Вита <...> они [руяне] за бога почитают, творение ставя выше творца <...>. Они гордятся одним только именем св. Вита, которому посвятили величайшей пышности храм и идола, ему именно приписывая первенство между богами. Сюда обращаются из всех славянских земель за ответами и ежегодно доставляют средства для жертвоприношений. Купцам же, которые случайно пристанут к их местам, всякая возможность продавать или покупать предоставляется не раньше, чем они пожертвуют богу их что-либо ценное из своих товаров.

/, *21.* <...> ратари и доленчане[96] желали господствовать вследствие того, что у них имеется древнейший город и знаменитейший храм, в котором выставлен идол Ради-госта, и они только себе приписывали единственное право на первенство потому, что все славянские народы часто посещают их ради [получения] ответов и ежегодных жертвоприношений.

помимо рощ и божков, которыми изобиловали поля и селения, первыми и главными были Прове, бог альденбургской[97] земли, Жива, богиня полабов, и Ра-дигост, бог земли бодричей. Им предназначены были жрецы и приносились жертвы, и для них совершались многочисленные религиозные обряды. Когда жрец, по указанию гаданий, объявляет празднества в честь богов, собираются мужи и женщины с детьми и приносят жертвы свои волами и овцами, а многие и людьми — христианами, кровь которых, как уверяют они, доставляет особое наслаждение их богам. После умерщвления жертвенного животного жрец отведывает его крови, чтобы стать более ревностным в получении божественных прорицаний. Ибо боги, как многие полагают, легче всего вызываются посредством крови. Совершив, согласно обычаю, жертвоприношения, народ предается пиршествам и веселью.

<...> во время пиров они пускают вкруговую жертвенную чашу, произнося при этом, не скажу благословения, а скорее заклинания от имени богов, а именно, доброго бога и злого, считая, что все преуспеяния добрым, а все несчастья злым богом направляются. Поэтому злого бога они на своем языке называют дьяволом, или Черно-богом, то есть черным богом.

Среди множества славянских божеств главным является Святовит, бог земли ранской, так как он — самый убедительный в ответах. Рядом с ним всех остальных они как бы полубогами почитают. Поэтому в знак особого уважения они имеют обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека — христианина, на какого укажет жребий. Из всех славянских земель присылаются установленные пожертвования Святовиту.

С удивительным почтением относятся славяне к своему божеству, ибо они не легко приносят клятвы и не терпят, чтобы достоинство его храма нарушалось даже во время неприятельских нашествий.

/, *83.* <...> пришли мы в рощу, единственную в этом краю, которая целиком расположена на равнине. Здесь среди очень старых деревьев мы увидели священные дубы, посвященные богу этой земли, 11рове. Их окружал дворик, окруженный деревянной, искусно сделанной оградой, имевшей двое ворот. Все города изобиловали пенатами и идолами, но это место было святыней всей земли. Здесь были и жрец, и свои празднества, и разные обряды жертвоприношений. Сюда каждый второй день недели имел обыкновение сходиться весь народ с князем и жрецом на суд. Вход во дворик разрешался только жрецам и желающим принести жертву или тем, кому угрожала смертельная опасность, ибо таким здесь никогда не отказывали в приюте.

Славяне питают к своим святыням такое уважение, что место, где расположен храм, не позволяют осквернять кровью даже во время войны.

Клятву они с большой неохотой приносят, боясь навлечь на себя гнев богов, ибо клятва у славян равносильна ее нарушению.

У славян имеется много разных видов идолопоклонства. Ибо не все они держатся одних и тех же языческих обычаев. Одни прикрывают невообразимые изваяния своих идолов храмами, как, например, идол в Плуне, имя которому Подага; у других божества населяют леса и рощи, как Прове, бог альденбургской земли, — они не имеют никаких идолов. Многих богов они вырезают с двумя, тремя и больше головами. Среди многообразных божеств, которым они посвящают поля, леса, горести и радости, они признают и единого Бога, господствующего над другими в небесах, признают, что он, всемогущий, заботится лишь о делах небесных, они [другие боги], повинуясь ему, выполняют возложенные на них обязанности, и что они от крови его происходят и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому богу богов.

//, *12.* <...> Святовит, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских, светлейший в победах, самый убедительный в ответах. Поэтому в наше время не только вагрская земля, но и все другие славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, почитая его богом богов. Король же находится у них в меньшем по сравнению со жрецами почете. Ибо тот тщательно разведывает ответы [божества] и толкует узнаваемое в гаданиях. Он от указаний гадания, а король и народ от его указаний зависят.

Среди различных жертв жрец имеет обыкновение приносить иногда в жертву и людей — христиан, уверяя, что такого рода кровь доставляет особое наслаждение богам.

Гельмольд. Славянская хроника. Пер. Л. В. Разумовской. М., 1963. С. 45, 73,129,185, 235.

Саксон Грамматик. История Дании (XII в.).

XIV (1136 г.). [Руяне, побежденные датским королем Эриком], обязавшись перейти в христианскую веру, но сохранив статую, которую почитали, подчинились датчанам. Было ведь изваяние в городе [Арконе],

https://RodnoVery.ru

особенно почитаемое горожанами и чествуемое щедрыми даяниями соседей, но отмеченное ложным именем святого Вита. Сохранив его, горожане не отвергли вполне старую веру.

(1168 г.) Посреди города была площадь, на которой стоял храм из дерева, изящнейшей работы, не только за великолепие культа, но также за божественность находившегося в нем изваяния почитаемый. Внешняя стена здания выделялась аккуратной резьбой, грубой и неотделанной, включавшей формы разных вещей. В ней имелся единственный вход. Сам же храм заключал в себе два ограждения, из которых внешнее, соединенное со стенами, было Покрыто красной кровлей; внутреннее же, опиравшееся на четыре колонны, вместо стен имело завесы и ничем не было связано с внешним, кроме редкого переплета балок.

В здании огромное изваяние, во всем подобное человеческому телу, но величиной превосходившее, удивляло четырьмя головами и столькими же шеями, из которых две видны были со стороны груди, две — со спины. И Спереди, и сзади одна голова вправо, другая влево смотрела. Косматые бороды, подстриженные волосы показывали, что искусство художника подражало обычаю руян в уходе за головой. В правой руке [бог] держал рог, изготовленный из разного рода металлов, который жрец этого святилища обычно каждый год наполнял вином, чтобы предсказать по уровню жидкости урожай будущего года. Левая рука наподобие лука упиралась в бок. Рубаха ниспадала до голеней, которые, из разного рода дерева сделанные, так скрыто в коленях соединялись, что место скрепления нельзя было заметить иначе как при тщательном рассмотрении. Ноги касались земли, а их основы скрывались в грунте. Невдалеке были видны узда и седло бога и многие знаки его божественности. Из них вызывал удивление заметной величины меч, ножны и рукоять которого, помимо превосходного резного декора, украшали серебряные детали.

Торжественный его культ отправлялся так. Ежегодно после сбора урожая смешанная толпа со всего острова перед храмом бога, принеся в жертву скот, справляла торжественный пир, именовавшийся священным. Его жрец, вопреки отеческому обычаю отличавшийся длинной бородой и волосами, накануне дня, когда надлежало священнодей-

ствовать, малое святилище — куда только ему можно было входить — обычно с помощью метлы тщательно убирал, следя, чтобы в помещении не было человеческого дыхания. Всякий раз, когда требовалось вдохнуть или выдохнуть, он отправлялся к выходу, дабы присутствие бога не осквернялось дыханием смертного.

На следующий день, когда народ стоял у входа, он, взяв у изваяния сосуд, тщательно наблюдал, не понизился ли уровень налитой жидкости, и тогда ожидал в будущем году неурожая. Заметив это, велел присутствовавшим запасать плоды на будущее. Если же не предвидел никакого убывания обычного плодородия, предсказывал грядущее время изобилия полей. После такого прорицания приказывал урожай этого года или бережливее, или щедрее расходовать. Вылив старое вино к ногам идола, как возлияние, пустой сосуд снова наливал: как бы выпивая за здоровье, почитал статую, как себе, так и отечеству благ, горожанам удачи в умножении побед торжественными словами просил. Окончив это, подносил рог к устам, чрезвычайно быстро, одним глотком выпивал и, наполненный снова вином, вставлял его опять в правую руку изваяния.

Изготовив пирог с медовым вином круглой формы, величины же такой, что почти равнялся человеческому росту, приступал к жертвоприношению. Поставив его между собой и народом, жрец по обычаю спрашивал, видят ли его руяне. Когда те отвечали, что видят, то желал, чтобы через год не смогли разглядеть. Такого рода мольбой он просил не о своей или народа судьбе, но о возрастании будущего урожая. Затем от имени бога поздравлял присутствовавшую толпу, долго призывал ее к почитанию этого бога и усердному исполнению жертвенных обрядов и обещал вернейшее вознаграждение за поклонение и победу на суше и море.

Окончив же это, они сами жертвенные яства обращали в пиршественную снедь и насыщение обжорства, заставляя посвященные божеству жертвы служить своей невоздержанности. На этом пиру попирать умеренность считалось благочестием, воздерживаться же — нечестием.

В дар этому изваянию приносилась ежегодно одна монета с каждого мужчины или женщины. Ему также отдавалась треть добычи, соответственно так же выделялась и обосновывалась доля для его защиты. Этот бог имел триста коней и столько же воевавших на них всадников; все богатство, добытое ими оружием или хитростью, отдавалось на попечение жреца. Из этой добычи он создавал всякого рода инсигнии и храмовые украшения и их велел хранить за тайными запорами, где, кроме обилия денег, было собрано много пурпурных тканей, дырявых от времени. Здесь же видно было огромное количество общественных и частных приношений, собранных благодаря щедрости почитателей и дарам просителей.

Эту статую, почитаемую дарами всех славян, соседние короли не без уважения к нечестию наделяли дарами. Между прочими также король датчан Свен" умилостивления ради посвятил кубок изысканной работы, предпочитая поклонение чужой вере своей. <...> Этот бог имел также другие храмы во многих местах, которые управлялись жрецами почти равного достоинства и меньшего могущества.

Кроме того, он имел особого коня белой масти, у которого вырвать волосок из гривы или хвоста считалось нечестием. За ним одному жрецу позволялось ухаживать и садиться на него, дабы употребление священного животного не было слишком частым и унизительным. На этом коне, по мнению руян, Святовит — таково было имя изваяния — воевал против врагов своей святыни. Главным доводом этого считалось, что, находясь

https://RodnoVery.ru

ночью в стойле, он оказывался покрыт грязью и потом так, словно в скачке преодолел пространство долгих путей.

Гадание с этим конем производилось так. Когда предполагалось начать войну против какой-либо страны, перед храмом по обычаю служители ставили три копья. Из них два втыкались наконечниками в землю и соединялись [третьим] поперек; эти сооружения размещались на равном расстоянии. К ним конь, во время выступления в поход, после торжественного моления, выводился в сбруе жрецом из входа. Если поставленные сооружения переступал правой ногой прежде, чем левой, это считалось знаком удачного хода войны; если же левой прежде правой ступал, то направление похода изменяли. Выступая также на разные предприятия, по первому движению животного получали предсказания. Если оно было счастливым, радостно двигались в путь; если же несчастным, поворачивали назад.

Небезызвестен был и такой способ гадания. Три деревянные дощечки, с одной стороны белые, с другой — черные, бросались в качестве жребия в яму; белое означало удачу, черное — неудачу. И женщины были не чужды таких знаний. Сидя на месте, они случайно, без расчета, чертили линии в золе. Если число их оказывалось четным, гадание считали счастливым, если нечетным — то неудачным.

<..>[0 разрушении храма.] Кроме того, стены храма были увешаны пурпурными тканями, наделенными красотой, но столь ветхими, что их едва можно было тронуть. Не было недостатка и в рогах лесных зверей, не менее примечательных природой, чем отделкой. Демон в виде темного животного выскочил изнутри [здания] и внезапно убежал от окруживших его огней.

<...> Отличием этого города [Корениц] были три здания выдающихся храмов, заметные блеском превосходного мастерства. Достоинство местных богов пользовалось почти таким же почитанием, как среди аркон-цев — авторитет общественного божества. Но и это место, в мирное время безлюдное, теперь было переполнено многочисленными обиталищами[100].

<...> Самый большой храм стоял внутри двора, но вместо стен ему служили пурпурные завесы, крыша же опиралась лишь на колонны. Служители [церкви], разломав ограду двора, взялись за внутренние завесы храма. Когда и их убрали, высеченное из дуба изваяние, именовавшееся Ругевитом, стало видно в своем уродстве со всех сторон. Ласточки, которые под его устами свили гнезда, покрыли пометом его грудь. Достойный бог, изображение которого столь уродливо измарано птицами! Кроме того, у его головы было семь человекоподобных лиц, которые все были покрыты одним черепом. Столько же мечей в ножнах, подвешенных к его боку, изобразил мастер. Восьмой, обнаженный, [бог] держал в руке; вложенный в кулак, он был крепчайше прибит железным гвоздем, так что нельзя было извлечь, не разрубив, что показало его рассечение. Ширина его была больше человеческого роста, высота же такая, что [епископ] Абсалон, встав на цыпочки, едва достал до подбородка топориком<...>

Этого бога почитали, совсем как Марса, возглавляющим силы войны. Ничего забавного не было в этом изваянии, вызывавшем отвращение грубыми чертами уродливой резьбы.

<...> Завершив его уничтожение, отряд спутников [епископа] рьяно двинулся к изваянию Поревита, которое почиталось в ближайшем храме. Он был изображен с пятью головами, но безоружным. Срубив его, вошли в храм Поренута. Эта статуя представляла четыре лица, а пятое имела на груди и касалась его лба левой, а подбородка правой рукой. Ее с помощью служителей [епископ] поверг ударами секир.

Saxonis Grammatici. Historia Danica. P. I. V. II. Havniae,1839. P. 661, 822—827, 837—838, 841—843.

Сага о Книтлингах (XII в.).

122 (1168 г.). [Датский король Вольдемар в Корени-це] приказал сокрушить трех идолов, которые именовались Рунвит, Турупит и Пурувит. Эти идолы такие чудеса творили: если кто желал сойтись с женщиной в городе, то они сцеплялись, будто псы, и не прежде разъединялись, чем покидали город. <...> Там захватили у идолов много денег, золото и серебро, шелк, и хлопок, и пурпур, шлемы и мечи, кольчуги и всякого рода оружие. Пятый идол звался Пизамар. Он был в Асунде [Ясмунде], так именовался город. Этот [идол] также был сожжен. [Другой бог] назывался Черноглав (Tiarnoglofi), это был их бог победы, который ходил с ними в походы; имел серебряные усы. Он дольше всех сохранялся; только на третий год после этого его захватили.

Monumenta Germaniae historica. T. XXIX. Hannoverae, 1892. P. 314.

Страсти мучеников, погребенных в Эбсторфе
(XIV в.).

После смерти императора Карла Великого некоторые не истинные христиане, преимущественно за Эльбой, оставив принятую веру Христову, своих свергнутых идолов Хаммона, то есть Святобога (Suentobuck), Вителюба (Witelubbe), Радигоста и других, восстановили и в прежних местах поставили.

Hanuscn I. J. Op. cit. S. 210.

Хроника Пулкавы (XIV в.; использована более ранняя «Хроника Бранденбургской марки»).

В этом городе [Бранденбурге (Браниборе)] идол мерзкий с тремя головами чествовался обманутыми людьми, словно бог почитался.

Palm T. Wendische Kultstatten. Lund, 1937. S. 95.

Николай Марешалк Турий. Анналы герулов и вандалов[101] (XV в.).

I, 4. <...> есть в окрестностях Гадебуша, который обтекает река Радагас, носящая имя божества, корона которого (из меди, от расплавленного его идола), поныне видна в окне храма.

I, 9. Идол (Радигоста) был вооружен, в шлеме и кольчуге, с изображением бычьей головы на груди.

https://RodnoVery.ru

II, 1. Антюрий поместил на носу корабля, на котором плыл, голову Буцефала, а на мачте — водрузил грифа[102].
A. Frencelii. Op. cit. P. 126—127, 131.
Конрад Бото. Саксонская хроника (1492).
1116 г. Славяне поистине отступили от клятвы и восстановили старого бога, звавшегося Флинц, который стоял на кремне, был изображен в виде мертвеца в длинном плаще и имел в руке палку с горящим факелом, и на левом плече — вздыбившегося льва, который будет воскрешать мертвых <...>
1123 г. В Ольденбурге был бог, именовавшийся Проно [Прове], и он стоял на столбе, и имел в руке красное железо испытаний (proveyssen), и имел знамя, а еще длинные уши, и венец, и пару сапог, а под ногой — колокол.
1133 г. В Мекленбурге бодричи почитали бога, именовавшегося Радигост, который имел на груди щит, на котором была изображена черная бычья голова, а еще имел в руке секиру, а на голове — птицу.
Schwenk K. Die Mythologie der Slawen. Frankfurt a. m., 1853.
S. 169, 178—179; Jagic V. zur slawischen runenfrage//
Archiv fur slawische philologe. 1880. Bel. V. S. 204.
Захариас Гарцеус (бранденбургский хронист XVI в.). В этом храме [на г. Гартунгсберг в Бранденбурге] сто-
• «■ * T 103
ял тройной идол, названный 1ригла, которому вандалы с величайшим почтением поклонялись. Это было изваяние Дианы, ведь, как известно из Евстафия, греческого писателя[104], Диана также называлась Тригла. Этот же идол был через несколько лет после того увезен Христианом[105], королем датчан, когда тот изгнанником прибыл в [Бран-денбургскую] Марку.
Palm T. Op. cit. S. 97.
Давид Хитреус. Саксонская хроника (XVI в.).
[В Юлине] некоторые роды сохраняли своих идолов и собственные обряды: в общественном исповедании — Триглава, трехглавого бога (изображение которого поныне можно видеть в храме бранденбургских каноников на [реке] Хафеле), и богов малых родов — покровителей войны и торговли Яровита (Haruit) и Поревита (Barovit), как бы Марса и Меркурия, кроме того, Белбога и Черно-бога, белого и черного богов почитали.
<...> Изображение идола Руяны, высеченное на камне, можно видеть в селе Альтенкирхен, в притворе храма. Более похожего на чудовищного злого демона, чем на какого-либо бога; старые жители его называли Свято-витом, нынешние же — Витольдом.
A. Frencelii. Op. cit. P. 106, 139.
Адальберт Кранц. Вандалия (1572).
Идол, подобный Венере, стоящей на колеснице с тремя Грациями, был в Магдебурге, городе, который от этой богини славяне также называли Девин.
Boguslawski W. Op. cit. S. 308.
Христофор Манлий. Записки о делах Лужиц
(1580).
II, 32. Был же он [Флинц] подобен мертвецу, бледный, с черными кудрями, одетый в длинный плащ красного цвета; в правой руке держал шест, на верху которого был прикреплен то ли рыжий сноп, то ли горящий пучок колосьев.
A. Frencelii. Op. cit. P. 227.
Петр Альбин. Мейссенская хроника (1590).

XI. Чернобог был черный бог; подобно как Ютро-бог — бог зари. Несомненно, почитался и подобный бог, который, вероятно, означал утреннюю зарю.

Цица, то есть молочная или кормилица; всеобщая пита-тельница. От которой получила свое имя трава цист [чистотел], которая в Марке и Лужицах весьма распространена.
<...> Также в области Мейссена, как я говорил, в некоторых местах находятся старые изображения, высеченные из камня, с тремя лицами. Одно, подобное таким, находится у Грима на мосту, с тремя лицами под одной макушкой.
A. Frencelii. Op. cit. P. 204; Frenzel M. Dissertationes historicae tres de idolis Slavorum// Scrip tores rerum Lusaticarum. P. 78, 81.
История Каменской епархии (первая пол. XVII в.).
Отсюда злого бога Дьяволом и Чернобогом, то есть Черным богом, доброго же Белбогом, то есть белым богом называли. <...> Фигуру этого идола, высеченную в камне, поныне можно видеть на Руяне, на полуострове Виттов, в народе именуемую Виттольд, как бы «Древний Вит», с большой головой, густой бородой, кривыми ногами, раздутым брюхом, он скорее выглядит чудовищем, чем вымышленным богом[106].
Hanuscn I. J. Op. cit. S. 154.
Валентин фон Эйхштедт[107].
<...> известнейший бог щецинцев был Триглав с тремя золотыми головами, откуда он и получил имя; он изображался с тремя головами под одной макушкой, держащим в руке месяц.
A. Frencelii. Op. cit. P. 204.

https://RodnoVery.ru

Иеремия Симон. Эйленбургская хроника.
I, 8. Лесной бог Флинц, или Флинсс, стоял под прекрасной широкой липой (возле Лейпцига).
A. Frencelii. Op. cit. P. 228.
Будышинские анналы[108].
Флинц стоял недалеко, в одной восьмой мили к северу от города, на месте, где лежит деревня Эна (Ohna), над Шпрее на высокой багине из камня, где ныне холм. И лежащие ниже куски камня свидетельствуют об этом; большая же часть была сброшена в Шпрее.
A. Frencelii. Op. cit. P. 228.
Церковная история Силезии.
II. Флинцу приносили многие жертвы из одних только зверей, а также создали [для него] жертвенник и рощу.
A. Frencelii. Op. cit. P. 229.
Экхардт. Памятники Ютербога (1732).
Вероятно, это светило (солнце) и место его первого появления под именем Ютробога было для них [лужичан] священным. <...> Не тот ли он вид имел, какой засвидетельствован «Саксонской хроникой»[109]: «Держали перед собой идола, означающего солнце, испускающего лучи от лица, с огненным кругом на груди»? <...> Ютробога единогласно считали добрым богом. Кроме того, есть стойкая традиция древних о том, что язычники в некоем храме, сооруженном из камня, где окна глядели на восток, почитали Зарю и часто наблюдали приход [своего] бога.
Hanuscn I. J. Op. cit. S. 177.

https://RodnoVery.ru

Основная литература по славянской мифологии

Асов И. А. (Бус Кресень). Русские веды.— М., 1992.
Асов И. А. Славяно-русские веды: Книга Коляды.— М., 2001.
Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I—III.— М., 1865—1869.
Велесова книга: Славянские веды.— М., 2002 (Антология мудрости).
Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь.— СПб., 1998.
Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси.— Т. I.— Харьков, 1916, Т. II, М., 1913.
Древлянский. Белорусские народные предания // Журнал Министерства народного просвещения. Прибавления. 1846. Кн. 1.
Дудко Д. М. Свет из иранского мира // Заратустра. Учение огня. Гаты и молитвы.— М., 2002 (Антология мудрости).
Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Вып. I. Русалки и умершие неестественной смертью.Пг, 1916.
Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы.— М., 1865.
Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей.— М., 1974.
Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники.— М., 1973.
Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники.— М., 1977.
Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники.— М., 1978.
Квашнин-Самарин Н. Очерк славянской мифологии // Беседа. 1872. № 4.
Левкиевская Е. Мифы русского народа.— М., 2000.
Мифы древних славян.— Саратов, 1993.
Нидерле Л. Славянские древности.— М., 1956.
Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной ск ки.— М., 1974.
Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб., 1995.
Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.— М., 1981.
Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси.— М., 1987.
Семенова М. Быт и верования древних славян. СПб., 2000.
Семенова М. Поединок со змеем.— СПб., 1996.
Славянская мифология. Энциклопедический словарь.— М., 1995.
Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. I—
П.— М., 1995—2000.
Соколов М. Старорусские солнечные боги и богини.—- Симбирск, 1887.
UL
Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов.— М., 1979.
Фаминцын А. С. Божества древних славян.— СПб., 1884.
Фаминцын А. Богиня весны и смерти в песнях и обрядах славян // Вестник Европы. 1895. № 6—7.
Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии.— М., 2001.

https://RodnoVery.ru

Комментарии

[42] У славян-язычников мог существовать обряд вроде принятого у языческих германцев обливания младенцев.
[43] Сейчас, когда одежде почти не придают сакрально-магического значения, ее все запахивают, «как у лешего».
[44] Иногда говорят о русалках-мужчинах. Но чаще утопленников-мужчин представляют особыми существами сродни водяным (см. выше).
[45] Сюда не входили грешники, отбывавшие наказание в пекле и с миром живых не общавшиеся.
[46] Общеевропейское «вампир» — одна из форм славянского «упырь». Русское (литературное) «вурдалак» — искаженное южнославянское обозначение оборотня-волколака.
[47] Планетниками могут быть и колдуны-двоедушники, и «заложные мертвецы».
[48] Лада и Яга составляют мифологическую пару и потому вполне могли считаться сестрами. Неизвестно, однако, кто были их родители, и существовал ли вообще миф о таковых.
[49] Нередко в 12 лихорадках, дочерях Ирода (в русских заговорах) видят дочерей Чернобога. Но представление об этих лихорадках и даже их имена заимствованы на Руси из Византии.
Этот миф логически не совместим с мифом о создании человека Белбогом. Мифологическое мышление, однако, мало считается с подобными противоречиями.
[51] По этнографическим данным, Русальной называлась неделя перед Троицей или после нее. На календаре IV в. из Ромашек выделена неделя перед Купалой.
В словаре указаны, помимо имен богов, имена их христианских, фольклорных, обрядовых ликов. Не указаны «боженята» и некоторые вымышленные божества.
[53] В «Житии» описано событие 1056 г.
[54] *Местром* — библейский Мицраим. *Еремия* — Гермес (Тот). *Феоста* — Гефест (Пта).
[55] Т. е. воздерживаться от супружеской измены.
[56] *Пидьблянин* — житель пригородного с. Пидьба.
[57] В Ермолинской летописи добавлены слова Перуна: «Тешьтесь, новгородские люди, а меня поминайте!»
[58] О Трояне, его тропе, земле, веках см.: Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слово о полку Игореве». М., 1972.
[59] *Сурож* — совр. Судак. *Корсунь* — Херсонес.
[60] *Олег Гориславич* — Олег Святославич, князь Черниговский (1094—1115), виновник многих усобиц.
[61] Древнерусские поучения сохранились в основном в поздних списках и датируются лишь предположительно.
[62] *Кутный бог* — домовой. *Ядрей, Обилуха, спорыньи, Спех* — божества урожая. *Попутник, лесной бог* — леший.
[63] Т. е. автор.
[64] В других списках — «тридевять» (27).
[65] Поучения, приписывавшиеся славянскими книжниками отцам церкви, в действительности представляли собой вольные переводы с комментариями или же апокрифы.
[66] В других списках «тридевять» (27).
[67] *Жмудь* — Жемайтия (северо-западная Литва).
[68] *Аполин* (Аполлон) — здесь: *Хоре. Перегиня* — Берегиня.
[69] Купала празднуется примерно за месяц до начала жатвы.
[70] *Кереметь* — святилище (морд., мар., удм.).
[71] Здесь Владимир спутан со своим отцом Святославом.
[72] На плетне.
[73] Троицких праздников.
[74] *Лехиты* — поляки.
[75] *Дубравка* — жена князя Мешко, крестителя Польши.
[76] Здесь Прокош смешал Ладо-Марса и Морану.
[77] *Кародун* — Краков (у Птолемея).
Мечислав — Мешко I, князь Польши (960-992).
[79] Чешские слова вписывались над строкой переписчиком толкового словаря латинских слов.
[80] *Прия* — германская Фрейя.
Пик — лесной бог, превращенный в дятла (рим.). *Феронция* —- богиня освобождения рабов (рим.). [83] Надпись под изображением богини-оранты с растениями в руках.
Тассан — дракон.
[85] Или: в седле. М. Вельский описывает статую Зелу как всадника на коне.
[86] Битва с амазонками произошла 14 марта.
Бруно возражает против союза с язычниками-лютичами. [88] В остальных источниках город называется Ретра. В некоторых стихах: «по углам».
Лютичи были союзниками императора в воине с поляками. Воинственная богиня, возможно, Морана.
[91] *Винделики* — кельтское племя на верхнем Дунае. Здесь, вероятно, полабские славяне, соседи германцев-свевов.
[92] Эти же сообщения повторяет Гельмольд 0> 2; I, *2.5). Коншины* (кутины) — храмы, служившие также местами собраний.
[94] Очевидно, в каждой контине был один жрец.
[95] Слово «контина» *(ko.tina)* происходит не от лат. соп-tinere, а от слав. ko,t — «угол», «место».
[96] *Ратари* и *доленчане* — главные племена союза лютичей.
[97] *Альденбург* (Старград, совр. Ольденбург) — столица вагров.
[98] Пространство между четырьмя колоннами, где стоял идол.
[99] *Свен I Вилобородый, король Дании* (986—1014), завоеватель Норвегии и Англии.
[100] Во время войны в городе укрылись окрестные жители.
[101] *Герулы* и *вандалы* — восточногерманские племена, в которых Турий видел предков славян-бодричей.

https://RodnoVery.ru

[102] *Антюрий* — легендарный предок бодрицких князей, якобы соратник Александра Македонского. *Буцефал* (Бычьеголовый) — конь последнего. Так Турий объясняет происхождение бычьей головы и грифона в мекленбургском гербе.

[103] *Вандалы* — восточногерманское племя, с которым средневековые книжники часто отождествляли славян (венедов, вендов).

[104] *Евстафий* -— видимо, Евстафий Фессалоникский **(XII** в.), знаток античной литературы. Славянских богов он, однако, не упоминает. Диана-Артемида отождествлялась с трехликой Гекатой.

[105] *Христиан I* —- король Дании (1513—1523).

[106] Альтенкирхенский рельеф в действительности не столь уродлив, как это описывают церковные авторы.

[107] Валентин фон Эйхштедт, Иеремия Симон, анонимные авторы Будышинских анналов и «Церковной истории Силезии»,— поздние историки (XVI—**XVII** вв.), цитируемые в работе М. Френцеля «Об идолах славян» (1691).

[108] *Будышин* (Бауцен) — центр Лужицкой земли.

[109] Вероятно, хроника Д. Хитреуса.

[103] *Вандалы* — восточногерманское племя, с которым средневековые книжники часто отождествляли славян (венедов, вендов).

[104] *Евстафий* -— видимо, Евстафий Фессалоникский **(XII** в.), знаток античной литературы. Славянских богов он, однако, не упоминает. Диана-Артемида отождествлялась с трехликой Гекатой.

[105] *Христиан I* —- король Дании (1513—1523).

[106] Альтенкирхенский рельеф в действительности не столь уродлив, как это описывают церковные авторы.

[107] Валентин фон Эйхштедт, Иеремия Симон, анонимные авторы Будышинских анналов и «Церковной истории Силезии»,— поздние историки (XVI—**XVII** вв.), цитируемые в работе М. Френцеля «Об идолах славян» (1691).

[108] *Будышин* (Бауцен) — центр Лужицкой земли.

[109] Вероятно, хроника Д. Хитреуса.

https://RodnoVery.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Д. М. Дудко. Пути в мир славянских богов.....5
Матерь Лада и ее **семья**.....25
Лада — мать богов и мира 26
Велес — волхв богов.....56
Баба-Яга — владычица смерти.....82
Чернобог — владыка зла.....102
Стрибог — дед ветров.....ИЗ
Сварог — небесный кузнец 121
Перун — грозный князь богов.....130
Даждьбог — Солнце-Царь.....148
Огонь Сварожич 177
Ярила — веселое солнце **179**
Близнецы-всадники.....197
Морана — богиня весны и смерти.....212
Леля — богиня весны и жизни.....231
Летница-громовница 236
Мара — губительница Перуна.....241
Дзевана — лесная охотница 250
Симаргл — крылатый пес.....254
Прове — бог правосудия.....263
Ругевит и Поревит — боги лета и зимы.....266
Курент — веселый бог.....270
Две зари — утренняя и вечерняя.....272
Обида, Карна и Желя — вестницы смерти 276
Царь Морской.....278
Боги и богини малоизвестные и вымышленные.....281
Славянские боженята.....289
Комментарии и приложения 315
Родословная славянских богов и их праздники.....316
Словарь-указатель славянских богов 328
Боги славян в исторических источниках и народной памяти . . .343
Основная литература по славянской мифологии.....420
Комментарии.....422